

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

**РЕГИОНАЛЬНЫЙ ЦЕНТР
ПЕРЕПОДГОТОВКИ И ПОВЫШЕНИЯ
КВАЛИФИКАЦИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ ПРИ
ФЕРГАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ**

**УЧЕБНО МЕТОДИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС
ПО МОДУЛЮ**

«ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ»

к.п.н., доцент Давлятова Г.Н

2023

Учебная рабочая программа составлена на основе учебного плана и программы, утвержденные Министерством высшего и среднего специального образования Республики Узбекистан № 648 от 7 декабря 2020 года и утвержден на Научном совете ФерГУ № 5 от 26 декабря 2022 года.

Составитель: к.п.н., доцент Давлятова Г.Н

Рецензент: к.п.н., доцент Тоштемирова З.С.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I.	РАБОЧАЯ ПРОГРАММА	4
II.	ИНТЕРАКТИВНЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МЕТОДЫ ПРИ ИЗУЧЕНИИ МОДУЛЯ	11
III.	ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ	13
IV.	ПРАКТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ	42
V	БАНК КЕЙСОВ	120
VI.	ГЛОССАРИЙ	122
VII.	СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	125

I. РАБОЧАЯ ПРОГРАММА

Введение

Настоящая программа разработана в соответствии с приоритетными задачами, предусмотренными Указами Президента Республики Узбекистан УП-4732 от 12 июня 2015 г. «О мерах по дальнейшему совершенствованию системы переподготовки и повышения квалификации руководящих и педагогических кадров высших образовательных учреждений», УП-5789 от 27 августа 2019 г. «О внедрении системы непрерывного повышения квалификации руководящих и педагогических кадров высших образовательных учреждений», УП-5847 от 8 октября 2019 г. «Концепция развития системы высшего образования Республики Узбекистан до 2030 года».

Программа направлена на оказание практической помощи слушателям повышения квалификации педагогических кадров в углублении теоретических и практических знаний инновационных образовательных технологий в условиях реализации компетентного подхода, направленного на формирование, развитие и совершенствование профессиональной компетенции преподавателя русского языка и литературы. Данная компетенция представляет собой систему лингвистической, социолингвистической и прагматической компетенций, позволяющих эффективно функционировать в различных ситуациях профессиональной и научной направленности и способствовать интеграции в мировое образовательное пространство.

Целью модуля является развитие профессиональных навыков и инновационной компетентности, применение лучших зарубежных практик в этой области, а также развитие способности интеграции новых знаний и навыков среди педагогических кадров высших учебных заведений.

Цели и задачи курса

Целью курса является ознакомление слушателей ФПК с понятийными и языковыми категориями, показ различий логической и лингвистической семантики, объяснение того, как социальный и индивидуальный опыт носителя языка отражается в представлении о мире и его законах.

Задачей курса является знакомство слушателей ФПК с важными филологическими понятиями, которые позволяют ему в дальнейшем усваивать материал лингвистического характера в системном его проявлении. Усвоение дисциплины способствует повышению общей речевой культуры слушателей ФПК и их навыков по филологическому анализу категорий.

Основной акцент делается на формирование следующих компетенций:

- способность применять методы и средства познания, обучения и самоконтроля для своего интеллектуального развития, повышения культурного уровня, профессиональной компетенции;
- способность использовать понятийный аппарат философии, теоретической и прикладной лингвистики, переводоведения, лингводидактики и теории межкультурной коммуникации для решения профессиональных задач;
- способность видеть междисциплинарные связи изучаемых дисциплин, понимание их значения для будущей профессиональной деятельности.

Программа рассчитана на 16 академических часа. Из них на лекционный материал отводится 16 часов, из них 12 часов on-line, на лекционное занятие – 4 часа. Самостоятельная работа предусматривает работу в библиотеке с научно-теоретическими источниками и справочным аппаратом, подготовку самостоятельных докладов и проведение научного исследования по теме реферата, а также конспектирование и реферирование теоретических материалов.

Список литературы содержит труды, освещающие методологические вопросы курса, и основные учебники, и учебные пособия, а также дополнительную литературу по курсу.

Требования к знаниям, умениям и навыкам

В результате изучения данного модуля слушатель должен знать:

- о современных линиях развития теории языка в связи с эволюцией представлений о языке и мире;
- об основных лингвистических направлениях, школах и концепциях, их методологических принципах и базовых положениях/ постулатах об их месте и значении в истории языкознания;
- о главных представителях тех или иных школ, авторах ведущих теоретических концепций, включая их труды (хотя бы во фрагментах и извлечениях);
- общие закономерности возникновения, функционирования и развития человеческого языка
- основные понятия и термины дисциплины, особенности современного системно структурного подхода к описанию языка

Слушатель должен уметь:

- демонстрировать знание структуры явления, комплексное определение языка и связанных с ним явлений;
- уметь найти необходимые сведения в различных источниках;
- уметь использовать положения общего языкознания при рассмотрении частных языковых вопросов;
- анализировать и критически оценивать разнообразие научных взглядов по дискуссионным проблемам современного языкознания;
- использовать различные доступные каналы получения информации и систематизировать ее в теоретико-практических целях;

Слушатель должен иметь навыки:

- определения основной линии развития современного языкознания;
- сопоставления лингвистических методов;

- использования базовых общекультурных и профессиональных компетенций, необходимых для работы с научной литературой, в том числе навыки конспектирования, реферирования, поиска и анализа научной информации.

Технологии, используемые при изучении модуля

Модуль «Основные направления современного языкознания» проводится в форме лекций и практических занятий.

В модуле будут использоваться современные методы обучения, информационные и коммуникационные технологии:

Презентационные и электронно-дидактические технологии на занятиях с помощью современной компьютерной техники;

Практическое обучение включает использование технических средств, экспресс-опросы, тестовые вопросы, мозговой штурм, групповое мышление, работу в малых группах, коллоквиумы и другие интерактивные методы обучения.

Связь и интеграция модуля с другими модулями учебной программы

Принцип модульности определяет весь подход к организации обучения: отбор целей, содержания, форм и методов обучения. В соответствии с этим принципом содержание обучения структурируется в форме отдельных блоков - модулей. Модуль «Основные направления современного языкознания» тесно связан с другими модулями программы повышения квалификации по направлению курса повышения квалификации: Обучение филологии и языкам (русский язык)

Содержание модуля «Основные направления современного языкознания» служит повышению уровня общепрофессиональной подготовки учителей, интегрируя их со всеми направлениями модулей специализации в учебной программе.

Роль модуля в высшем образовании

Освоив модуль, слушатели приобретут профессиональные компетенции, такие как эффективное использование навыков и способность использовать понятийный аппарат философии языка, теоретической и прикладной лингвистики, переводоведения, лингводидактики и теории межкультурной коммуникации для решения профессиональных задач.

Объем и содержание модуля

«Основные направления современного языкознания»

№	Темы модуля	Учебная нагрузка слушателей, кол-во часов			
		всего	Аудиторная учебная нагрузка		
			В том числе		
			всего	теория	Практические занятия
1.	Прикладная лингвистика и лингвистика.	2	2	2	
2.	Классика и инновации в современном русском языкознании.	2	2	2	
3.	Основные направления лингвистики.	2	2		2
4.	Компьютерная лингвистика.	2	2		2
5.	Корпусная лингвистика как раздел языкознания.	2	2		2
6.	Коммуникативная лингвистика. Лингвопрагматика. Психолингвистика.	2	2		2
7.	Гендерная лингвистика. Нейролингвистика как наука.	2	2		2
8.	Межкультурная коммуникация: традиции и инновации. Лингвокультурология.	2	2		2
	Итого: 16 ч	16	16	4	12

МАТЕРИАЛЫ ЛЕКЦИОННЫХ ЗАНЯТИЙ

Лекция 1. Прикладная лингвистика и лингвистика.

Понимания термина «прикладная лингвистика. Круг задач прикладной лингвистики. Методы прикладной лингвистики: стратегии изучения языка, изучение методов обучения языкам, звуки языка, обучение грамматике.

Лекция 2. Классика и инновации в современном русском языкознании.

Язык - культура - человек – этнос. Вопрос о смене парадигм в языкознании. Новая парадигма знаний.

МАТЕРИАЛЫ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ

Занятия 3. Основные направления лингвистики.

Лингвистика конца XX – начала XXI в. Лингвистическое направление.

Занятия 4. Компьютерная лингвистика.

Компьютерная лингвистика как прикладная лингвистическая дисциплина. Когнитивный инструментарий компьютерной лингвистики

Занятия 5. Корпусная лингвистика как раздел языкознания.

Понятие лингвистического корпуса. История корпусной лингвистики. Корпусный (эмпирический) подход в сравнении с хомскианской лингвистикой. Задачи и основные направления корпусной лингвистики. Корпусная лингвистика и компьютерная лингвистика. Предмет исследования. Определение лингвистического корпуса. Отличие корпуса от электронной библиотеки. История создания лингвистических корпусов. Основные понятия. Лингвистические и нелингвистические корпуса. Проблема репрезентативности. Развитие лингвистических корпусов в мире. Первое и второе поколение корпусов. Экстралингвистическая метаразметка. Лингвистическая разметка. Автоматическая морфологическая и синтаксическая разметка.

Занятия 6. Коммуникативная лингвистика.

Лингвопрагматика. Психолингвистика.

Коммуникативная лингвистика. Лингвопрагматика. Психолингвистика.

Занятия 7. Гендерная лингвистика. Нейролингвистика как наука.

Гендерная лингвистика. Нейролингвистика как наука. Проблема порождения и восприятия речи в современных лингвистических исследованиях. Процесс продуцирования речи: суть процесса порождения речи (переход «смысл→текст»), методы исследования процесса речепорождения. Модели речепорождения: основные этапы и уровни процесса в рамках лингвистических, психолингвистических и нейролингвистических исследований; условия, обеспечивающие успешное протекание процесса продуцирования речи. Процесс речевосприятия: суть перцептивного процесса, задачи и методы его исследования. Проблемы речевосприятия, речепорождения и ментальный лексикон.

Занятия 8. Межкультурная коммуникация: традиции и инновации.

Лингвокультурология.

Межкультурная коммуникация: традиции и инновации.
Лингвокультурология.

Формы обучения

При обучении данного модуля используются индивидуальная, фронтальная, групповая, коллективная, интерактивная форма обучения.

II. ИНТЕРАКТИВНЫЕ МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ

ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ПРИ ОБУЧЕНИИ МОДУЛЯ

Интерактивное обучение представлено следующими методами и приемами работы:

- Мозговой штурм – представлен потоком вопросов и ответов на них, либо предложений по конкретной теме. Анализ правильности или неправильности предложений и ответов осуществляется после проведения штурма. В анализе участвуют в основном учащиеся, педагог лишь корректирует и направляет.

- Сравнительные диаграммы, кластеры и пазлы. Суть данного метода заключается в том, что учащиеся занимаются поиском решения ключевых проблем по поставленной педагогом мини – теме.

- Интерактивное занятие с использованием ИКТ (аудио- и видеоматериалы). Педагогом подбираются, либо самостоятельно составляются тестовые задания в онлайн-режиме, осуществляется работа с электронными учебными программами, сайтами и т.д.

- Круглый стол, проводимый в форме дебатов или дискуссии – групповой вид метода, предполагающий коллективное обсуждение и поиск решения поставленной проблемы. Осуществляется путем высказывания идей, мнений, предположений и т.п.

- Деловые игры (имитационные, луночные, ролевые и т.п.). Один из наиболее популярных методов интерактивного обучения. Доступен для применения даже в начальных классах. В процессе игры учащиеся играют определенные роли, согласно поставленной ситуации.

- Аквариум – является одной из разновидностей деловой игры. По своему содержанию и проведению напоминает реалити-шоу. Суть состоит в том, что педагог задает определенную проблемную ситуацию, 2-3 участника ее обыгрывают, остальные наблюдают и анализируют. Анализу

подвергаются не только действия, но и те варианты, которые были предложены для решения проблемы.

- Метод проектов. Данный метод предполагает самостоятельную подготовку проекта, по определенной теме, и его последующая защита перед другими учащимися.

- BarCamp, или антиконференция. Метод предложил веб-мастер Тим О'Рейли. Суть его в том, что каждый становится не только участником, но и организатором конференции. Все участники выступают с новыми идеями, презентациями, предложениями по заданной теме. Далее происходит поиск самых интересных идей и их общее обсуждение.

III. МАТЕРИАЛЫ ЛЕКЦИОННЫХ ЗАНЯТИЙ

Лекция – 1. Прикладная лингвистика и лингвистика.

План:

1. Понимания термина «прикладная лингвистика»
2. Круг задач прикладной лингвистики
3. Методы прикладной лингвистики: стратегии изучения языка, изучение методов обучения языкам, звуки языка, обучение грамматике.

Ключивие слова: прикладная лингвистика, компьютерная лингвистика, «вычислительная лингвистика, автоматическая лингвистика, инженерная лингвистика.

1. Понимания термина «прикладная лингвистика»

Термин «прикладная лингвистика» многозначен. В российской и западной лингвистике он имеет совершенно разные интерпретации. В западной лингвистике (applied linguistics, angewandte Linguistik) он связывается прежде всего с преподаванием иностранных языков, включая методику преподавания, особенности описания грамматики для учебных целей, преподавание языка как родного и иностранного и пр.) В Россия термин прикладная лингвистика стал широко употребляться в 50-е гг. в связи с разработкой компьютерных технологий и появлением систем автоматической обработки информации (автоматизированных систем управления, систем информационного поиска, автоматизированных систем обработки текста и пр.). Именно поэтому в русскоязычной литературе вместо термина прикладная лингвистика в том же значении часто используются термины «компьютерная лингвистика», «вычислительная лингвистика», «автоматическая лингвистика», «инженерная лингвистика»; между тем отождествление этих дисциплин не вполне удачно, поскольку каждая из них имеет свой предмет и методы работы в рамках прикладной лингвистики как более широкого направления. В. А. Звегинцев, обсуждая соотношение между теоретической и прикладной лингвистикой, писал, что «под прикладной лингвистикой чаще всего понимают все виды автоматической обработки речевой информации (Language-data Processing) — машинное распознавание устной речи, машинный перевод, автоматическую классификацию технических и иных документов, автоматическое аннотирование текстов, автоматическое кодирование и пр. И действительно, автоматическая обработка речевой информации составляет в настоящее время основную

исследовательскую проблематику прикладной лингвистики (...). Но все же было бы неправильно замыкать прикладную лингвистику в пределах данной проблематики» [Звегинцев 1968, с. 24].

Широкий взгляд на область, охватываемую прикладной лингвистикой, приобретает все больше сторонников²). Широта проблематики

1) Этим объясняются некоторые, на первый взгляд, странные названия английских и американских высших учебных заведений. Так, иод названием *School of Applied Languages* (институт в Г.Дублин, часть Дублинского городского университета) — дословно «школа прикладных языков» — фактически имеется в виду «институт иностранных языков».

2) Ср. характерное утверждение: «Исследовательское пространство, покрываемое термином "прикладная лингвистика", сегодня необычайно широко. О пестроте ее проблематики можно судить хотя бы по докладам, представляемым на международные конгрессы по прикладной лингвистике (...). К числу наиболее интенсивно развивающихся (...) областей [прикладной лингвистики] относятся: лингводидактика, лексикография, практическая стилистика, теория перевода, терминоведение, теория искусственных языков, прикладная риторика, теория массовой коммуникации, текстология, нормирование языка и языковое планирование, полевая лингвистика, теория письменности, методы лечения речевых расстройств и другие» [Городецкий 1983, с. 7].

объясняет удивительную способность прикладной лингвистики существенно увеличивать и активизировать «контакты лингвистики с самыми различными науками» [Городецкий 1983, с. 23]. Междисциплинарные исследования функционирования языка оказывают решающее влияние на лингвистическую теорию, способствуя обновлению концептуального аппарата современного языкознания.

В настоящее время прикладная лингвистика понимается широко — как *деятельность по приложению научных знаний об устройстве и функционировании языка в нелингвистических научных дисциплинах и в различных сферах практической деятельности человека, а также теоретическое осмысление такой деятельности.*

Последнее — широкое понимание — и стоит в центре настоящего вводного курса прикладной лингвистики.

2. Круг задач прикладной лингвистики

Хотя возникновение прикладной лингвистики как автономной научной дисциплины относится к относительно недавнему прошлому (приблизительно к 20-м гг. XX в.), круг проблем, стоящий перед прикладной

лингвистикой, нельзя считать совершенно новым для языкознания. Перед языкознанием практически с самого начала его существования встала задача **оптимизации** функций языка — будь то формирование и поддержание традиции чтения и понимания сакральных текстов (экзегетика и герменевтика) или обеспечение контактов между разными народами. В философии и лингвистической теории принято различать коммуникативную, эпистемическую и когнитивную функции языка, которые, конечно, далеко не однородны и, в свою очередь, разделяются на более мелкие функции. Так, коммуникативная функция включает в себя фатическую (контактоустанавливающую) и информационную (в узком смысле) функции, функцию воздействия, социальную функцию (проявляющуюся в языковой политике). С точки зрения эпистемической функции языковая система предстает как способ хранения и передачи знаний (хранение знаний)³), а также как отражение специфически национального взгляда на мир — отражение национального самосознания. Согласно В. А. Звегинцеву, в рассматриваемой функции язык служит для дискретизации знаний и их объективизации [Звегинцев 1996, с. 195

3) Некоторые исследователи говорят в этом случае об «аккумулятивной» функции — см., например, [Аврорин 1975).

далее]. Когнитивная функция относится к той области жизни языка, которая связана с мышлением человека и с познанием действительности. С помощью языка знания интерпретируются, что приводит к порождению новых знаний (ср. понятие интерпретации знаний в [Звегинцев 1996]).

С функциональной точки зрения прикладная лингвистика может быть определена как *научная дисциплина, в которой изучаются и разрабатываются способы оптимизации функционирования языка*. Функции языка задают точки отсчета для классификации огромной области приложения лингвистических знаний. Оптимизацией коммуникативной функции занимаются такие дисциплины, как теория перевода, машинный перевод, теория и практика преподавания родного и неродного языка, теория и практика информационно-поисковых систем, создание информационных и, шире, искусственных языков, теория кодирования. Социальная функция языка — как часть коммуникативной — находит отражение в социолингвистике, в языковом планировании и языковой политике, в орфографии и орфоэпии, в теории воздействия, в политической лингвистике. Эпистемическая функция так или иначе проявляется в лексикографии (в том числе компьютерной), в терминологии и терминографии, в корпусной и полевой лингвистике. Оптимизация когнитивной функции сосредоточена в компьютерной лингвистике, в «лингвистической криминологии», в

психолингвистике и афазиологии, в квантитативной лингвистике.

3. Методы прикладной лингвистики: методы прикладной лингвистики: стратегии изучения языка, изучение методов обучения языкам, звуки языка, обучение грамматике.

Разнообразие методов прикладной лингвистики вполне сопоставимо с разнообразием конкретных областей приложения знаний о языке: каждая конкретная прикладная дисциплина обладает своим уникальным набором методов. Например, квантитативная лингвистика в значительной мере опирается на методический инструментарий статистики, компьютерная лингвистика широко использует методы теории программирования и представления знаний, теория воздействия опирается на представление о значимом варьировании языковых структур. Тем не менее можно выделить нечто общее, характерное для метода прикладной лингвистики в целом. Эта общая часть хорошо видна при сравнении методов описательной, теоретической и прикладной лингвистики.

Перед описательной лингвистикой стоит задача описания фактов языка различных уровней. Иными словами — на первом плане стоит метод классификации, то есть выявления той сетки параметров, которая позволяет охватить все релевантные (в теории) свойства языковых структур. Теоретическая лингвистика формирует само представление о релевантности в концептуальных моделях языка. Концептуальные модели функционирования языка не просто описывают, а объясняют наблюдаемые факты, предсказывая, например, условия их появления.

Моделирование в теоретической лингвистике в своих существенных чертах соответствует идее моделирования в естественнонаучной сфере.

Метод моделирования используется в тех случаях, когда непосредственное изучение объекта моделирования в том или ином отношении затруднено — например, объект разрушается при непосредственном контакте или сам контакт затруднен. В этом случае объект моделирования предстает перед исследователем как своеобразный «черный ящик». Типичным объектом такого рода является мышление человека и язык во всех его проявлениях. Исходный пункт использования метода моделирования — представление о входной и выходной информации (в широком понимании), характеризующей функционирование объекта моделирования. Тем самым для создания модели чего-либо надо знать, как ведет себя объект моделирования в тех или иных условиях. Например, создание модели синтаксиса естественного языка опирается на факты возможности или невозможности осуществления тех или иных

синтаксических трансформаций. Если созданная модель повторяет поведение объекта моделирования, то есть входная и выходная информация модели повторяет аналогичную информацию объекта моделирования, то модель функционирует хорошо, адекватно. Теория моделирования позволяет в этом случае перенести особенности устройства модели на сам объект. Это важное теоретическое положение, которое позволяет метод моделирования считать исследовательским методом.

Метод моделирования при всей его универсальности имеет определенные ограничения. Так, в [Апресян 1966, с. 79] отмечается, что моделировать можно только те свойства объекта, которые не определяются его физической природой. Иными словами, успешно моделируются только те характеристики, которые связаны со структурной организацией объекта. Моделирование неструктурных свойств в принципе возможно, однако затруднено перенесение особенностей организации модели на моделируемый объект. Обсуждая свойства лингвистических моделей, Ю. Д. Апресян обращает внимание на то, что модель всегда является идеализацией объекта моделирования, его огрублением. Одновременно она должна предсказывать поведение объекта и объяснять его [Апресян 1966, с. 81 и далее].

В теоретической лингвистике часто используются следующие типы моделей:

- компонентные модели или модели структуры (из чего сделан X);
- предсказывающие модели (предсказать поведение X в тех или иных обстоятельствах);
- имитирующие модели (внешне вести себя как X);
- диахронические модели (как и почему меняется X с течением времени).

Разумеется, основания выделения лингвистических моделей могут быть и другими. Например И. И. Ревзин, опираясь на структурную традицию, выделяет анализирующие и синтезирующие лингвистические модели. Последние, в свою очередь, разделяются на собственно синтезирующие (от смысла к форме) и порождающие (от базовой формы к разнообразию небазовых форм) [Ревзин 1977, с. 17-28]. Ю.Д.Апресян по характеру объекта моделирования различает модели речевой деятельности (объект моделирования — конкретный языковой процесс или явление), модели исследовательской деятельности лингвиста (модели исследования) и метамоделли (в качестве объекта моделирования выступает уже существующее лингвистическое описание) [Апресян 1966, с. 99-113]. Наиболее важными Ю. Д. Апресян считает модели, имитирующие речевую деятельность человека.

Существенно не многообразие моделей языка (было бы странно, если бы моделей было мало), а то, что и описательная, и теоретическая лингвистика в теоретическом моделировании исходят из эвристики «the God's truth» («Божественная Истина»). Иными словами, классификации языковых фактов и концептуальные модели теоретической лингвистики претендуют на описание того, как действительно устроен язык.

Прикладная лингвистика также использует и метод классификации и метод моделирования. Однако поскольку задачи прикладной лингвистики сосредоточены в области оптимизации функций языка, а оптимизация определяется конкретной задачей, то в приложениях языкознания используется познавательная установка, известная под несколько ироническим названием «Фокус-покус» (более уважительно можно было бы сказать «Инженерный подход»). Эта установка в качестве основной ценности выдвигает не познание того, «как все обстоит на самом деле», а решение конкретной задачи, в частном случае — удовлетворение требований «заказчика», преследующего свои собственные цели, часто очень далекие от канонов собственно лингвистических исследований. Это, впрочем, не означает, что результаты прикладных исследований не представляют никакой ценности для теории языка: напротив, прикладные модели оказывают значительное влияние на лингвистическую теорию, способствуя обновлению концептуального аппарата современного языкознания (см. главу 6 настоящего пособия).

Таким образом, важнейшим свойством методов прикладной лингвистики является **оптимизация**. Под оптимизацией понимается такое описание (модель) проблемной области, при котором эта область сохраняет в результирующем представлении только те существенные свойства, которые необходимы для данной практической задачи. Иными словами, если для теоретического исследования предполагается полное описание проблемной области со всеми ее сложностями и т. п., то прикладное оптимизированное описание должно быть удовлетворительным только для данной конкретной задачи⁴). Рассмотрим это на примере.

Возьмем категорию времени. Теоретический подход, в зависимости от выбранной концепции, будет требовать следующего.

4) Прикладная модель, конечно, может обладать такой описательной адекватностью и объяснительной силой, которая существенно превосходит требования, предъявляемые к данному прикладному исследованию, но в принципе этого не требуется.

1) Описательная лингвистика — описание грамматической категории времени (выделение грамем, морфологических способов выражения

граммам, сочетаемость грамм категории времени с граммами других грамматических категорий), классификация лексики со значением временных отношений, классификация синтаксических конструкций.

2) Теоретическая лингвистика (в рамках уровневой модели языка) — семантика временных отношений → способы выражения на синтаксическом уровне; → способы выражения на лексическом уровне; → способы выражения на морфологическом уровне.

Прикладное описание будет выглядеть совершенно по-другому:

- составление технического задания (определяется заказчиком);
- анализ проблемной области (сколько типов временных отношений представлено в проблемной области и каковы формальные способы выражения темпоральных отношений в данном подязыке);
- формирование метаязыка, способов описания проблемной области, совместимых с другими привлекаемыми метаязыками;
- применение метаязыка → результирующее представление (модель) проблемной области;
- проверка результирующего представления (объяснительная и предсказывающая сила модели; компьютерная реализация или эксперимент).

Суммируя основные отличия прикладных моделей от теоретических и описательных, можно сказать, что прикладные модели в целом ориентированы на конкретные подязыки, а не на весь язык в целом; как правило, они требуют большей степени формализации; прикладные модели используют знания о языке выборочно; прикладные модели не делают различий между собственно лингвистическими и экстралингвистическими аспектами семантики языковых выражений; прикладные модели в существенно большей степени огрубляют моделируемый объект, чем теоретические модели и, наконец, прикладные модели не налагают никаких сущностных ограничений на инструмент моделирования.

Задание. Предположим, что необходимо описать временные отношения в тексте инструкций к бытовым приборам для автоматизированной системы понимания текста. Эта система в результате понимания текста должна выявлять следующие временные отношения: *событие A одновременно с B*, *событие A после B*, *событие A до события B*. Результат работы системы понимания текста — семантическое представление, в котором отражается содержание событий и их последовательность в терминах заданных темпоральных отношений.

Как составить техническое задание? Как составить словарь выражений с темпоральной семантикой? Сформулируйте возможную структуру словарной статьи словаря. В самом общем виде определите основные параметры

метаязыка описания и предложите свой вариант результирующего представления. Как задать систему правил перехода от текстов инструкций к результирующему представлению? Обратите внимание, есть ли в тексте инструкции метаграфематические маркеры темпоральных связей (гарнитура, шрифтовые выделения, абзацное выделение; специальные значки и пр.).

В качестве материала можно привлекать любые тексты инструкций к бытовым приборам, в которых есть отношения соответствующей семантики.

Основная литература

1. *Апресян Ю.Д.* Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966. С. 78-112.
2. *Герд А. С.* Предмет и основные направления прикладной лингвистики // Прикладное языкознание. СПб., 1996. С. 5-14.
3. *Городецкий Б. Ю.* Актуальные проблемы прикладной лингвистики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. М., 1983. С. 5—10, 12—17.
4. *Звегинцев В. А.* Теоретическая и прикладная лингвистика. М., 1968. С. 22-35.
5. *Кибрик А. Е.* Прикладная лингвистика // Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992. С. 261-262.

Дополнительная литература

1. *Слама-Казаку Т.* Место прикладной лингвистики в системе наук: отношение ПЛ к «лингвистике» // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. М., 1983. С. 23-34.
2. *Якобсон Р.* Лингвистика в ее отношении к другим наукам // *Якобсон Р.* Избранные работы. М., 1985. С. 369-420.

Лекция – 2. Классика и инновации в современном русском языкознании.

План:

1. **Язык - культура - человек – этнос.**
2. **Вопрос о смене парадигм в языкознании.**
3. **Новая парадигма знаний.**

Опорные слова и словосочетания: антропоцентризм, парадигмы, сравнительно-историческая, системно-структурная, этнолингвистика, лингвокультурология, антиномия, этнос, культура, когниция, социоллингвистика.

1. Язык - культура - человек - этнос

Идею *антропоцентричности языка* в настоящее время можно считать общепризнанной: для многих языковых построений представление о человеке выступает в качестве естественной точки отсчета.

Данная научная парадигма, сложившаяся на рубеже тысячелетий, поставила новые задачи в исследовании языка, требует новых методик его описания, новых подходов при анализе его единиц, категорий, правил.

Вопрос о парадигме как модели постановки проблем и совокупности приемов их решения встал перед исследователями после выхода в свет в 1962 г. известной книги Т. Куна «Структура научных революций» (русский перевод был сделан в 1977 г.). Т. Кун предлагает рассматривать парадигму как научное сообщество, которое руководствуется в своей исследовательской деятельности определенными совокупностью знаний и подходом к объекту исследования (в нашем случае — языку). Известно, что «в лингвистике (и вообще в гуманитарных науках) парадигмы не сменяют друг друга, но накладываются одна на другую и сосуществуют в одно и то же время, игнорируя друг друга».

Традиционно выделяются три научные парадигмы — сравнительно-историческая, системно-структурная и, наконец, антропоцентрическая.

Сравнительно-историческая парадигма была первой научной парадигмой в лингвистике, ибо сравнительно-исторический метод был первым специальным методом исследования языка. Весь XIX в. прошел под эгидой этой парадигмы.

При системно-структурной парадигме внимание было ориентировано на предмет, вещь, имя, поэтому в центре внимания находилось слово. Даже в третьем тысячелетии можно исследовать язык все еще в рамках системно-структурной парадигмы, ибо эта парадигма продолжает существовать в лингвистике, а число ее последователей довольно велико. В русле этой парадигмы по-прежнему строятся учебники и академические грамматики, пишутся различного рода справочные издания. Фундаментальные исследования, выполненные в рамках этой парадигмы, являются ценнейшим источником сведений не только для современных исследователей, но и для будущих поколений лингвистов, работающих уже в иных парадигмах.

Антропоцентрическая парадигма — это переключение интересов исследователя с объектов познания на субъект, т.е. анализируется человек в языке и язык в человеке, поскольку, по словам И. А. Бодуэна де Куртэне, «язык существует только в индивидуальных мозгах, только в душах, только в психике индивидов или особей, составляющих данное языковое общество».

Идея антропоцентричности языка — ключевая в современной лингвистике. В наше время целью лингвистического анализа уже не может считаться просто выявление различных характеристик языковой системы.

Язык — сложнейшее явление. Э. Бенвенист несколько десятков лет тому назад писал: «Свойства языка настолько своеобразны, что можно, по

существо, говорить о наличии у языка не одной, а нескольких структур, каждая из которых могла бы послужить основанием для возникновения целостной лингвистики». Язык — многомерное явление, возникшее в человеческом обществе: он и система и антисистема, и деятельность и продукт этой деятельности, и дух и материя, и стихийно развивающийся объект и упорядоченное саморегулирующееся явление, он и произволен и произведен и т.д. Характеризуя язык во всей его сложности с противоположных сторон, мы раскрываем самую его сущность.

Чтобы отразить сложнейшую сущность языка, Ю. С. Степанов представил его в виде нескольких образов, ибо ни один из этих образов не способен полностью отразить все стороны языка: 1) язык как язык индивида; 2) язык как член семьи языков; 3) язык как структура; 4) язык как система; 5) язык как тип и характер; 6) язык как компьютер; 7) язык как пространство мысли и как «дом духа» (М.Хайдеггер), т.е. язык как результат сложной когнитивной деятельности человека. Соответственно, с позиций седьмого образа, язык, во-первых, — результат деятельности народа; во-вторых, результат деятельности творческой личности и результат деятельности нормализаторов языка (государства, институтов, вырабатывающих нормы и правила).

К этим образам в самом конце XX в. прибавился еще один: язык как продукт культуры, как ее важная составная часть и условие существования, как фактор формирования культурных кодов.

С позиций антропоцентрической парадигмы, человек познает мир через осознание себя, своей теоретической и предметной деятельности в нем. Многочисленные языковые подтверждения тому, что мы видим мир сквозь призму человека, это метафоры типа: *метель разыгралась, метель укутала людей, снежинки пляшут, звук уснул, сережки берез, матушка-зима, идут года, ложится тень, объятый тоской*. Особенно впечатляют яркие поэтические образы: *мир,*

пробудившись, встрепенулся; лениво дышит полдень; лазурь небесная смеется; свод небесный вяло глядит (Ф.Тютчев).

Никакая абстрактная теория не сможет ответить на вопрос, почему можно думать о чувстве как об огне и говорить о пламени любви, о жаре сердец, о тепле дружбы и т.д. Осознание себя мерой всех вещей придает человеку право творить в своем сознании антропоцентрический порядок вещей, исследовать который можно не на бытовом, а на научном уровне. Этот порядок, существующий в голове, в сознании человека, определяет его духовную сущность, мотивы его поступков, иерархию ценностей. Все это можно понять, исследуя речь человека, те обороты и выражения, которые он

наиболее часто употребляет, к которым у него проявляется наивысший уровень эмпатии.

В процессе формирования новой научной парадигмой был провозглашен тезис: «Мир есть совокупность фактов, а не вещей» (Л. Витгенштейн). Язык был постепенно переориентирован на факт, событие, а в центре внимания стала личность носителя языка (языковая личность, по Ю. Н. Караулову). Новая парадигма предполагает новые установки и цели исследования языка, новые ключевые понятия и методики. В антропоцентрической парадигме изменились способы конструирования предмета лингвистического исследования, преобразился сам подход к выбору общих принципов и методов исследования, появилось несколько конкурирующих метаязыков лингвистического описания (Р. М. Фрумкина).

Следовательно, формирование антропоцентрической парадигмы привело к развороту лингвистической проблематики в сторону человека и его места в культуре, ибо в центре внимания культуры и культурной традиции стоит языковая личность во всем ее многообразии: -физическое, Я-социальное, -интеллектуальное, Я-эмоциональное, ЯТ-речемыслительное. Эти ипостаси *Я* имеют различные формы манифестации, например, Я-эмоциональное может проявляться в разных социально-психологических ролях. Фраза *Сегодня светит яркое солнце* содержит следующие мысли: Я-физи-ческое будет испытывать благоприятное воздействие солнечных лучей; это знает мое-интеллектуальное и посылает эту информацию собеседнику (Я-социальное), проявляя о нем заботу (-эмоциональное); сообщая ему об этом, действует мое Я-речемысле-тельное. Воздействуя на любую ипостась личности, можно воздействовать на все остальные стороны личности адресата. Таким образом, языковая личность вступает в коммуникацию как многоаспектная, и это соотносится со стратегиями и тактиками речевого общения, с социальными и психологическими ролями коммуникантов, культурным смыслом информации, включенной в коммуникацию. Человек познает окружающий мир, лишь предварительно выделив себя из этого мира, он как бы противопоставляет «Я» всему, что есть «не-#». Таково, видимо, само устройство нашего

мышления и языка: любой речемыслительный акт всегда априорно предполагает признание существования мира и при этом сообщает о наличии акта отражения мира субъектом.

Учитывая вышеизложенное, нужно помнить, что антропоцентрическая парадигма в лингвистике — это то, с чем нельзя не считаться, даже если исследователь работает в традиционной — системно-структурной — парадигме.

Итак, антропоцентрическая парадигма выводит на первое место человека, а язык считается главной конституирующей характеристикой человека, его важнейшей составляющей. Человеческий интеллект, как и сам человек, немислим вне языка и языковой способности как способности к порождению и восприятию речи. Если бы язык не вторгался во все мыслительные процессы, если бы он не был способен создавать новые ментальные пространства, то человек не вышел бы за рамки непосредственно наблюдаемого. Текст, создаваемый человеком, отражает движение человеческой мысли, строит возможные миры, запечатлевая в себе динамику мысли и способы ее представления с помощью средств языка.

Основные направления в современной лингвистике, формирующиеся в рамках данной парадигмы, — это когнитивная лингвистика и лингвокультурология, которая должна быть «ориентирована на культурный фактор в языке и на языковой фактор в человеке» (В.Н.Телия). Следовательно, *лингвокультурология — продукт антропоцентрической парадигмы в лингвистике*, которая развивается в последние десятилетия.

Ключевые понятия когнитивной лингвистики — это понятие информации и ее обработки человеческим разумом, понятия структур знания и их репрезентации в сознании человека и языковых формах. Если когнитивная лингвистика, вкупе с когнитивной психологией и когнитивной социологией, образующие когнитологию, пытаются ответить на вопрос о том, как в принципе организовано сознание человека, как человек познает мир, какие сведения о мире становятся знанием, как создаются ментальные пространства, то все внимание в лингвокультурологии уделяется человеку в культуре и его языку, здесь требуется дать ответы на многие вопросы, в числе которых следующие: каким видит человек мир, какова роль метафоры и символа в культуре, какова роль фразеологизмов, удерживающихся в языке веками, в репрезентации культуры, почему они так нужны человеку?

Лингвокультурология изучает язык как феномен культуры. Это определенное видение мира сквозь призму национального языка, когда язык выступает как выразитель особой национальной ментальности.

Все языкознание пронизано культурно-историческим содержанием, ибо своим предметом имеет язык, который является условием, основой и продуктом культуры.

Среди лингвистических дисциплин наиболее «культуроносны-ми» являются дисциплины лингвоисторические: социальная диалектология, этнолингвистика, стилистика, лексика, фразеология, семантика, теория перевода и др.

Статус лингвокультурологии в ряду других лингвистических дисциплин

Проблема соотношения и взаимосвязи языка, культуры, этноса есть междисциплинарная проблема, решение которой возможно только усилиями нескольких наук — от философии и социологии до этнолингвистики и лингвокультурологии. Например, вопросы этнического языкового мышления — это прерогатива лингвистической философии; специфику этнического, социального или группового общения в языковом аспекте изучает психоллингвистика и т.д.

Язык теснейшим образом связан с культурой: он прорастает в нее, развивается в ней и выражает ее.

На основе этой идеи возникла новая наука — лингвокультурология, которую можно считать самостоятельным направлением лингвистики, оформившимся в 90-е годы XX в. Термин «лингвокультурология» появился в последнее десятилетие в связи с работами фразеологической школы, возглавляемой В.Н.Телия, работами Ю.С.Степанова, А.Д.Арутюновой, В.В.Воробьева, В.Шак-леина, В. А. Масловой и других исследователей. Если культурология исследует самосознание человека по отношению к природе, обществу, истории, искусству и другим сферам его социального и культурного бытия, а языкознание рассматривает мировоззрение, которое отображается и фиксируется в языке в виде ментальных моделей языковой картины мира, то лингвокультурология имеет своим предметом и язык и культуру, находящиеся в диалоге, взаимодействии.

Если традиционный способ осмысления проблемы взаимодействия языка и культуры заключается в попытке решить лингвистические задачи, используя некоторые представления о культуре, то в нашей работе изучаются способы, с помощью которых язык воплощает в своих единицах, хранит и транслирует культуру.

Лингвокультурология — это отрасль лингвистики, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке. С ней тесно связана этнолингвистика и социоллингвистика, причем настолько тесно, что это позволяет В.Н.Телия считать лингвокультурологию разделом этнолингвистики.

Но тем не менее это принципиально разные науки.

Говоря об **этнолингвистическом** направлении, следует помнить, что корни его в Европе идут от В.Гумбольдта, в Америке — от Ф.Боаса, Э.Сепира, Б.Уорфа; в России огромное значение имели работы Д.К.Зеленина,

Е.Ф.Карского, А.А.Шахматова, А.А.Потебни, А.Н.Афанасьева, А.И.Соболевского и других.

Именно этнолингвистику В.А.Звегинцев охарактеризовал как направление, сосредоточивающее свое внимание на изучении связей языка с культурой, народными обычаями, социальной структурой общества или нации в целом. **Этнос** — языковая, традиционно-культурная общность людей, связанных общностью представлений о своем происхождении и исторической судьбе, общностью языка, особенностей культуры и психики, самосознанием группового единства. *Этническое самосознание* — осознание членами этноса своего группового единства и отличия от других аналогичных формирований.

В центре современной этнолингвистики находятся лишь те элементы лексической системы языка, которые соотносимы с определенными материальными или культурно-историческими комплексами. Например, этнолингвисты выявляют полный инвентарь форм культуры, обрядов, ритуалов на материале Белорусского и Украинского Полесья. Эту территорию можно считать одним из тех «узловых» славянских регионов, по отношению к которым в первую очередь следует ставить задачу комплексного изучения славянских древностей» (Н.И. и С.М.Толстые).

В рамках этого направления можно выделить две самостоятельные ветви, которые обозначились вокруг двух важнейших проблем: 1) реконструкция этнической территории по языку (прежде всего сюда относятся работы Р.А.Агеевой, С.Б.Бернштейна, В.В.Иванова, Т. В. Гамкрелидзе и др.); 2) реконструкция материальной и духовной культуры этноса по данным языка (работы В. В. Иванова, В.Н.Топорова, Т.В.Цивьян, Т.М.Судника, Н.И.Толстого и его школы).

Так, В.В.Иванов и Т.В.Гамкрелидзе соотносят лингвистическую систему с определенной археологической культурой. Семантический анализ реконструируемых слов и их соотнесение с денотатами (объектами внеязыковой действительности, которые имеет в виду говорящий, произнося данный речевой отрезок) позволяют установить культурно-экологические и историко-географические характеристики этих денотатов. Реконструкция славянской, как и любой другой культуры в ее наиболее древнем виде, основана на взаимодействии языкознания, этнографии, фольклористики, археологии, культурологии.

Во второй половине XX в. возникло несколько научных центров под руководством крупных ученых — В.Н.Топорова, В.В.Иванова, школа этнолингвистики Н.И.Толстого, этнопсихоллингвистики Ю. А. Сорокина, Н.В.Уфимцевой и др. Язык в их исследованиях трактуется как

«естественный» субстрат культуры, пронизывающий все его стороны, служащий инструментом ментального упорядочения мира и средством закрепления этнического мировидения. С 70-х годов начинает широко использоваться термин этничность (от греч. *ethnos* — племя, народ). Его определяют как групповой феномен, форму социальной организации культурных различий: «Этническую принадлежность не выбирают, а наследуют» (С.В.Чешко). Культура человечества представляет собой совокупность этнических культур, которые многообразны, потому что действия разных народов, направленные на удовлетворение одних и тех же потребностей, различны. Этническое своеобразие проявляется во всем: в том, как люди работают, отдыхают, едят, как говорят в различных обстоятельствах и т.д. Например, считается, что важнейшая черта русских — коллективизм (соборность), поэтому их отличает чувство принадлежности к определенному обществу, теплота и эмоциональность взаимоотношений. Эти особенности русской культуры отражаются в русском языке. Как считает А. Вежбицкая, «русский язык уделяет эмоциям гораздо больше внимания (чем английский) и имеет значительно более богатый репертуар лексических и грамматических выражений для их разграничения».

Наибольшую известность получила школа этнолингвистики, возглавляемая Н. И. Толстым, выстроившая здание славянской духовной культуры. Основу его концепции составляет постулат об изоморфности культуры и языка и применимости к культурным объектам принципов и методов, применяемых в современной лингвистике.

Цель этнолингвистики, с точки зрения Н.И.Толстого, — историческая ретроспектива, т.е. выявление народных стереотипов, раскрытие фольклорной картины мира народа.

Социоллингвистика — лишь одним из своих аспектов имеет исследование взаимоотношений между языком и обществом (язык и культура, язык и история, язык и этнос, язык и церковь и т.д.), в основном же социоллингвистика занимается изучением особенностей языка разных социальных и возрастных групп (Н. Б. Мечковская).

Таким образом, этнолингвистика и социоллингвистика — это принципиально разные науки. Если этнолингвистика оперирует преимущественно исторически значимыми данными и стремится в современном материале обнаружить исторические факты того или иного этноса, а социоллингвистика рассматривает исключительно материал сегодняшнего дня, то лингвокультурология исследует и исторические, и современные языковые факты сквозь призму духовной культуры. Справедливости ради следует сказать, что по этому вопросу есть и

иные мнения. В.Н.Телия, например, считает, что лингвокультурология исследует только синхронные взаимодействия языка и культуры: она исследует живые коммуникативные процессы и связь используемых в них языковых выражений с синхронно действующим менталитетом народа.

Язык служит средством накопления и хранения культурно-значимой информации. В некоторых единицах эта информация для современного носителя языка имплицитна, скрыта вековыми трансформациями, может быть извлечена лишь опосредованно. Но она есть и «работает» на уровне подсознания (например, на слово-стимул СОЛНЦЕ испытуемые дают ответы, среди которых есть идущие от семантики мифа — *луна, небо, глаз, Бог, голова* и др.). Лингвокультуролог должен применить некоторые специальные приемы для извлечения заложенной в языковых знаках культурной информации.

Наша концепция лингвокультурологии отличается также следующим. В. Н.Телия считает, что ее объектом является культурная информация не только сугубо национальная, но и общечеловеческая, например, закодированная в Библии, т.е. универсалии, присущие разным культурам. Нас же интересует только та культурная информация, которая присуща конкретному народу либо близкородственным народам, например православным славянам.

Лингвострановедение и лингвокультурология разнятся тем, что лингвострановедение изучает собственно национальные реалии, нашедшие отражение в языке. Это *безэквивалентные языковые единицы* (по Е.М.Верещагину и В.Г.Костомарову) — обозначения специфических для данной культуры явлений.

Теснейшим образом с лингвокультурологией связана этнопсихолингвистика, которая устанавливает, как в речевой деятельности проявляются элементы поведения, *связанные с определенной традицией*, анализирует различия в вербальном и невербальном поведении носителей различных языков, исследует речевой этикет и «цветовую картину мира», лакуны в тексте в ходе межкультурного общения, изучает двуязычие и многоязычие как особенность речевого поведения различных народов и т.д. Основным методом исследования в этнопсихолингвистике является ассоциативный эксперимент, лингвокультурология же пользуется различными лингвистическими методами, не пренебрегая и психолингвистическими методиками. В этом их основное отличие.

Понятие культуры является базовым для лингвокультурологии, поэтому мы считаем необходимым подробно рассмотреть ее онтологию, семиотический характер и другие важные для нашего подхода аспекты.

Слово «культура» в качестве исходного имеет латинское *Colere*, что означает «возделывание, воспитание, развитие, почитание, культ». С XVIII в. под культурой начинают понимать все, что появилось благодаря деятельности человека, его целенаправленным

размышлениям. Все эти значения сохранились в позднейших употреблениях слова «культура», но первоначально это слово означало «целенаправленное воздействие человека на природу, изменение природы в интересах человека, т. е. возделывание земли» (ср. сельскохозяйственная культура).

Антропология — одна из первых наук о человеке и его культуре, которая исследовала поведение человека, становление норм, запретов, табу, связанных с включенностью человека в систему социокультурных отношений, влияние культуры на половой диморфизм, любовь как культурный феномен, мифологию как культурное явление и другие проблемы. Возникла она в англоязычных странах в XIX в. и имела несколько направлений, наиболее интересным из которых в рамках нашей проблемы можно считать *когнитивную антропологию*.

В основе когнитивной антропологии лежит представление о культуре как системе символов, специфически человеческом способе познания, организации и ментального структурирования мира. В языке, по мнению сторонников когнитивной антропологии, заключены все когнитивные категории, лежащие в основе человеческого мышления и составляющие суть культуры. Эти категории не присущи человеку имманентно, они формируются в процессе приобщения человека к культуре.

В 1960-е годы в нашей стране как самостоятельная наука о культуре сформировалась **культурология**. Она появилась на стыке философии, истории, антропологии, социологии, психологии, этнологии, этнографии, лингвистики, искусствоведения, семиотики, информатики, синтезируя данные этих наук под единым углом зрения.

Культура — это одно из фундаментальных понятий социально-гуманитарного познания. Это слово стало употребляться в качестве научного термина со второй половины XVIII в. — «века Просвещения». Первоначальное определение культуры в научной литературе принадлежит Э.Тайлору, который понимал культуру как комплекс, включающий знания, верования, искусства, законы, мораль, обычаи и другие способности и привычки, обретенные человеком как членом общества. Сейчас определений, по мнению П. С. Гуревича, уже четырехзначное число, что свидетельствует не столько об интересе к явлению, сколько о методологических трудностях современной культурологии. Но до сих пор в мировой культурологической

мысли нет не только единого понимания культуры, но и общего взгляда на пути ее изучения, способного преодолеть этот методологический разнобой.

К настоящему времени культурологи выделяют довольно много подходов в понимании и определении культуры. Назовем некоторые из них.

1. Описательный, в котором перечисляются отдельные элементы и проявления культуры — обычаи, виды деятельности, ценности, идеалы и т.д. При таком подходе культура определяется как совокупность достижений и институтов, отдаливших нашу жизнь от жизни звероподобных предков и служащих двум целям: защите человека от природы и упорядочиванию отношений людей друг с другом (З. Фрейд). Недостаток данного подхода — заведомо неполный перечень проявлений культуры.

2. Ценностный, в котором культура трактуется как совокупность духовных и материальных ценностей, создаваемых людьми. Чтобы объект обладал ценностью, нужно, чтобы человек осознавал наличие в нем таких свойств. Способность устанавливать ценность объектов связана с образованием в уме человека ценностных представлений, но важно также и воображение, с помощью которого создаются совершенные образцы, или идеалы, с которыми сравниваются реально существующие объекты. Так понимает культуру М. Хайдеггер: это реализация верховных ценностей путем культивирования высших человеческих достоинств, — а также М. Вебер, Г. Францев, Н. Чавчавадзе и др.

Недостаток этого — в сужении взгляда на культуру, ибо к ней относят не все многообразие человеческой деятельности, а только ценности, т. е. совокупность лучших творений, оставляя за бортом ее негативные проявления.

3. Деятельностный, в котором культура понимается как свойственный человеку способ удовлетворения потребностей, как особый род деятельности. Этот подход берет свое начало у Б. Малиновского, к нему примыкает марксистская теория культуры: культура как способ человеческой деятельности (Э. Маркарян, Ю. А. Сорокин, Е.Ф.Тарасов).

4. Функционистский, в котором характеризуют культуру через функции, которые она выполняет в обществе: информационную, адаптивную, коммуникативную, регулятивную, нормативную, оценочную, интегративную, социализации и др. Недостаток этого подхода — в неразработанности теории функций, отсутствие их непротиворечивой классификации.

5. Герменевтический, в котором относятся к культуре как ко множеству текстов. Для них культура — совокупность текстов, точнее — механизм, создающий совокупность текстов (Ю.М.Лот-ман). Тексты — это

плоть и кровь культуры. Они могут рассматриваться и как вместилище информации, которая должна быть извлечена, и как уникальное, порожденное своеобразием личности автора произведение, которое ценно само по себе. Недостаток этого подхода — в невозможности однозначного понимания текста.

6. Нормативный, в русле которого культура — это совокупность норм и правил, регламентирующих жизнь людей, программа образа жизни (В. Н. Сагатовский). Эти концепции развивают также Ю.М.Лотман и Б. А. Успенский, которые понимают под культурой наследственную память коллектива, выражающуюся в определенных системах запретов и предписаний.

7. Духовный. Приверженцы этого подхода определяют культуру как духовную жизнь общества, как поток идей и других продуктов духовного творчества. Духовное бытие общества и есть культура (Л. Кертман). Недостаток этого подхода — в сужении понимания культуры, ибо есть еще материальная культура.

8. Диалогический, в котором культура — «диалог культур» (В. Биб-лер) — форма общения ее субъектов (В.Библер, С.С.Аверинцев, Б. А. Успенский). Выделяются этнические и национальные культуры, создаваемые отдельными народами, нациями. Внутри национальных культур выделяются субкультуры. Это культуры отдельных социальных слоев и групп (молодежная субкультура, субкультура преступного мира и т.д.). Существует также метакультура, которая объединяет разные народы, например христианская культура. Все эти культуры вступают друг с другом в диалог. Чем более развита национальная культура, тем более она тяготеет к диалогу с другими культурами, становясь от этих контактов богаче, ибо впитывает в себя их достижения, но при этом унифицируется и стандартизируется.

9. Информационный. В нем культура представлена как система создания, хранения, использования и передачи информации, это — система знаков, используемых обществом, в которой зашифрована социальная информация, т.е. вложенные людьми содержание, значение, смысл (Ю.М.Лотман). Здесь можно провести аналогию с компьютером, а точнее, с его информационным обеспечением: машинным языком, памятью и программой переработки информации. В культуре тоже есть языки, социальная память и программы человеческого поведения. Следовательно, культура — это информационное обеспечение общества, это социальная информация, которая накапливается в обществе с помощью знаковых систем.

10. Символический подход акцентирует внимание на употреблении символов в культуре. Культура — это «символическая вселенная»

(Ю.М.Лотман). Некоторые ее элементы, приобретая особый этнический смысл, становятся символами народов: белоствольная березка, щи да каша, самовар, лапти, сарафан — для русских; овсянка и легенды о привидениях в замках — для англичан; спагетти — для итальянцев; пиво и колбаса — для немцев и т.д.

11. Типологические (М.Мамардашвили, С.С.Аверинцев). Встречаясь с представителями другого народа, люди склонны воспринимать их поведение с позиций своей культуры, т. е. как бы «мерить их на свой аршин». Например, европейцев, вступающих в контакт с японцами, поражает их улыбка, когда они говорят о смерти близких, которую они рассматривают как проявление бездушия и жестокости. С позиций же японской культуры — это изысканная вежливость, нежелание беспокоить собеседника своими проблемами.

То, что у одного народа считается проявлением ума и бережливости, у другого — хитрости и жадности.

Есть и другие взгляды на проблему культуры. Так, современный исследователь Эрик Вольф подвергает сомнению само понятие культуры, утверждая, что каждая культура не есть самостоятельная монада и что все культуры взаимосвязаны и постоянно перетекают одна в другую, при этом некоторые из них сильно видоизменяются, а некоторые прекращают свое существование.

Во всех рассмотренных подходах есть рациональное содержание, каждый из них указывает на какие-то существенные черты понятия «культура». Но какие из них более существенны? Здесь все зависит от позиции исследователя, от того, как он понимает культуру. Нам, например, кажутся более существенными такие черты культуры, как быть наследственной памятью коллектива, которая выражается в определенных системах запретов и предписаний, а также рассмотрение культуры через диалог культур. В культуру входят способы и приемы трудовой деятельности, нравы, обычаи, ритуалы, особенности общения, способы видения, понимания и преобразования мира. Например, лист клена, висящий на дереве, — это часть природы, а тот же лист в гербарии — это уже часть культуры; камень, лежащий на обочине дороги, не культура, а тот же камень, положенный на могилу предка, — культура. Таким образом, культура — это все свойственные данному народу способы жизни и деятельности в мире, а также отношения между людьми (обычаи, ритуалы, особенности общения и т.д.) и способы видения, понимания и преобразования мира.

Что же делает культуру столь сложной для определения и понимания? Важнейшее свойство культуры, которое делает практически невозможной выработку единого и непротиворечивого определения культуры, — это не

просто ее сложность и многоаспектность, но ее **антиномичность**. Антиномия понимается нами как единство двух противоположных, но одинаково хорошо обоснованных суждений в культуре. Например, приобщение к культуре способствует социализации личности и в то же время создает предпосылки для ее индивидуализации, т.е. способствует раскрытию и утверждению личностью своей уникальности. Далее, в определенной степени культура не зависит от общества, но она не существует вне общества, создается только в обществе. Культура облагораживает человека, оказывает положительное влияние на общество в целом, но она может воздействовать и отрицательно, подчиняя человека разного рода сильным воздействиям, как, например, массовая культура. Культура существует как процесс сохранения традиций, но она непрерывно нарушает нормы и традиции, получая жизненную силу в новациях, ее способность к самообновлению, постоянному порождению новых форм чрезвычайно велика.

Усложняет анализ культуры не только множество ее определений, но и тот факт, что многие исследователи (культурологи, антропологи, философы, этнографы и другие ученые) возвращаются к анализу этой сущности по нескольку раз, не только уточняя данное понятие, но и меняя свои взгляды. Так, кроме приведенного выше определения Ю.М.Лотман дает еще и такие: культура — это «...сложная семиотическая система, ее функция — память, ее основная черта — накопление»¹ (1971); «культура есть нечто общее для какого-либо коллектива — группы людей, живущих одновременно и связанных определенной социальной организацией... Культура есть форма общения между людьми»² (1994).

Аналогичная картина складывается и у других авторов. М. С. Каган соотносит такое положение в теории культуры с философским анализом сущности человека и эстетической сущности искусства (сложнейшими областями человеческого духа): «Обращение к итогам изучения культуры приводит к выводу, что здесь происходит нечто, подобное теоретическому исследованию человека и искусства: потому что, если искусство моделирует, иллюзорно воссоздает целостное человеческое бытие, то культура реализует это бытие **именно как человеческое** во всей полноте исторически выработанных им качеств и способностей. Иначе говоря, **все, что есть в человеке как человеке, предстает в виде культуры, и она оказывается столь же разносторонне-богатой и противоречиво-дополнительной, как сам человек — творец культуры и ее главное творение** (выделено нами).

Изучая культуру под разными углами зрения, мы каждый раз имеем несколько иные результаты: психолого-деятельностный подход дает одни результаты, социологический — другие и т.д. Лишь поворачивая культуру разными своими гранями, мы можем получить более или менее целостное представление об этом явлении.

Учитывая имеющийся разнобой в определениях, примем рабочее определение этой сущности. Культура — это совокупность всех форм деятельности субъекта в мире, основанная на системе установок и предписаний, ценностей и норм, образцов и идеалов, это наследственная память коллектива, которая «живет» лишь в диалоге с другими культурами. Итак, мы понимаем под культурой *свод «правил игры» коллективного существования, набор способов социальной практики, хранимых в социальной памяти коллектива, которые выработаны людьми для социально значимых практических и*

интеллектуальных действий. Нормы культуры не наследуются генетически, а усваиваются через научение, поэтому овладение национальной культурой требует серьезных интеллектуальных и волевых усилий.

Задачи культурологии, философии и теории культуры, как нам кажется, состоят в том, чтобы осмыслить культуру в ее реальной целостности и полноте различных форм существования, в ее строении, функционировании и развитии, а также ответить на вопросы, в чем жизненность той или иной культуры, какие общечеловеческие ценности содержит каждая из культур, какова национальная специфика культур разных народов, как «ведет себя» культура личности во взаимодействии с культурами других личностей и т.д.

Культура и человек. Культура и цивилизация

Попытаемся в общих чертах охарактеризовать культуру с тех позиций, которые далее развиваются в пособии.

Как уже отмечалось, наиболее перспективными нам кажутся деятельностный, нормативный, диалогический и ценностный подходы к культуре, на которых мы остановимся подробнее.

Культура не существует вне деятельности человека и социальных общностей, ибо именно деятельность человека породила новую «сверхприродную» среду обитания — *четвертую форму бытия — культуру* (М. С. Каган). Напомним, что три формы бытия — это «природа — общество — человек». Отсюда вытекает, что культура — мир человеческой деятельности, т.е. мир артефактов (от лат. *arte* — искусственный и *factus* — сделанный), это преобразование человеком природы по законам общества.

Эту искусственную среду иногда называют «второй природой» (А.Я.Гуревич и другие исследователи).

Крупнейший философ XX в. М.Хайдеггер пишет по этому поводу: «... человеческая деятельность понимается и организуется как культура. Культура теперь — реализация верховных ценностей путем культивирования высших человеческих достоинств. Из сущности культуры вытекает, что в качестве такого культивирования она начинает в свою очередь культивировать и себя, становясь таким образом культурной политикой»¹.

Но культура — это не просто совокупность артефактов, т.е. вещного мира, созданного руками человека, это мир смыслов, которые человек вкладывает в продукты своей деятельности и в саму деятельность. Создание новых смыслов само становится смыслом деятельности в духовной культуре — в искусстве, религии, науке.

Мир смыслов — это мир продуктов человеческой мысли, царство человеческого разума, он безграничен и необъятен. Следовательно, культурой, которая образуется человеческой деятельностью, охватывается и сам человек как субъект деятельности, и способы деятельности, и многообразие предметов (материальных и духовных), в которых опредмечивается деятельность, и вторичные способы деятельности, распредмечивающие то, что находится в предметном бытии культуры, и т.д. Поскольку культура производна от деятельности человека, ее строение должно определяться структурой порождающей ее деятельности.

Любая культура является процессом и результатом изменения, вживания в окружающую среду. Из сказанного следует, что культуры различных народов отличаются друг от друга в первую очередь не типом созерцательного освоения мира и даже не способом адаптационного вживания в окружающий мир, **а типом его материально-духовного присвоения, т. е. деятельностной, активной поведенческой реакцией на мир.** Деятельность субъекта в мире основывается на установках и предписаниях, извлекаемых им из культуры. А сама культура — не только способ присвоения, но и отбор объекта для присвоения и его интерпретации.

В любом акте присвоения мы можем выделить как внешнюю (экстенсивную), так и внутреннюю (интенсивную) стороны. Первая характеризует сферу распространения акта. С течением времени данная сфера расширяется: человек включает в процесс производства все новые и новые материальные ресурсы. Вторая же отражает способ присвоения. На наш взгляд, изменения в сфере присвоения носят всеобщий, интернациональный характер, **способ же присвоения всегда имеет специфическую национальную окраску, отражает деятельностно-**

поведенческую доминанту того или иного народа. Если культуры отличаются тем, что присваиваем (объект присвоения), тем, что получаем в результате присвоения (продукт), тем, каким способом мы осуществляем это присвоение, а также отбором объектов для присвоения и их интерпретации, то для национальной культуры характерен тот же принцип формирования, в ее фундаменте лежат общечеловеческие компоненты, обусловленные биологической и психологической природой человека, инвариантными свойствами человеческих социумов, но отбор объектов, способы их присвоения и интерпретация обладают своей национальной спецификой.

Человечество, будучи единым биологическим видом, не является единым социальным коллективом. Разные сообщества людей живут в различающихся природных и исторических условиях, что позволило им выработать комплексы специфических способов и форм жизнедеятельности, которые в процессе взаимодействия сообществ заимствуются друг у друга. Откуда русская культура? Русская иконопись — из Византии, от греков. Откуда русский балет?

Из Франции. Откуда великий русский роман? Из Англии, от Диккенса. Пушкин по-русски писал с ошибками, а по-французски — правильно. А ведь он самый русский из поэтов! Откуда русский театр, русская музыка? С Запада. Но в русской культуре, по сути, совмещены две культуры — одна народная, природно-языческая русская культура, которая, отторгнув все чужеземное, замкнулась в себе и застыла в почти неизменных формах, вторая — освоила плоды европейской науки, искусства, философии, приобрела формы дворянской, светской культуры. Вкупе они образуют одну из богатейших национальных культур мира.

Таким образом, культуры «вообще» не бывает, ибо каждая культура воплощает специфический набор способов социальной практики конкретного сообщества, нации. Так, например, русская культура оставалась русской на протяжении многих столетий (несмотря на расширение производственной сферы деятельности русского народа за это время), она не превратилась в грузинскую на Кавказе или узбекскую в Средней Азии. В русской культуре идет развитие от древнерусской традиции пансакральности, снимающей оппозицию Неба и Земли, божественного и человеческого, профанного и сакрального, т.е. обыденного и священного (богочеловек в русской религиозной философии).

Пренебрежение человеческой жизнью и неуважение к личности — значимое отличие восточнославянской культуры. Герцен сказал, что никому в Европе в голову бы не пришло высечь Спинозу или отдать в солдаты

Паскаля. Для России — это заурядные факты: через десятилетия солдатчины прошел Шевченко, объявлен сумасшедшим Чаадаев и т.д.

Национальная культура вступает в диалог с другими национальными культурами, высвечивая при этом такие вещи, на которых в родной культуре внимание и не останавливалось. М. М. Бахтин писал по этому поводу: «Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами свои стороны, новые смысловые глубины»¹. Это закономерность межкультурного общения, его неотъемлемая часть, исследование которой представляет особый интерес.

Как отмечал Э. Бенвенист, вся история современной мысли и главные приобретения духовной культуры в западном мире связаны с тем, как люди создают и как они обращаются с несколькими десятками основных слов. К таким словам как раз и относятся, по нашему мнению, слова «культура» и «цивилизация».

Термин цивилизация (лат. *civilis* — гражданский, общественный) возник в XVII в. Тогда цивилизованность понималась как противоположность дикости, т.е. фактически была синонимом культуры. Различать эти два термина впервые начали в конце XIX в. в немецкой научной литературе. Под цивилизацией стали понимать совокупность материальных и социальных благ, приобретаемых обществом благодаря развитию общественного производства. Культура же признавалась духовным содержанием цивилизации. Проблемой соотношения этих двух понятий занимались О. Шпенглер, А. Тойн-би, Н.А.Бердяев, П.Сорокин и др.

Развивая свою концепцию культуры, немецкий философ О. Шпенглер в своей работе «Закат Европы», изданной в 1918 г. (на русский язык переведена в 1993 г.), пишет, что у каждой культуры есть своя цивилизация, которая является, по сути, смертью культуры. Он пишет: «Культура и цивилизация — это живое тело душевности и ее мумия». Культура творит многообразие, предполагая неравенство и индивидуальную неповторимость личности, цивилизация же стремится к равенству, унификации и стандарту. Культура элитарна и аристократична, цивилизация демократична. Культура возвышается над практическими нуждами людей, ибо нацелена на духовные идеалы, цивилизация же — утилитарна. Культура национальна, цивилизация интернациональна; культура связана с культом, мифом религией, цивилизация атеистична.

О. Шпенглер говорит о европейской цивилизации как о завершающей фазе эволюции Европы, т.е. цивилизация — последняя стадия развития всякого социокультурного мира, эпоха его «заката».

В англо-американской традиции иное понимание цивилизации. Крупнейший историк XX в. А. Тойнби цивилизациями называет различные типы общества, т.е. фактически любой отдельный социокультурный мир. Современный американский исследователь С. Хантингтон определяет цивилизацию как культурную общность высшего ранга, высший уровень культурной идентичности людей. Он выделяет 8 крупных цивилизаций — западную, конфуцианскую, японскую, исламскую, индуистскую, православно-славянскую, латиноамериканскую и африканскую.

В русском языке слово «цивилизация», в отличие от французского и английского, куда оно пришло соответственно в 1767 и 1777 гг., появилось поздно. Но суть не в возникновении слова, а в том понятии, которое ему приписывалось.

Наряду с О. Шпенглером цивилизацию как вырождение культуры рассматривает и Г. Шпет. Цивилизация есть завершение и исход культуры, — утверждает он. Сходной точки зрения придерживался Н. А. Бердяев: культура имеет душу; цивилизация же имеет лишь методы и орудие.

Другие исследователи различают культуру и цивилизацию по иным критериям. Например, А. Белый в своей работе «Кризис культуры» писал: «Кризисы современной культуры в смещении цивилизации и культуры; цивилизация — выделка из природного намданного; то, что некогда оплотнело, что стало, застыло, становится в цивилизации производственным потреблением». Культура — «деятельность сохранения и роста жизненных сил личности и расы путем развития этих сил в творческом преобразовании действительности; начало культуры поэтому коренится в росте индивидуальности; ее продолжение — в индивидуальном росте суммы личностей»¹.

С точки зрения М. К. Мамардашвили, культура — это то, что можно обрести только собственным духовным усилием, цивилизация же — то, чем можно воспользоваться, что можно отнять. Культура создает новое, цивилизация лишь тиражирует известное.

Д.С.Лихачев считал, что культура содержит в себе только вечные, непроходящие ценности, устремление к идеалу; у цивилизации же кроме положительного есть тупики, изгибы, ложные направления, она устремлена к удобному устройству жизни. Культура — это нецелесообразное, лишнее с точки зрения задач выживания и сохранения рода, а цивилизация прагматична. «Дуракава-ляние» — это и есть настоящая культура, по Д.С.Лихачеву.

Подводя итог сказанному, нужно отметить, что культура развивалась в двух направлениях: 1) удовлетворение материальных потребностей человека

— это направление развилось в цивилизацию; 2) удовлетворение духовных потребностей, т.е. собственно культура, которая носит символический характер. Причем второе направление нельзя считать дополнительным к первому, это важнейшая самостоятельная ветвь.

Историкам культуры хорошо известно, что наиболее примитивные в хозяйственном отношении племена, иногда находившиеся на грани вымирания, имели очень сложную и разветвленную систему духовной культуры — мифы, обряды, ритуалы, верования и т.д. Основные усилия этих племен, хотя это и кажется нам странным, были направлены не на повышение биологической выживаемости, а на сохранение духовных достижений. Эта закономерность наблюдалась во многих обществах, что не может быть простой случайностью или роковым заблуждением, а потому духовную культуру нельзя считать вторичной по отношению к материальной (ср. тезис «бытие определяет сознание»).

Итак, культура создает средства и способы развития духовного начала в человеке, а цивилизация снабжает его средствами существования, она направлена на удовлетворение практических нужд. Культура облагораживает и возвышает душу человека, а цивилизация обеспечивает комфорт для тела.

Антиномия цивилизация — культура имеет серьезный теоретический смысл, хотя, по образному выражению А.А.Брудного, — это две руки человечества, а потому утверждать, что правая не знает, что делает левая, — самообман. Правая не хочет знать, что творит левая. Самообман — это типическое состояние человечества, причем оно настолько типично, что невольно начинает казаться, будто оно составляет некоторое необходимое условие существования человечества, выступающее в различных формах, причем все они составляют часть культуры.

Разграничение культуры и цивилизации позволяет ответить на следующие вопросы. Как соотносятся человек и человечество? — Посредством культуры и полового отбора. Как соотносятся человек и общество? — Посредством цивилизации.

Для лингвокультурологии большой интерес представляет культура, чем цивилизация, ибо цивилизация материальна, а культура символична. Лингвокультурология изучает прежде всего мифы, обычаи, привычки, обряды, ритуалы, символы культуры и т.д. Эти концепты принадлежат культуре, они закрепляются в формах бытового и ритуального поведения, в языке; наблюдение за ними послужило материалом для данного исследования.

Подведем краткий итог сказанному. По замечанию О.Тоффлера, культура не является чем-то окаменевшим, это то, что мы заново создаем

каждый день. Может быть, не так стремительно, как утверждает Тоффлер, но культура трансформируется, развивается. Развиваясь в двух формах — как материальная и как духовная культура, она «раскололась» на две сущности — собственно культуру и цивилизацию.

С начала XX в. в культуре стали видеть специфическую систему ценностей и идей. Культура в таком понимании — это совокупность абсолютных ценностей, создаваемых человеком, это выражение человеческих отношений в предметах, поступках, словах, которым люди придают значение, т.е. система ценностей — это одна из важнейших сторон культуры. Ценности, нормы, образцы, идеалы — важнейшие компоненты аксиологии, учения о ценностях. Система ценностей считается стержнем духовной культуры, доказательством тому являются следующие наиболее ценностно-окрашенные концепты культуры: *вера, рай, ад, грех, совесть, закон, порядок, счастье, родина* и т.п. Однако ценностно-окрашенным может стать любой фрагмент мира, например *пустыня, горы* — в христианской картине мира.

Существует концепция «культурологического детерминизма», согласно которой культура страны, культура нации (если страна многонациональная) и религия как важнейшая часть культуры определяют в конечном счете уровень ее экономического развития. Согласно Н. А. Бердяеву, в душе русского человека слиты воедино христианство и язычески-мифологическое представление о мире: «В типе русского человека всегда сталкиваются два элемента — первобытное, природное язычество, и православный, из Византии полученный, аскетизм, устремленность к потустороннему миру»¹. Таким образом, менталитет нации в целом основывается на религии, но немаловажную роль играют история, климат, общее пространство, т.е. «пейзаж русской земли» (по Н.А.Бердяеву), специфика языка.

Известный русский культуролог В. Н. Сагатовский выделяет следующие черты в русском характере: непредсказуемость (важнейшая черта), духовность (религиозность, стремление к поиску высшего смысла), душевность, концентрация сил, которая часто сменяется расслабленностью, желанием посозерцать, перекурить, излить душу, а также максимализм, слабыхарактерность, которые вкуче порождают обломовщину. Совокупность противоречивых свойств в русском характере замечается всеми; именно она позволила А. К.Толстому так выразить размах русской души:

Коль любить, так без рассудку, Коль грозить, так не на шутку... Коль просить, так всей душой, Коли пир, так пир горой!

Если природа имеет одно измерение — материальное, ибо она является материей в различных ее формах (физической, химической, биологической),

равно как и общество представляется нам одномерным, — это система экономико-правовых отношений, то культура гораздо сложнее: она делится на материальную и духовную, внешнюю и внутреннюю культуру личности и культуру нации. Еще одно измерение культуры — отраслевое: правовая культура, художественная культура, нравственная культура, культура общения. Культура реализуется и дифференцируется в пространственно-временных структурах общества, нации — культура Древней Греции, Египта, культура славян и т.д. Всякая национальная культура многослойна — крестьянская культура, культура «новых русских» и др.

Таким образом, культура—сложное, многогранное явление, которое имеет коммуникативно-деятельностную, ценностную и символическую природу. Она устанавливает место человека в системе общественного производства, распределения и потребления материальных ценностей. Она целостна, имеет индивидуальное своеобразие и общую идею и стиль, т. е. особый вариант борьбы жизни со смертью, духа с материей.

Зафиксированная в языке ранняя культура славян, материал которой использован в данном пособии, была мифологической культурой, но она не исчезла бесследно. Трансформировавшись часто до неузнаваемости, она живет в языковых метафорах, фразеологизмах, пословицах, поговорках, фольклорных песнях и т.д. Поэтому можно говорить *о мифоархетипическом начале славянской культуры.*

Каждый новый носитель языка формирует свое видение мира не на основе самостоятельной переработки своих мыслей и переживаний, а в рамках закрепленного в понятиях языка опыта его языковых предков, который зафиксирован в мифах и архетипах; усваивая этот опыт, мы лишь пытаемся его применить и слегка усовершенствовать. Но в процессе познания мира создаются и новые понятия, фиксирующиеся в языке, который есть культурное достояние: язык есть «средство открытия до сих пор еще не познанного» (Гумбольдт. О сравнительном изучении языков).

Вопросы и ответы

1. Какие парадигмы в лингвистической науке предшествовали новой антропологической парадигме?

2. Что объединяет лингвокультурологию и этнолингвистику, лингвокультурологию и социоллингвистику, лингвокультурологию и лингвострановедение? Что их различает?

3. Культура и цивилизация. В чем их отличие?

IV. МАТЕРИАЛЫ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ

Занятия 3. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЛИНГВИСТИКИ

План:

1. Лингвистика конца XX – начала XXI в
2. Лингвистическое направление

Ключевые слова: новые направления лингвистики, парадигма, металингвистика, антропоцентризм

Key words: new linguistic directions, paradigm, metalinguistics, anthropocentrism

Размышляя о новых лингвистических направлениях языкознания конца XX – начала XXI в., их истоках, перспективах дальнейшего развития, проблематике, нужно обратиться к таким вопросам: 1) какие из множества существующих в современной лингвистике направлений являются новыми, наряду с достаточно укрепившимися в сознании исследователей лингвистиками; 2) являются ли новые лингвистические направления самостоятельными, т.е. имеют ли они собственное, концептуальное пространство; что они собой представляют – науку, направление, раздел, дисциплину, теорию, концепцию; 3) чем при существующей раздробленности новых лингвистических направлений обеспечивается их внутреннее единство.

Лингвистика конца XX – начала XXI в. уверенно идет по пути от «чистой», «имманентной» лингвистики к открытой для внешних влияний лингвистике, свободно интегрирующей с другими науками, к лингвистике антропологической.

Появление новых лингвистических направлений знаменует смену на учёные парадигмы, а значит, научную революцию, в куновском смысле. И это связано со стремлением объяснить язык как глобальное средство коммуникации, всесторонне описать его во всех его проявлениях. Так, интерес к сфере функционирования языка (политике, юриспруденции) породил по литическую лингвистику и юристлингвистику; исследование взаимодействия языка и культуры, языка и пола – лингвокультурологию, этнолингвистику, лингвогендерологию; а описание новой формы функционирования языка (электронной коммуникации) – Интернетлингвистику и тп. «Любая наука сильна именно многообразием точек зрения, подходов, направлений, благодаря которым обеспечивается ее развитие, движение вперед, а не своим догматизмом», – пишет Н.Н. Болдырев [Болдырев 2004: 18].

Все это позволило определить статус современной лингвистики как полипарадигмальный [Кубрякова 1995: 59] и увидеть в ней исходно присущие черты, постмодерну – «множественность» и «многозначность» [Демьянков 2009: 32].

Многообразии лингвистических направлений, новые оригинальные подходы к анализу языка обусловили появление новой – металингвистики (ср. лингвистическая историография, лингвистическое науковедение), исследующей историю лингвистики, ситуацию в современной лингвистике, отличительные особенности современных лингвистических концепций, их теоретические установки, ключевые понятия, прогнозирующей перспективы развития лингвистики¹.

Обращение к понятию парадигмы позволило выделить некие концептуальные единые моменты за внешним разнообразием лингвистических концепций, выделить основные линии развития языкознания в рассматриваемый период и главные тенденции в ее поступательном движении [Кубрякова 1995; 2004; Кубрякова, Александрова 1999]. Результаты исследования парадигмы в языкознании В.З. Демьянкова можно представить в обобщенном виде так.

1. В отличие от научной теории, парадигма представляет собой образец, которому следуют в своих научных построениях ученые. И в этом случае речь идет о парадигме как «вершинном достижении», что-то вроде почетного звания («заслуженная теория» или «заслуженное на учное направление»).

2. Парадигма представляет собой «накопительную систему знаний»: выводы, полученные одним представителем данной парадигмы, квалифицируются как повторяющие, обобщающие, конкретизирующие или опровергающие выводы предшественников.

3. Система парадигмообразующих идей должна быть привлекательной, широко признанной среди большого количества сторонников, в то же время нетривиальной. Поэтому постоянное общение коллег, работающих в одной парадигме, является необходимым.

4. Парадигмы имеют междисциплинарный характер.

5. Принадлежность к парадигме обнаруживается не только в методах исследования, но в общности метаязыка, стилистике подачи мысли [Демьянков 2006; 2009].

К. Ясперс одной из черт науки нового времени называл пафос новизны [Демьянков 1995: 241]. Как определить, какие из рассматриваемых новых лингвистических направлений являются новыми, а какие – не новыми?

Очевидно, различия между ними подобны различиям между новыми словами и неологизмами. Неологизм, в отличие от нового слова, изменчив

во времени и относителен: неологизмом слово остается до тех пор, пока говорящие ощущают в нем новизну. Отметим, что «протокол металингвистики» [Демьянков 1995: 248], т.е. перечень новых лингвистик, мы составили, исходя из наличных в современном языкознании направлений.

Что касается различий новых и уже не новых лингвистических направлений, то здесь имеет место изменчивость во времени и относительность той или иной концепции. Новизна теории ощущается лингвистами до тех пор, пока концепция не получит распространение среди ученых, пока у нее не появятся последователи. Эти теории можно отнести к доминирующим, т.е. к тем, которые «на слуху» у ученых в данное время, которые часто упо минаются и оказывают позитивное влияние на ход развития данной научной дисциплины [Демьянков 1995]. Не случайно наряду со словом *новое (направление)*, в лингвистических работах неоднократно употребляется слово *модное (направление)*, т.е. «пользующееся всеобщим успехом, вниманием» (С.И. Ожегов).

А такие новые направления, как когнитивная, гендерная, политическая лингвистика, прагмалингвистика, лингвокультурология, этнолингвистика, юрислингвистика и др. являются уже не новыми, поскольку они заняли прочное место на лингвистическом небосклоне и получили признание у лингвистического сообщества.

Однако их отнесенность к новым направлениям бесспорна (Пока! Предсказать трудно, когда они станут не новыми, традиционными). Высказанное Е.С. Кубряковой мнение о когнитивной лингвистике, на наш взгляд, применимо и к другим, уже достаточно устоявшимся новым лингвистикам, которые предлагают, «по определению, новую систему взглядов, которая отнюдь не является простой суммой какихто представлений и тем более не повторяет традиционных трактовок своих ключевых понятий» [Кубрякова 2004: 9].

Это созвучно с мнением Т. Куна о том, что новая парадигма предполагает и новое, более четкое определение области исследования, она преобразовывает «научное воображение таким образом, что мы в конечном счете должны признать это трансформацией мира, в котором проводится научная работа» [Кун 2009: 20].

Принятие новой парадигмы ознаменовано созданием специальных журналов, организаций научных сообществ, выделением специального курса в академическом образовании [Кун 2009: 25]. Специальные журналы, научные сообщества, конференции, в вузах читаются специальные курсы по когнитивной, гендерной, политической, коммуникативной лингвистике,

прагмалингвистике, лингвокультурологии, этнолингвистике, юрислингвистике и др.

Немаловажен в определении нового направления временной фактор: новый – это недавно возникший. Слово *новый* в своем значении включает смысы ‘впервые, недавно, вновь открытый, созданный’. Названные направления возникли недавно, не раньше 80–90х годов прошлого века.

И в этом смысле довольно четко разграничиваются понятия «новый» и «актуальный» («важный, существенный для настоящего момента» (С.И. Ожегов), не обязательно новый!), ср. *новые направления, теории, концепции*, но: *актуальные проблемы, вопросы*.

Новые направления языкознания благодаря их обращенности к новым формам бытия языка, поэтому обозначенные магически заряженным словом *новый*, вводящим их в круг социального интереса [Арутюнова 1999: 695–697], дают оценку новым состояниям, аспектам, проявлениям, признакам языка. К абсолютно новым (или новейшим) относятся, напр., эколингвистика, Интернетлингвистика, ноолингвистика, биолингвистика, суггестивная, рефлексивная лингвистика и др., так как в них еще ощущается новизна. К тому же у них еще не сформировались теоретикометодологические установки, категориальнопонятийный аппарат, принципы анализа языкового материала, у них нет множества последователей. Кстати, многие исследователи отмечают, что названные дисциплины, приверженцами которых они являются, находятся на стадии формирования.

Эти направления можно отнести к «недоминирующим», «теориям меньшинству», малоупоминаемым или вовсе остающимся неизвестными [Демьянков 1995].

Известно, новизна теории заключается не только в выдвижении новых подходов, новой методологии, но и в выборе определенного ракурса рассмотрения самого объекта исследования [Болдырев 2004: 18].

Так, рассмотрение языка с проекцией на говорящего – основной постулат антропоориентированной лингвистики, описание новой формы функционирования языка (электронного общения) входит в задачи Интернетлингвистики, изучение биологических механизмов речевой деятельности является задачей биолингвистики, а создание языка ноосферной мысли – задачей ноолингвистики и тп.

Возникает вопрос о том, что представляют собой новые направления языкознания – науку, направление, раздел, дисциплину, область, учение, теорию,

концепцию и тп. Следует подчеркнуть, что в определениях рассматриваемых лингвистик все слова этого ряда используются не дифференцированно.

Большинство лингвистик определяется как наука, поскольку само слово *лингвистика* предполагает понятие «наука»: все они являются частью лингвистики как науки о языке. Не менее употребительное определение этих феноменов – *лингвистическая дисциплина* («самостоятельная отрасль, раздел какойнибудь науки» (С.И. Ожегов)). Происхождение этого слова от латинского *disciplina* ‘учение, воспитание, строгий порядок’ предопределяет наличие в нем семы ‘учебный’: дисциплина как часть учебного курса, ср. *учебные, вузовские дисциплины*. В слове *раздел* акцентируется сема ‘часть’. Употребление слов *дисциплина, раздел, область* для определения нового научного направления подчеркивает отнесенность их как части к целому – к лингвистической науке.

Слова *учение, теория, концепция* (*учение* «совокупность теоретических положений о какойнибудь области знаний», *теория* «учение, система на учных принципов, идей, обобщающих практический опыт и отражающих закономерности природы, общества, мышления», *концепция* «система взглядов на чтонибудь, основная мысль» (С.И. Ожегов)) характеризуют новые лингвистики как совокупность теоретических положений, систему научных принципов, взглядов, идей. Слова этого ряда семантически более узкие, чем слова *лингвистика, раздел, дисциплина*: в рамках одной лингвистики могут сосуществовать несколько теорий, ср. в прагмалингвистике – теория речевых актов, теория речевых жанров, теория речевой деятельности, теория языковой личности и др., которые не являются лингвистиками или дисциплинами.

В слове *направление* («общественная группировка или общественное движение, течение» (С.И. Ожегов)), метонимически образованном от слова *направление* в значении «линия движения, путь развития» (С.И. Ожегов) ведущей является сема ‘динамичность’ (ср. близкое по значению слово *течение, научное течение*). Этот термин представляется наиболее удачным, так как характеризует процесс развития, эволюции, перспективы лингвистической науки, особенно в настоящий момент «сдвига научных парадигм». Отнесенность новых лингвистических направлений к той или иной парадигме мы рассмотрим ниже. Рассмотрение концептуального пространства новых лингвистик позволит решить проблему, являются ли они самостоятельным лингвистическим направлением. Лингвистическая дисциплина является самостоятельной в том случае, если она имеет собственные теоретико-методологические положения, понятийно-терминологический аппарат, приемы анализа языка. Новые лингвистики, включенные нами в «протокол

металингвистики», мы рассмотрели с точки зрения их объекта и предмета исследования. Следует подчеркнуть, что в связи со сменой научных парадигм, а значит с изменением способов конструирования предмета лингвистики, заметно изменился лингвистический образ языка. «Появились» новые ипостаси языка и связанных с ним явлений: корпус языка, языковое сознание, речевое поведение, лингвокультура, ассоциативно вербальная сеть, язык ноосферной мысли, Интернет общение и др. Поэтому современная лингвистика, в отличие от лингвистики прошлого века, имеет несколько предметов³. Каждая из лингвистических дисциплин канонизирует определенный образ языка в соответствии со своими исходными принципами своего видения языка. Известно, что мир не дан человеку непосредственно, он создается им (*is construed*) и интерпретируется (Р. Лангакер). Описывая язык, лингвист интерпретирует его в зависимости от своих установок и понимания его сущности, функций, свойств.

Удачным является определение слова, превращенного исследователем в предмет анализа как слова *in vitro*, в отличие от слова *in vivo* [Фрумкина 1999]. Язык в лингвистических исследованиях представляет собой конструкт со своим модусом существования – язык *in vitro*, который моделируется по образу и подобию языка *in vivo*. Задачей лингвиста является объективное, всестороннее и полное описание языка. В силу того, что знания о языке относительны, лингвистические представления являются в той или иной степени несовершенными, не вполне. Наличие различных, порой противоречивых, точек зрения, подходов, концепций о языке, отмечающееся в современном полипарадигмальном языкознании, способствует выявлению решения спорных вопросов, связанных с «полипарадигмальностью» самого языка.

адекватными языковой действительности, и значит, существует определенное расстояние между языком как реальностью и представлением о языке в лингвистических работах.

Утрата ощущения этого расстояния означала бы утрату возможностей сокращения этого расстояния, тогда как именно к сокращению его должно привести поступательное развитие науки [Золотова 2006: 18].

В начале XXI в. усилиями лингвистов сложился определенный образ языка, и его в приближенном виде можно представить на основе исследования новых лингвистических работ. Это можно осуществить подобно тому, как описал образы языка («лингвистический», «органический», «анатомо-гастрономический» языки, маргинальные значения) на основе анализа слова *язык* в обыденном языке как выразителя ключевого концепта «естественной» лингвистики [Демьянков 2000]. Небезынтересны приведенные им группы концепций языка, авторы которых далеко не всегда руководствуются значениями слова *язык* в обыденной речи и которые, по сути, описывают образ языка в лингвистических исследованиях [Демьянков 2000: 244–245, 246]. Представим в виде таблицы то, как создается образ языка в новых лингвистических направлениях, проанализировав их объект и предмет.

Лингвистическое направление	Предмет исследования
Когнитивная лингвистика	познавательноотражательная (когнитивная) функция языка, его роль в концептуализации и категоризации мира
Лингвистическая концептология (лингвоконцептология)	опредмеченные в языке концепты
Коммуникативная лингвистика (теория коммуникации)	коммуникация, речевая деятельность
Функциональная грамматика	функционирование грамматических единиц, участвующих во взаимодействии с единицами разных уровней языковой системы в передаче содержания высказывания
Лингвопрагматика (прагматика, лингвистическая прагматика), лингвопраксеология	отношение между языковыми единицами и условиями их употребления в определенном коммуникативнопрагматическом пространстве
Суггестивная лингвистика	языковые средства, предназначенные для воздействия на подсознание человека
Рефлексивная лингвистика	язык как базовый ретранслятор

	рефлексии – ментального процесса индивида, заключающегося в познании и анализе своих мыслей [Шайкенова 2009]
Эколингвистика (экологическая лингвистика, лингвоэкология)	язык как экосистема (языковая, речевая деградация и реабилитация)
Политическая лингвистика	политическая коммуникация, все, что связано с восприятием и оценкой политической реальности в процессе коммуникативной деятельности
Юрислингвистика (лингвокриминалистика, лингвистическая экспертиза)	язык в сфере юриспруденции
Лингвокультурология	язык и дискурс как проявление, отражение культуры
Этнолингвистика, лингвистическая антропология	языковые единицы, отражающие материальную и духовную культуру этноса, его менталитет, историю
Психоллингвистика	язык как психический феномен
Лингвопалеонтология	языковая история в связи с историей народа, его материальной и духовной культурой
Гендерная лингвистика (лингвистическая гендерология, лингвогендерология)	языковые явления в связи с гендерными различиями носителей языка
Лингвострановедение	языковые единицы, отражающие национальные особенности культуры народа страны изучаемого языка
Межкультурная коммуникация	межкультурная коммуникация – общение между представителями различных культур
Биоллингвистика	языковые единицы в связи с функционированием целостного человеческого организма
Эколингвистика (лингвистическая экология)	язык и общество как окружающая среда, среда обитания отдельного этнического

	языка
Паралингвистика	язык и кинесика (невербальные средства общения)
Корпусная лингвистика	корпус языка как электронное собрание текстов, снабженное научным аппаратом
Дискурсология (теория дискурса)	дискурс как коммуникативное событие в определенном временном, пространственном контексте
Интернетлингвистика (лингвистика Интернета)	лингвистически релевантные особенности электронной коммуникации на различных языковых уровнях
Ноолингвистика	единый для всего человечества язык ноосферной мысли как ключевой инструмент ноосферного образования
Компьютерная лингвистика (математическая, вычислительная лингвистика)	компьютерные программы, технологии организации и обработки данных, вся сфера применения компьютерных моделей языка в лингвистике и смежных дисциплинах

Следует подчеркнуть, что приведенная таблица является открытой (спираль лингвистик может быть продолжена) и условной (объекты исследования лингвистик могут пересекаться). Так, кумулятивная функция языка как транслятора культуры изучается в лингвокультурологии, этнолингвистике, к тому же объектом этих дисциплин является язык и культура, язык и этнос. Эколингвистика отнесена к первой и третьей позициям, так как она объединяет несколько областей исследования, каждая из которой имеет свой предмет исследования: экологическая лингвистика (лингвоэкология) изучает языковую и речевую деградацию, реабилитацию [Сковородников 1996; 2000] (чистоту языка), лингвистическая экология – язык и экологию, экология языка.

Важным является то, что для максимального приближения к объекту лингвистического исследования нужно исходить из свойств языка, а не навязывать свои представления и понятия, сложившиеся в данной концепции. Иными словами, не воспринимать объект только через наложенную на него сеть между языком и лингвистом, упорядочивающую «в своих координатах и ячейках представления субъекта об организации и устройстве объекта» [Золотова 2006: 18–19], а сохранять непосредственное видение языка сквозь ячейки этой сети, благодаря ей и вместе с тем вопреки ей.

Последователь каждой из новых лингвистик определяет ее как отдельную, самостоятельную. И с этим нужно согласиться, так как новые (в том числе и формирующиеся) лингвистические направления имеют свои специфические объект, предмет, методы, приемы анализа языка, свои теоретические установки. Что касается теоретикометодологических положений, принципов анализа языка той или иной новой лингвистической дисциплины, то они предопределены тем, в какую парадигму входит эта дисциплина.

Полипарадигмальный статус современной лингвистики определяется наличием «больших» и «малых» парадигм [Кубрякова 1995: 51].

Ведущей, «большой» является антропоцентрическая парадигма, дающая современному лингвистическому сообществу такую модель постановки проблем и их решений, которая обнаруживается в том, что «человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, что он вовлечен в этот анализ, определяя его перспективы и конечные цели» [Кубрякова 1995: 212].

Антропоцентрическая парадигма объединяет «малые». В этой связи логичным оказывается употребление термина «антропоцентрический подход», который ставит во главу угла рассмотрение языковых единиц.

Рассмотрим парадигмы, включающиеся в антропоцентрическую и являющиеся ее реализацией: 1) парадигма неофункциональная, или конструктивная

(постгенеративная) [Кубрякова 1995: 59], определяющей чертой которой является синтез когнитивного и коммуникативного подходов к явлениям языка;

2) парадигма лингвокультурологическая, предполагающая изучение языка в тесной взаимосвязи с культурой, историей, ментальностью народа;

3) парадигма лингвосociологическая⁴, ориентирующаяся на исследование функционирования языка в обществе.

Включенность данных парадигм в антропоцентрическую обуславливает размытость границ между ними. Существующее в лингвистике множество новых лингвистических направлений объединяется в эти парадигмы, так как их объектом является язык в различных ипостасях⁵.

1. Неофункциональная парадигма: а) когнитивная: когнитивная лингвистика, *лингвоконцептология*, рефлексивная лингвистика, суггестивная лингвистика, психолингвистика, биолингвистика, компьютерная лингвистика; б) коммуникативная: коммуникативная лингвистика, прагма лингвистика, дискурсология, корпусная лингвистика, паралингвистика.

2. Лингвокультурологическая: лингвокультурология, лингвострановедение, этнолингвистика, *гендерная лингвистика*, лингвопалеонтология, *лингвоконцептология*, *межкультурная коммуникация*.

3. Лингвосociологическая: ноолингвистика, юрислингвистика, политическая лингвистика, Интернетлингвистика, эколингвистика, *межкультурная коммуникация*, *гендерная лингвистика*.

⁴ Мы не используем термин «социолингвистический» во избежание омонимии.

⁵ Ср.: действующие школы демонстрируют разные предметные области исследования и по существу являют собой отдельную (малую) парадигму научного знания [Кубрякова 1995: 59]. Ср. также слова Р.М. Фрумкиной: «А со временем стало ясно, что лингвистик очень много, „столько же, сколько лингвистов“» (А. Мейе). С тех пор «лингвистик» стало еще больше» [Фрумкина 1999].

О размытости, диффузности границ свидетельствует то факт, что некоторые дисциплины в силу многомерности их предмета исследования включаются в более чем одну парадигму, напр., лингвоконцептология, межкультурная коммуникация. «Всякая наука есть наука о бытии» (А.Ф. Лосев), значит, лингвистика – это наука о бытии языка, о языке как выразителе бытия (К. Ясперс), аналоге человека (Н.Д. Арутюнова), о человеке, сущность которого «покоится в языке» (М. Хайдеггер).

Е.Д. Поливанов писал, что «в языковой действительности имеются факты физического, психического и социального порядка; отсюда и лингвистика, с одной стороны, является наукой естественноисторической (соприкасаясь с акустикой и физиологией), а с другой стороны, одной из дисциплин, изучающих психическую деятельность человека, и, третьих, наукой социологической» [Поливанов 1968: 182].

Говоря о языке как социальном явлении, нельзя забывать то, что язык складывается из множества речевых действий говорящих, которые в каждом коммуникативном акте передают свой опыт собеседнику, делая его частью общего, коллективного опыта.

За разнообразием, кажущейся разобщенностью новых направлений скрываются единые концептуальные моменты, знаменующие составляющие ряда «язык – человек – общество». Названные парадигмы, будучи по своей природе антропоцентрическими, в качестве парадигмообразующих идей берут неофункционализм, когнитивизм, культуроцентризм, социоцентризм, отражающие взаимодействие языка с человеком, обществом (культурой).

Удивительно то, что полипарадигмальность языкознания обусловила сложный, многогранный лингвистический образ языка, в то же время полипарадигмальность лингвистики является следствием «полипарадигмальности» самого языка и человека – носителя языка^б. Новые лингвистические ипостаси языка «появились» как реакция на новые ипостаси естественного языка. Эта своеобразная научная полифония способствует приближению лингвистических знаний к реальному объекту – языку в его функционировании в новом глобализированном, информационном, электронном, постоянно меняющемся мире. К тому же единство языкового феномена и создается рассмотрением его с разных ракурсов в различных формах его проявления.

И объединяющим началом в этих исследованиях стал человек говорящий.

А.Д. Дуличенко подчеркивает, что «имеет смысл ... говорить о научной антропарадигме, состоящей из компонентов, каждый из которых характеризует один из фундаментальных признаков человека» [Дуличенко 1996: 125]. Среди компонентов он выделяет:

- 1) *биологический*, изучающий физическое начало и связи между его составляющими;
- 2) *антропологический*, изучающий типы физического в человеке;
- 3) *психологический*, изучающий особенности психики и ее воздействие на различные стороны поведения человека (в том числе и языкового);
- 4)

социологический – изучает социальный характер человека и его связь с языком; 5) *лингвистический* – изучает язык как признак человека. В совокупности все эти компоненты в виде взаимосвязанных составляющих образуют антропоцентрическую парадигму.

Научная парадигма как представление об упорядоченном объединении составляющих, по мнению Е.С. Кубряковой, должна включать три звена: установочнопредпосылочное, предметнопознавательное, процедурное, или техническое [Кубрякова 1995: 167–169].

Обращаясь к этим параметрам, можно установить, является та или иная парадигма или новое направление самостоятельной парадигмой или направлением в рамках определенной парадигмы⁷.

Каждая из названных парадигм имеет особую установочнопредпосылочную часть. Реализующие их дисциплины или сформировались на стыке, пересечении различных наук, или принимают как исходное изучение языковых единиц в их функционировании, с проекцией на человека, на социокультурные условия коммуникации. Предпосылками, исходным допущением новых лингвистических исследований являются результаты предшествующих изысканий, они зачастую развивают идеи, уже высказанные раньше классиками лингвистами, поэтому в новой теории / направлении нередко «слышны отголоски когда-то звучавших положений и проблем» [Демьянков 2006: 17]. Напр., внутри ономазиологического направления зародилась когнитивная лингвистика, труды В. фон Гумбольдта стали предпосылкой антропоцентрической парадигмы и многие другие.

Предметнопознавательную составляющую новых парадигм, направлений мы рассмотрели при анализе их объекта, предмета, которые и обусловили мировоззренческую направленность исследования, новые, специфические подходы к анализу языка и направление его анализа⁸. Это и представляет собой процедурное, «техническое» звено парадигмы. Новые реальности языка, значит, и новые предметы лингвистического исследования диктуют и новые методы, напр., фреймовый, концептуальный анализ, контентанализ, когнитивное картирование, ассоциативный эксперимент, нейролингвистическое программирование и многие другие. К тому они диктуют необходимость переоценки, обновления существующих, традиционных методик анализа.

Выдвинутые Е.С. Кубряковой отличительные парадигмальные черты современной лингвистики – экспансионизм, антропоцентризм, неофункционализм, экспланаторность – обнаруживаются в новых лингвистических направлениях .

Так, В.З. Демьянков выделил «наиболее броские» идеи лингвистики, которые со четаются между собой в различных конкретных теориях аналогично пучку дифференциальных признаков, и на основе набора этих идей охарактеризовал созвучность конкретной теории духу времени [Демьянков 1995: 248].

Ср.: «...новая лингвистика рождалась в спорах о способах конструирования предмета лингвистики и метаязыке лингвистического описания» [Фрумкина 2009: 45].

В зависимости от ведущего принципа предлагает распределить новые научные направления М.И. Конюшкевич: функционализм (функциональносемантические и функциональнокоммуникативные грамматики, теория коммуникации, теория речевых актов, прогностика и др.); *антропоцентризм* (психолингвистика, межкультурная коммуникация, социолингвистика, этнолингвистика, лингвокультурология, герменевтика, гоноративистика); *когнитивизм* (когнитивная семантика, теория фреймов и фреймовая грамматика, лингвосемиотика) [Конюшкевич 2006].

Экспансионизм современной лингвистики предопределен самим ходом событий: наш век – век междисциплинарных исследований и им принадлежит будущее. К тому же современный, «полипарадигмальный», модус вивенди языка одной лингвистике описать не под силу, он требует привлечения данных, подходов и методологии психологии, культурологии, социологии, философии, политологии, юриспруденции, математики и ряда других дисциплин, однако и формирования собственного исследовательского инструментария. Лишь интегративный характер современных лингвистических исследований по зволит создать такой сложный, многомерный, уникальный лингвистический образ языка.

Антропоцентризм, неофункционализм для современной лингвистики характерны «по умолчанию»: природа языка антропоцентрична, а жизнь языка – в функционировании. Действительно, в новых лингвистических направлениях хозяин человек, как главное действующее лицо в мире и в языке, разными путями возвращается в лингвистику на подобающее ему место [Золотова 2001: 107, 108].

Экспланаторность подчеркивает ценность лингвистического объяснения, а не только описания. Выражаясь словами А.Е. Кибрика, афористично описывающими будущее лингвистики, отмечается переход от «чтолингвистики» (описание структур) к «каклингвистике» (описание процессов) и далее – создание «почемулингвистики» [Кибрик 1995: 219].

Всем новым научным направлениям присущи названные принципы, хотя в какой-то из них те или иные принципы преобладают.

Таким образом, основными чертами современной лингвистики являются: разнообразие, многомерность объекта и предмета исследования; специфичность принципов (неофункционализм, антропоцентризм); новая методологическая база (экспансионизм, интеграционность, культуроцентризм, социоцентризм, дискурсивность); характер результатов (экспланаторность, поиск изоморфизма в языке и других предметных областях, плюрализм).

Литература

1. Азаматова А.Х., 2008, Метаязык лингвистики, Алматы: Издательство Казак университеті.
2. Антропологическая лингвистика: Концепты. Категории, ред. Ю.И. Малинович, 2003, Москва, Иркутск: Иркутский государственный лингвистический университет.
3. Арутюнова Н.Д., 1999, Язык и мир человека, Москва: Языки русской культуры.
4. Болдырев Н.Н., 2004, Концептуальное пространство когнитивной лингвистики, Вопросы когнитивной лингвистики, № 1, с. 18–36.
5. Горошко Е.И., 2006а, Интернеткоммуникации в гендерном измерении, Вестник Пермского университета, вып. 3, Перм.

Занятия 4. КОМПЬЮТЕРНАЯ ЛИНГВИСТИКА

План:

1. Компьютерная лингвистика как прикладная лингвистическая дисциплина
2. Когнитивный инструментарий компьютерной лингвистики

Ключевые слова: компьютерная лингвистика, когнитивный инструмент, онтологическое разделение

1. Компьютерная лингвистика как прикладная лингвистическая дисциплина

Под термином «компьютерная лингвистика» (computational linguistics) обычно понимается широкая область использования компьютерных инструментов — программ, компьютерных технологий организации и обработки данных — для моделирования функционирования языка в тех или иных условиях, ситуациях, проблемных областях, а также сфера

применения компьютерных моделей языка не только в лингвистике, но и в смежных с ней дисциплинах. Собственно, только в последнем случае речь идет о прикладной лингвистике в строгом смысле, поскольку компьютерное моделирование языка может рассматриваться и как сфера приложения теории программирования (computer science) в области лингвистики. Тем не менее общая практика такова, что сфера компьютерной лингвистики охватывает практически все, что связано с использованием компьютеров в языкознании: «Термин "компьютерная лингвистика" задает общую ориентацию на использование компьютеров для решения разнообразных научных и практических задач, связанных с языком, никак не ограничивая способы решения этих задач» [Городецкий 1989, с. 10].

В данном параграфе особое внимание уделяется компьютерным моделям отдельных фрагментов языковой системы, поскольку они позволяют расширить возможности использования языка как средства познания. Внимание к языку как средству познания объясняет возрастание роли концептуального аппарата теории знаний, возникшей в искусственном интеллекте и окончательно сформировавшейся в когнитивной науке (cognitive science), в теоретической и прикладной лингвистике.

Институциональный аспект компьютерной лингвистики. Как особое научное направление компьютерная лингвистика¹⁾ оформилась в 60-е гг. Поток публикаций в этой области очень велик. Кроме тематических

1) Русский термин «компьютерная лингвистика» является калькой с соответствующего английского термина computational linguistics. Поскольку прилагательное computational по-русски может переводиться как «вычислительный», в литературе встречается также термин «вычислительная лингвистика», однако по-русски он приобретает более узкое значение, почти приближающееся к «квантитативной лингвистике». В [Городецкий 1989, с. 10] отмечается: «Термин (...) "вычислительная лингвистика" может пониматься более узко, ибо даже при широкой трактовке понятия "вычисление" за его пределами как бы остаются такие стороны решения лингвистических задач, как, например, представление знаний, организация банков языковых данных (..). Тем самым можно считать, что термин "компьютерная лингвистика" (по своей внутренней форме) шире, чем "вычислительная лингвистика"»..

сборников, в США ежеквартально выходит журнал «Компьютерная лингвистика». Большую организационную и научную работу проводит Ассоциация по компьютерной лингвистике, которая имеет региональные структуры по всему миру (в частности, европейское отделение). Каждые два года проходят международные конференции по компьютерной лингвистике

— КОЛИНГ. Соответствующая проблематика широко представлена также на международных конференциях по искусственному интеллекту разных уровней.

1.2. Когнитивный инструментарий компьютерной лингвистики

Компьютерная лингвистика как особая прикладная дисциплина выделяется прежде всего по инструменту — то есть по использованию компьютерных средств обработки языковых данных. Поскольку компьютерные программы, моделирующие те или иные аспекты функционирования языка, могут использовать самые разные средства программирования, то об общем метаязыке говорить вроде бы не приходится. Однако это не так. Существуют общие принципы компьютерного моделирования мышления, которые так или иначе реализуются в любой компьютерной модели. В основе этого языка лежит теория знаний, разработанная в искусственном интеллекте и образующая важный раздел когнитивной науки.

Основной тезис теории знаний гласит, что мышление — это процесс обработки и порождения знаний. «Знания» или «знание» считается неопределяемой категорией. В качестве «процессора», обрабатывающего знания, выступает когнитивная система человека. В эпистемологии и когнитивной науке различают два основных вида знаний — декларативные («знание что») и процедурные («знание как»²). **Декларативные знания** представляются обычно в виде совокупности пропозиций, утверждений о чем-либо. Типичным примером декларативных знаний можно считать толкования слов в обычных толковых словарях. Например, *чашка*] — 'небольшой сосуд для питья округлой формы, обычно с ручкой, из фарфора, фаянса и т. п.' [МАС]. Декларативные знания поддаются процедуре верификации в терминах «истина—ложь». **Процедурные знания** представляются как последовательность (список) операций, действий, которые следует выполнить. Это некоторая общая инструкция о действиях в некоторой ситуации. Характерный пример процедурных знаний — инструкции по пользованию бытовыми приборами. Ср. текст инструкции о настройке видеосигнала для видеоманитона:

- 1) Выберите видеоканал.
- 2) Включите выключатель «Проверочный канал».
- 3) Установите переключатель «Система» в «I» положение.
- 4) Отрегулируйте ТВ канал таким образом, чтобы настроечная сетка была четко видна.

2) Разграничение между «знанием что» и «знанием как» восходит к Райлу [Ryle 1949)

В отличие от декларативных знаний, процедурные знания невозможно верифицировать как истинные или ложные. Их можно оценивать только по успешности—неуспешности алгоритма.

Большинство понятий когнитивного инструментария компьютерной лингвистики омонимично: они одновременно обозначают некоторые реальные сущности когнитивной системы человека и способы представления этих сущностей на некоторых метаязыках. Иными словами, элементы метаязыка имеют онтологический и инструментальный аспект. **Онтологически** разделение декларативных и процедурных знаний соответствует различным типам знаний когнитивной системы человека. Так, знания о конкретных предметах, объектах действительности преимущественно декларативны, а функциональные способности человека к хождению, бегу, вождению машины реализуются в когнитивной системе как процедурные знания. Т. Виноград в связи с этим отмечает: «Очевидно, что многое из того, что мы знаем, лучше представляется процедурно; такое знание интерпретировать чисто декларативно трудно. Если мы хотим, чтобы робот действовал в относительно простой среде (такой, например, как игровые кубики), то мы сделаем это наиболее естественно, описав его манипуляции как программы» [Winograd 1975, p. 189]. **Инструментально** знание (как онтологически процедурное, так и декларативное) можно представить как совокупность дескрипций, описаний и как алгоритм, инструкцию. Иными словами, онтологически декларативное знание об объекте действительности «стол» можно представить процедурно как совокупность инструкций, алгоритмов по его созданию, сборке (= **креативный аспект** процедурного знания) или как алгоритм его типичного использования (= **функциональный аспект** процедурного знания). В первом случае это может быть руководство для начинающего столяра, а во втором — описание возможностей офисного стола. Верно и обратное: онтологически процедурное знание можно представить декларативно.

Требует отдельного обсуждения, всякое ли онтологически декларативное знание представимо как процедурное, а всякое онтологически процедурное — как декларативное. Исследователи сходятся в том, что всякое декларативное знание в принципе можно представить процедурно, хотя это может оказаться для когнитивной системы очень неэкономным. Обратное вряд ли справедливо. Дело в том, что декларативное знание существенно более эксплицитно, оно легче осознается человеком, чем процедурное. В противоположность декларативному знанию, процедурное знание преимущественно имплицитно. Так, языковая способность, будучи процедурным знанием,

скрыта от человека, не осознается им. Попытка эксплицировать механизмы функционирования языка приводит к дисфункции. Специалистам в области лексической семантики известно, например, что длительная семантическая интроспекция, необходимая для изучения плана содержания слова, приводит к тому, что исследователь частично теряет способность к различению правильных и неправильных употреблений анализируемого слова. Можно привести и другие примеры. Известно, что с точки зрения механики тело человека является сложнейшей системой двух взаимодействующих маятников. Представьте себе человека, который внимательно анализирует каждое свое движение в процессе ходьбы — далеко ли он уйдет? В одном из фантастических рассказов описывается вполне правдоподобная трагикомическая ситуация: герой рассказа, обладавший способностью летать, полностью теряет ее после того, как группа высоколобых научных консультантов начинает изучать, как он это делает. Иными словами, экспликация имплицитного процедурного знания часто приводит к его разрушению. Тем самым возникает вопрос о возможности декларативного представления любого процедурного знания.

В теории знаний для изучения и представления знания используются различные структуры знаний — фреймы, сценарии, планы. Согласно М. Минскому, «фрейм — это структура данных, предназначенная для представления стереотипной ситуации» [Минский 1978, с. 254]. Более развернуто можно сказать, что **фрейм** является концептуальной структурой для декларативного представления знаний о типизированной тематически единой ситуации, содержащей слоты, связанные между собой определенными семантическими отношениями. В целях наглядности фрейм часто представляют в виде таблицы, строки которой образуют слоты. Каждый слот имеет свое имя и содержание (см. табл. 1).

Фрагмент фрейма «стол» в табличном представлении

Имя слота	Содержание слота
количество ножек	четыре, возможно больше, минимум три
материал	дерево, пластмасса, стекло
поверхность	прямоугольник, овал, круг, квадрат
наличие тумб	факультативно
функции	обеденный, журнальный, рабочий и пр.
и т.д.	

В зависимости от конкретной задачи структуризация фрейма может быть существенно более сложной; фрейм может включать вложенные подфреймы и отсылки к другим фреймам.

Вместо таблицы часто используется предикатная форма представления. В этом случае фрейм имеет форму предиката или функции с аргументами. Существуют и другие способы представления фрейма. Например, он может представляться в виде кортежа следующего вида:

{(имя фрейма) (имя слота)) (значение слота₁), ..., (имя слота_n) (значение слота_n)}.

Обычно такой вид имеют фреймы в языках представления знаний. Так, в базе данных по кадрам фреймы представляются как последовательность свойств служащего:

{(СОТРУДНИК) (ФАМИЛИЯ) (Петров), (ДОЛЖНОСТЬ)
(истопник), (ВОЗРАСТ) (32)...}.

Как и другие когнитивные категории компьютерной лингвистики, понятие фрейма омонимично. Онтологически — это часть когнитивной системы человека, и в этом смысле фрейм можно сопоставить с такими понятиями как гештальт, прототип, стереотип, схема. В когнитивной психологии эти категории рассматриваются именно с онтологической точки зрения. Так, Д. Норман различает два основных способа бытования и организации знаний в когнитивной системе человека — семантические сети и схемы. «Схемы, — пишет он, — представляют собой организованные пакеты знания, собранные для репрезентации отдельных самостоятельных единиц знания. Моя схема для Сэма может содержать информацию,

описывающую его физические особенности, его активность и индивидуальные черты. Эта схема соотносится с другими схемами, которые описывают иные его стороны» [Норман 1998, с. 359]. Если же брать инструментальную сторону категории фрейма, то это структура для декларативного представления знаний. В имеющихся системах ИИ фреймы могут образовывать сложные структуры знаний; системы фреймов допускают иерархию — один фрейм может быть частью другого фрейма.

По содержанию понятие фрейма очень близко категории толкования. Действительно, слот — аналог валентности, заполнение слота — аналог актанта. Основное отличие между ними заключается в том, что толкование содержит только лингвистически релевантную информацию о плане содержания слова, а фрейм, во-первых, не обязательно привязан к слову, и, во-вторых, включает всю релевантную для данной проблемной ситуации информацию, в том числе и экстралингвистическую (знания о мире)³.

Сценарий представляет собой концептуальную структуру для процедурного представления знаний о стереотипной ситуации или стереотипном поведении. Элементами сценария являются шаги алгоритма или инструкции. Обычно говорят о «сценарии посещения ресторана», «сценарии покупки» и т.п. Характерный пример приводится в [Норман 1998, с. 361]: «Посмотрим, каким может быть в общих чертах сценарий поведения в ресторане. Вы входите в ресторан и находите свободный столик — иногда сами, а иногда ждете, чтобы вам его указали. Садитесь и ждете.

3) Интересно, что Ч. Филлмор, обсуждая различия между категориями сцены, фрейма, схемы, шаблона, сценария, прототипа и т.п., связывает с фреймом лингвистически обусловленные характеристики структуры знаний: «Мы можем употреблять термин *фрейм*, когда имеем в виду специфическое лексико-грамматическое обеспечение, которым располагает данный язык для наименования и описания категорий и отношений, обнаруженных в схемах» [Филлмор 1983, с. 110].

Через некоторое время подходит официант и подает вам меню (а в Соединенных Штатах также стакан воды). Официант уходит, потом возвращается, чтобы принять заказ. Немного погодя он приносит кушанья, и вы едите. Затем официант вручает вам счет, и вы платите или ему самому, или в кассу. Оставляете чаевые, даже если еда вам не понравилась». Из приведенного описания посещения ресторана видно, что сценарные знания тесно связаны с определенной культурой. Норман сам отмечает специфическую особенность американских ресторанов, в которых официант вместе с меню приносит клиенту стакан воды. Для российской традиции

нетривиальным оказывается и оплата счета в кассу, а не официанту. Процедурные знания в большей степени связаны с культурной традицией, чем декларативные. Это, по-видимому, объясняется тем, что процедурное знание, как правило, описывает поведение, которое более социологизировано, чем представление об абстрактных категориях типа движения, времени, пространства и пр. Последние более универсальны, чем способы принятия пищи, освященные традицией ритуалы выбора спутника/спутницы жизни, представления о карьере и успехе. Впрочем, многие декларативные знания прямо зависят от обучения и опыта взаимодействия с окружающим миром.

Изначально фрейм также использовался для процедурного представления (ср. термин «процедурный фрейм»), однако сейчас в этом смысле чаще употребляется термин «сценарий». Сценарий можно представить не только в виде алгоритма, но и в виде сети, вершинам которой соответствуют некоторые ситуации, а дугам — связи между ситуациями. Наряду с понятием сценария, некоторые исследователи привлекают для компьютерного моделирования интеллекта категорию скрипта. По Р. Шенку, скрипт — это некоторая общепринятая, общеизвестная последовательность причинных связей [Schank 1981]. Например, понимание диалога

—*На улице льет как из ведра.*

—*Все равно придется выходить в магазин: в доме есть нечего — вчера гости все подмели.*

основывается на неэксцентрированных семантических связях типа 'если идет дождь, на улицу выходить нежелательно, поскольку можно заболеть'. Эти связи формируют скрипт, который и используется носителями языка для понимания речевого и неречевого поведения друг друга.

В результате применения сценария к конкретной проблемной ситуации формируется **план**

4). План используется для процедурного представления знаний о возможных действиях, ведущих к достижению определенной цели. План соотносит цель с последовательностью действий.

4) Термин «план» используется в когнитивных науках и искусственном интеллекте в самых разнообразных значениях. Например, под планом может пониматься мысленная репрезентация некоторого действия, которое выполняется в отношении некоторого объекта [Солсо 1996]. В других случаях план связывается с мотивами и намерениями участников [Schank 1981]. Здесь обсуждается только одно из наиболее распространенных пониманий.

В общем случае план включает последовательность процедур, переводящих начальное состояние системы в конечное и ведущих к достижению определенной подцели и цели. В системах ИИ план возникает в результате планирования или планирующей деятельности соответствующего модуля — модуля планирования. В основе процесса планирования может лежать адаптация данных одного или нескольких сценариев, активизированных тестирующими процедурами, для разрешения проблемной ситуации. Выполнение плана производится исполнительным модулем, управляющим когнитивными процедурами и физическими действиями системы. В элементарном случае план в интеллектуальной системе представляет собой простую последовательность операций; в более сложных версиях план связывается с конкретным субъектом, его ресурсами, возможностями, целями, с подробной информацией о проблемной ситуации и т. д. Возникновение плана происходит в процессе коммуникации между моделью мира, часть которой образуют сценарии, планирующим модулем и исполнительным модулем.

В отличие от сценария, план связан с конкретной ситуацией, конкретным исполнителем и преследует достижение определенной цели. Выбор плана регулируется ресурсами исполнителя. Выполнимость плана — обязательное условие его порождения в когнитивной системе, а к сценарию характеристика выполнимости неприменима.

Еще одно важное понятие — модель мира. Под **моделью мира** обычно понимается совокупность определенным образом организованных знаний о мире, свойственных когнитивной системе или ее компьютерной модели. В несколько более общем виде о модели мира говорят как о части когнитивной системы, хранящей знания об устройстве мира, его закономерностях и пр. В другом понимании модель мира связывается с результатами понимания текста или — более широко — дискурса. В процессе понимания дискурса строится его ментальная модель, которая является результатом взаимодействия плана содержания текста и знаний о мире, свойственных данному субъекту [Джонсон-Лэрд 1988, с. 237 и далее]. Первое и второе понимание часто объединяются. Это типично для исследователей-лингвистов, работающих в рамках когнитивной лингвистики и когнитивной науки. Ср. характерное высказывание Ч. Филлмора: «{...} мы можем использовать термин *модель*, когда разумеем точку зрения конкретного человека на мир или то представление о мире, которое строит интерпретатор в процессе интерпретации текста» [Филлмор 1983, с. 110]. В системах ИИ модель мира является особым блоком, в который в зависимости от выбранной архитектуры могут входить общие

знания о мире (в виде простых пропозиций типа «зимой холодно» или в виде правил продукций «если на улице идет дождь, то надо надеть плащ или взять зонтик»), некоторые специфические факты («Самая высокая вершина в мире — Эверест»), а также ценности и их иерархии, иногда выделяемые в особый «аксиологический блок». В процессе анализа проблемной ситуации из поступивших данных и имеющейся в модели мира информации строится модель актуальной ситуации, которая используется в моделировании различных когнитивных процессов: принятия решений, аргументации, практического рассуждения, понимания естественноязыковых текстов и диалога на естественном языке. В модели диалога происходит многоэтапная рефлексия моделей мира участников ситуации общения. В различных формализмах модель мира может иметь различную структуру: предикатную, сетевую, фреймовую и др.

Тесно связано с категорией фрейма понятие сцены. Категория сцены преимущественно используется в литературе как обозначение концептуальной структуры для декларативного представления актуализованных в речевом акте и выделенных языковыми средствами (лексемами, синтаксическими конструкциями, грамматическими категориями и пр.) ситуаций и их частей⁵). Будучи связана с языковыми формами, сцена часто актуализуется определенным словом или выражением. В грамматиках сюжетов (см. ниже) сцена предстает как часть эпизода или повествования. Характерные примеры сцен — совокупность кубиков, с которыми работает система ИИ, место действия в рассказе и участники действия и т.д. В искусственном интеллекте сцены используются в системах распознавания образов, а также в программах, ориентированных на исследование (анализ, описание) проблемных ситуаций. Понятие сцены получило широкое распространение в теоретической лингвистике, а также логике, в частности в ситуационной семантике, в которой значение лексической единицы непосредственно связывается со сценой. Обратимся к тем областям компьютерной лингвистики, которые непосредственно связаны с оптимизацией когнитивной функции языка. Ниже в качестве примера рассматриваются три сферы компьютерного моделирования, в которых используются знания о функционировании языковой системы: **моделирование общения, моделирование структуры сюжета и гипертекстовые технологии представления текста.** Использование компьютерного моделирования языковых феноменов для оптимизации других функций языковой системы рассматривается в других главах настоящего пособия. Проблематика машинного перевода и систем обработки естественного языка обсуждается в главе 4, а компьютерная

поддержка лексикографических работ (компьютерная лексикография) — в главе 3.

1.3.1. Моделирование общения. В узком смысле проблематика компьютерной лингвистики часто связывается с моделированием общения, в частности, с обеспечением общения человека с ЭВМ на естественном или ограниченном естественном языке. Это относится к оптимизации

5) Ср., однако, несколько иная трактовка этого понятия Ч. Филлмором: «Мы можем использовать термин *сцена*, когда имеются в виду почерпнутые из реального мира опытные данные, действия, объекты, восприятия, а также индивидуальные воспоминания обо всем этом» [Филлмор 1983, с. ПО].

языка как средства общения (см. главу 4). Впрочем, компьютерные модели общения часто используются для изучения самого процесса общения. Остановимся подробнее на опыте создания и использования именно таких моделей.

Изучение уже накопившегося опыта эксплуатации компьютерных систем, требовавших обеспечения взаимодействия с ЭВМ на естественном языке, позволило исследователям по-новому взглянуть на функции и структуру естественной коммуникации. В центр внимания попали вопросы, которые ранее были на периферии теории диалога, дискурс-анализа и теории коммуникации. Что обеспечивает естественность общения? Каковы условия связности беседы? Когда общение оказывается успешным? В каких случаях возникают коммуникативные неудачи и можно ли их избежать? Какие стратегии общения используют участники коммуникативного взаимодействия при достижении своих коммуникативных целей? Это далеко не исчерпывающий список теоретических проблем, обнаружившихся в связи с функционированием компьютерных моделей общения.

Одной из наиболее интересных компьютерных моделей диалога, вызвавшей оживленные теоретические дискуссии, была программа Джозефа Вейценбаума «Элиза»⁶), первый вариант которой появился в 1966 г. Изначально «Элиза» создавалась как игрушка, как учебный образец программы-имитатора, целью которой является не моделирование мышления в точном смысле, а моделирование речевого поведения. Программа поддерживала разговор с собеседником в реальном масштабе времени, однако при ее разработке были использованы ограниченные программистские ресурсы, лингвистический анализ и синтез также были сведены к минимуму. Тем не менее программа функционировала столь успешно, что фактически опровергла известный тест Тьюринга на создание искусственного интеллекта. Как известно, Тьюринг вместо

софистицированно-го обсуждения философского вопроса о том, может ли машина мыслить, предложил игровую задачу следующего типа. Пусть есть три участника: мужчина *L*, женщина *B* и спрашивающий *C*. Спрашивающий не знает, кто мужчина, а кто — женщина. Задавая вопросы участникам игры, *C* должен попытаться определить, кто является мужчиной, а кто — женщиной, при этом участник[^] пытается мистифицировать спрашивающего, выдавая ему не ложную, но искаженную информацию, а участник *B* — наоборот, стремится помочь *C*. Понятно, что общение происходит не напрямую, а через телетайп или с помощью записок, отпечатанных на пишущей машинке. Что произойдет, если в качестве *A* будет выступать система ИИ? Будет ли спрашивающий ошибаться столь же часто? [Turing 1950, p. 434]. Более простой вариант этого теста сводится к тому, что несколько участников беседуют с некоторым другим участником

Х. Проблема построения

б) Имя для программы было выбрано Вейценбаумом не случайно: в пьесе Б. Шоу «Пигмалион» профессор Хиггинс учит Элизу Дулитл говорить на литературном английском

искусственного интеллекта решена, если большинство участников не сможет установить, с кем они беседуют — с человеком или машиной.

Программа «Элиза» была использована группой исследователей во главе с М. Макгайром для изучения структуры диалога и особенностей естественной языковой коммуникации [McGuire 1971]. В проводившемся эксперименте с «Элизой» беседовали в течение часа 24 испытуемых. Общение происходило с помощью телетайпа. За время беседы каждый участник ввел от 10 до 65 реплик и получил на них ответы. По окончании 15 участников (62 %) были уверены, что им отвечал человек, 5 испытуемых (21 %) обнаружили определенные колебания и лишь четверо участников (17%) были абсолютно уверены, что общались с ЭВМ. С лингвистической точки зрения алгоритмы программы «Элиза» включают минимум лингвистической информации. Во-первых, это комплекс ключевых слов, которые актуализуют некоторые устойчивые коммуникативные формулы (шаблоны), во-вторых, способность относительно несложно трансформировать предшествующее высказывание. Например, программа в состоянии переделать предшествующее утверждение в общий вопрос. В одном из вариантов программы «Элиза» перевоплощается в доктора-психиатра, ср. фрагмент диалога с программой «Доктор»7):

Доктор. Говорите!

Пациент. Меня волнует погода.

Доктор. Как давно вас волнует погода?

Пациент. С тех пор, как умерла моя мать.

Доктор. Расскажите больше о вашей семье.

Пациент. Они все в области компьютеров.

Доктор. Машины пугают вас.

Пациент. Нет.

Доктор. Пожалуйста, не будьте столь кратки.

Пациент. Извините.

Доктор. Вы говорили о вашей матери.

По внешним характеристикам перед нами предстает совершенно нормальная беседа врача с пациентом. Между тем даже поверхностный анализ показывает, что программа «Доктор» не понимает собеседника в точном смысле: она не имеет своей модели мира, не строит в ней отображение представлений/знаний собеседника, не модифицирует модель мира с каждым новым высказыванием, не накапливает информацию, хотя у нее есть некоторые аналоги кратковременной и долговременной памяти. Например, она способна выделить упоминание термина *мать* и в последующем вставить этот терм в шаблон «Вы говорили об X», который представляет собой косвенно-инициирующую реплику (косвенный вопрос). По приведенному фрагменту видно, что программа содержит также шаблоны «Как давно X!», «Расскажите больше об X», «Пожалуйста, не будьте столь кратки», побуждающие адресата продолжить общение.

7) Пример приводится из [Уинстон 1980, с. 391, 393].

Интересно, что существенная тематическая ограниченность коммуникации и значительное количество ошибок и неточностей в ответе (порядка 19% неточных или выпадающих из контекста реплик «Элизы» в упоминавшемся эксперименте М. Макгайра), не помешали испытуемым признать партнера по коммуникации человеком. Дело здесь совсем не в патологической глупости испытуемых. Это проявление важнейшей особенности коммуникации на естественном языке: **естественноязыковой дискурс очень терпим по отношению к сбоям и ошибкам — он избыточен и помехоустойчив.** Реплики «Элизы», выпадавшие из нормального общения, испытуемые легко объясняли обычными сбоями в понимании своей предшествующей реплики, не вполне нормальными условиями общения, шутливым настроением партнера. Устойчивость естественного дискурса объясняется также способностями человека к интерпретации речевых действий: человек, принимающий роль участника диалога, ведет себя соответствующим образом. Имея установку на общение, он стремится включать в коммуникацию все то, что по форме напоминает речевой акт, реплику. Иными словами, он склонен наделять смыслом то, что

часто смысла не имеет. В этом случае испытуемые сами порождают смысл диалога, сами обеспечивают его связность, сами приписывают партнеру коммуникативные интенции.

Второй важный вывод эксперимента: испытуемые довольно быстро принимали решение о том, кто перед ними — компьютер или человек. 22 участника из 24 уяснили для себя ситуацию не более, чем за пять обменов репликами, и далее не меняли своего решения. Определение ролей в коммуникации относится к метауровню общения, поскольку это составляет одну из предпосылок успешной коммуникации, предохраняющей общение от многочисленных коммуникативных неудач. Обращение к метауровню немедленно прекращает нормальный диалог, переводя его, например, в brutальную область, ср. характерный пример из «Золотого теленка» И. Ильфа и Е. Петрова:

У Балаганова сразу сделалось мокрое, как бы сварившееся на солнце, лицо.

—Зачем же мы работали? — сказал он, отдуваясь. — Так нельзя. Это... объясните.

—Вам, — вежливо сказал Остап, — любимому сыну лейтенанта, я могу повторить только то, что я говорил в Арбатове. Я чту Уголовный кодекс. Я не налетчик, а идейный борец за денежные знаки. (...)

—Зачем же вы послали нас? — спросил Балаганов, остывая. — Мы старались...

—Иными словами, вы хотите спросить, известно ли достопочтенному командору, с какой целью он предпринял последнюю операцию? На это ответу — да, известно. Дело в том...

В эту минуту в углу потух золотой зуб. Паниковский развернулся, опустил голову и с криком: «А ты кто такой?» — вне себя бросился на Остапа. Не перемня позы и даже не повернув головы, великий комбинатор толчком каучукового кулака вернул взбесившегося нарушителя конвенции на прежнее место (...).

Реплика Паниковского *А ты кто такой?* в данном контексте является вовсе не требованием информации, а маркером перехода на метауровень общения — она связана с выяснением роли, статуса Остапа Бендера в микросоциуме (образующем коммуникативную группу) Остапа и его коллег-подельщиков. Разумеется, переход на метауровень общения не обязательно связан с физическим конфликтом. Реплики представления (самопредставления) типа *Разрешите представиться*, приветствия и прощания также относятся к метакоммуникации. Многие институциональные процедуры типа заседания суда, защиты диссертации

включают значительный метакоммуникативный компонент, выполнение которого формально необходимо для успешности процедуры. Так, проведение судебного заседания предполагает обязательное выяснение того, является ли ответчик «надлежащим» ответчиком, то есть тем лицом, которому действительно можно предъявлять какие-то претензии.

Понятно, что определение ролей участников во многом определяет выбор стратегии коммуникативного поведения. Действительно, лучше сразу определить, с кем мы разговариваем по телефону — с давним другом или чиновником налоговой инспекции. Выяснение того, кем является собеседник — машиной или человеком, также относится к метауровню общения, и испытуемые старались установить ролевые характеристики партнера как можно раньше.

Это свойство естественной языковой коммуникации можно назвать **принципом приоритета метакоммуникативных параметров** ситуации общения.

Третье важное следствие из эксперимента М. Макгайра связано с **существованием различных типов коммуникативного взаимодействия между людьми**. Успешное взаимодействие между человеком и программой типа «Элиза» возможно только в ситуации, когда происходит так называемое «ассоциативное общение», при котором реплики диалога связаны не столько логическими отношениями типа «причина-следствие», «посылка—заключение», а ассоциациями. Ассоциативное общение не имеет конкретной направленности; само поддержание беседы может служить ее оправданием. Собеседники не преследуют цели решить какую-то проблему или выработать единую точку зрения на какой-то вопрос. В классификации Р. Якобсона для коммуникации такого типа предложен термин «фатическое общение» [Якобсон 1975]. Заметим, что беседа врача-психиатра с пациентом по форме также имеет вид фатического общения, хотя и преследует вполне определенные цели сбора данных о заболевании пациента и последующем вербальном и невербальном воздействии на его психику для достижения лечебного эффекта. «Элиза» не смогла бы успешно имитировать общение в коммуникативной ситуации, названной М. Макгайром «решение задач», поскольку она не способна понять проблемную ситуацию, то есть построить модель мира дискурса, определить альтернативы выхода из проблемы, выбрать одну из альтернатив и т. д. Одна из типичных стратегий «ухода от непонимания», реализованная в программе «Элиза» — смена темы беседы. Очевидно, что такая стратегия ведения беседы вряд ли приведет к успеху при совместном поиске решения проблемы.

Наконец, четвертый вывод можно сформулировать как **неуниверсальность правил коммуникативного взаимодействия**. Он касается самих закономерностей общения на естественном языке. Каждый тип коммуникации обслуживается своим набором относительно простых правил, обеспечивающих связность дискурса, его осмысленность для участников. Типология видов общения задается соответствующими наборами правил. Из экспериментов М. Макгайра с программой «Элиза» следует, что кроме ассоциативного (= фатического) способа общения, выделяется еще «решение задач», «задавание вопросов» и «уточнение понимания». С лингвистической точки зрения эти типы, скорее всего, неоднородны, пересекаются и даже находятся на разных уровнях дискурса. Так, «уточнение понимания» относится к метауровню коммуникации, «задавание вопросов» может быть частью стратегии «решение задач» и «уточнения понимания» и т. д. Существенно, что компьютерный эксперимент с программой, моделирующей поведение участника коммуникации, позволяет экспериментально подтвердить или опровергнуть многие положения теории диалога, разработанные как в лингвистике, так и в смежных дисциплинах — в дискурс-анализе, теории коммуникации, психологии и социологии общения.

1.3.2. Моделирование структуры сюжета. Изучение структуры сюжета относится к проблематике структурного литературоведения (в широком смысле), психологии творчества и культурологии. Имеющиеся компьютерные программы моделирования сюжета основываются на трех базовых формализмах представления сюжета — морфологическом и синтаксическом направлениях представления сюжета, а также на когнитивном подходе.

«Морфология» сюжета. Идеи о морфологическом устройстве структуры сюжета восходят к известным работам В. Я. Проппа о русской волшебной сказке [Пропп 1928; Пропп 1986]. Пропп заметил, что при обилии персонажей и событий волшебной сказки количество функций персонажей ограничено: «Постоянными, устойчивыми элементами сказки служат функции действующих лиц, независимо от того, кем и как они выполняются. Они образуют основные составные части сказки» [Пропп 1928, с. 31]. К числу базовых относятся, например, следующие функции:

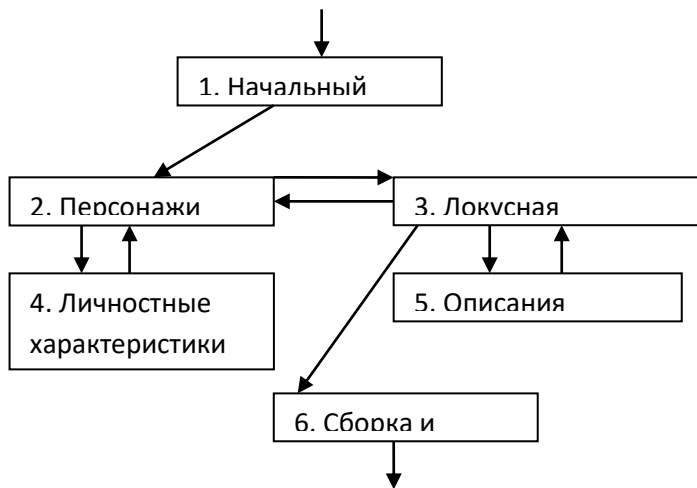
- отлучение персонажа сказки из дома;
- запрет герою на действие;
- нарушение запрета;
- получение вредителем информации о жертве;
- обман жертвы вредителем;

- невольное пособничество жертвы вредителю и т. д.

Идеи Проппа легли в основу компьютерной программы TALE, моделирующей порождение сюжета сказки [Гаазе-Рапопорт, Поспелов, Семенова 1980]. В основу алгоритма программы TALE положена последовательность функций персонажей сказки. Фактически функции Проппа задавали множество типизированных ситуаций, упорядоченных на основе анализа эмпирического материала. Возможности сцепления различных ситуаций в правилах порождения определялись типичной последовательностью функций — в том виде, в котором это удастся установить из текстов сказок. В программе типичные последовательности функций описывались как типовые сценарии встреч персонажей.

В дальнейшем система была усложнена за счет введения модели мира сказки, география которого состоит из обычного мира, промежуточного (среднего) мира и иного мира [Гаазе-Рапопорт, Поспелов, Семенова 1984]. Каждый мир состоит из локусов, связанных между собой определенными отношениями. Отношения связывают не только локусы внутри каждого мира, но и локусы различных миров. Обычный мир состоит из следующих локусов: место проживания героя (локус 1), место получения задания (локус Г), место дарения волшебных предметов, помогающих выполнить задание. Первый локус и локус штрих часто совпадают (ср. сказки о Падчерице и злой Мачехе). К обычному миру относятся также локусы 3 (их может быть много), в которых преодолеваются препятствия с помощью волшебных предметов. Количество препятствий, как правило, совпадает с количеством волшебных предметов. После преодоления препятствий герой оказывается в промежуточном мире, стражем которого является Баба-Яга. Средний мир отделяет мир героев от мира антигероев. Функции Бабы-Яги различаются — она может выступать как дарительница информации или очередного волшебного средства, а может выступать на стороне антигероев (например, при акценте на людоедском поведении Бабы-Яги). Иной мир включает место обитания антигероя (локус 5), место битвы между героем и антигероем (локус 6) и, наконец, локус 7 — место награды или цели, которой добивается герой. Локусы связаны отношениями перехода, которые представляют возможные последовательности развертывания сюжета.

Модифицированная версия программы TALE имеет следующую блок-схему [Гаазе-Рапопорт, Поспелов, Семенова 1984, с. 52]:

Блок-схема программы TALE

Работа программы начинается с первого блока, в котором выбирается тип сюжета сказки и ее персонажи. Здесь же формируется экспозиция сказки (setting). Во втором блоке хранятся описания, связанные с персонажами, а в четвертом — постоянные характеристики персонажей. Описания даются во фреймоподобных структурах представления знаний. С помощью второго и третьего блоков формируются мотивы и поступки персонажей. Третий блок задает последовательность движения персонажей по локусам. В последнем (шестом) блоке происходит сборка порожденных фрагментов сказки.

Блок-схема модифицированного варианта программы TALE показывает, что чисто «морфологического» подхода к структуре сюжета сказки явно недостаточно. «Морфемы» сказочного сюжета должны не только определенным образом сочетаться между собой, но и иметь специфические ограничения на сочетаемость. Фиксация одного типичного порядка следования функций персонажей волшебной сказки существенно ограничивает имеющиеся возможности сочетаемости. Более адекватное решение этой проблемы дает синтаксический подход к структуре сюжета.

«Синтаксис» сюжета. Теоретическую основу синтаксического подхода к сюжету текста составили «сюжетные грамматики» (story grammars). Сюжетные грамматики появились в середине 70-х гг. в результате переноса идей порождающей грамматики Н. Хомского на описание макроструктуры текста. Если важнейшими составляющими синтаксической структуры в порождающей грамматике были глагольные и именные группы, то в большинстве сюжетных грамматик в качестве базовых выделялись экспозиция (setting), событие и эпизод. В теории сюжетных грамматик широко обсуждались условия минимальности: ограничения, определявшие статус последовательности из элементов сюжета как нормальный сюжет. Оказалось, однако, что чисто

лингвистическими методами это сделать невозможно. Многие ограничения носят социокультурный характер. Сюжетные грамматики, существенно различаясь набором категорий в дереве порождения, допускали весьма ограниченный набор правил модификации нарративной структуры. В подавляющем большинстве случаев эти правила заимствованы из той же порождающей грамматики. Потенциал варьирования структуры сюжета обеспечивается в первую очередь трансформациями передвижения и опущения. Например, текст признания преступника, фиксирующий реальную последовательность развертывания событий в преступлении, можно с помощью перестановок и опущений преобразовать в детективный сюжет:

{преступник → замысел → орудие убийства → место → убийство → обнаружение трупа → поиски преступника} → {обнаружение трупа → обнаружение орудия убийства → поиски преступника}.

Использование сюжетных грамматик в компьютерном моделировании оказалось не вполне удачным. Синтаксический компонент сюжета, описываемый грамматиками, отражает чисто внешние особенности текста. Не удастся обнаружить операциональные критерии выделения различных составляющих сюжета. Например, где в сюжете эпизод, а где событие? Попытка использовать грамматики сюжетов для порождения сюжета приводит к тому, что порождаются тексты, которые не отвечают интуитивному представлению о рассказе. Например, терминальная цепочка, порождаемая одной из грамматик обсуждаемого типа, «Экспозиция + Тема + Сюжет + Разрешение» вполне может быть приписана предписаниям-советам следующего вида: «Вас позвали на рыбалку, а вы ничего в этом не смыслите. Что ж, сначала вам надо обзавестись рыболовными снастями. Вы можете пойти в магазин и купить спиннинг. Чтобы выбрать хороший спиннинг, надо...» [Black, Bower 1980].

Основной вывод дискуссии о недостатках сюжетных грамматик свелся к необходимости описания сюжета в рамках структуры целесообразной деятельности, то есть с привлечением категорий «цель», «проблема», «план» и т.д. Иными словами, метаязыка, учитывающего только внешние особенности сюжета, явно недостаточно. Необходимо обращение к когнитивным состояниям персонажей.

Когнитивный подход к сюжету. В начале 80-х гг. одной из учениц Р. Шенка — В. Ленерт — в рамках работ по созданию компьютерного генератора сюжетов был предложен оригинальный формализм аффективных сюжетных единиц (ACE — Affective Plot Units), оказавшийся мощным средством представления структуры сюжета [Lehnert 1982]. При

том, что он был изначально разработан для системы ИИ, этот формализм использовался в чисто теоретических исследованиях. Сущность подхода Ленерт заключалась в том, что сюжет описывался как последовательная смена когнитивно-эмоциональных (аффективных) состояний персонажей. Тем самым в центре внимания формализма Ленерт стоят не внешние компоненты сюжета — экспозиция, событие, эпизод, мораль — а его содержательные характеристики. В этом отношении формализм Ленерт отчасти оказывается возвращением к идеям Проппа.

Каждая аффективная сюжетная единица представляет собой бинарное отношение, связывающее некоторые события, оцениваемые персонажами положительно (+) или отрицательно (), и когнитивно-эмоциональные состояния персонажей (в различных комбинациях — событие & состояние; событие & событие и т. д.). Бинарное отношение не однородно. Всего выделяется пять типов бинарных отношений, специфицируемых в каждой аффективной сюжетной единице. Бинарное отношение может быть мотивацией (обозначение — т), актуализацией (а), прекращением одного действия другим (t), эквивалентностью (е), а также аффективной каузальной связью между персонажами. Каждая аффективная сюжетная единица получает название, например, УСПЕХ, НЕУДАЧА, УПОРСТВО, ПРОБЛЕМА и т.д. (список элементарных сюжетных единиц см. в Задании 2).

Из приведенной интерпретации сюжета видно, что в целом оптимистическое звучание рассказа обеспечивается сюжетной конфигурацией разрешения проблемы (негативно оцениваемая ситуация сменяется позитивно оцениваемой ситуацией).

Идеология разложения сюжета на аффективные единицы успешно использовалась как в области компьютерного моделирования, так и в собственно гуманитарной сфере. Большой методологический интерес в этой связи представляет работа В. Ленерт, Х. Олкера и Д. Шнайдера «Две реинтерпретации сюжета об Иисусе Тойнби» [Alker, Lehnert, Schneider 1985], в которой формализм, предназначенный для машинной реализации, используется для выявления сюжетных сверток евангельского текста, объясняющих, почему именно тексты Евангелий оказали огромное влияние на миллионы людей и на европейскую культуру. Удалось выявить несколько таких сюжетных мотивов, повторяющихся в фольклоре и мифах, и занимающих центральное положение в сюжетной структуре Евангелий. К ним относится, в частности, идея «восстания против несправедливой власти и успех восстания, интерпретируемый как тайное блаженство, достигаемое ценой собственной смерти».

1. Постройте фреймы для описания объектов, обозначаемых словами *дом, здание, изба, шалаш, сарай, халупа*. Сравните фреймы с толкованиями в толковых словарях или своими собственными толкованиями соответствующих лексем.

Задание 2. Типичный пример сюжетной грамматики — грамматика Мандлера и Джонсона [Mandler, Johnson 1977]. Ниже в упрощенном виде приводятся основные правила этой грамматики:

- (1)фабула → рассказ *и* мораль
- (2)рассказ → событийная структура *и* обрамление
- (3)обрамление → состояние (*и* событие)
- (4)состояние → состояние ((*и* состояние))
- (5)событие → событие ((\i/затем/причина\ событие)) ((*и* состояние))
- (6)событийная структура → эпизод ((затем эпизод))
- (7)эпизод → начало *причина* развитие *причина* окончание
- (8)начало → событие/эпизод
- (9)развитие → (простая реакция *причина* действие)/(сложная реакция *причина* путь к цели)
- (10)простая реакция → внутреннее событие ((*причина* внутреннее событие))
- (11)действие → событие
- (12)сложная реакция → простая реакция *причина* цель
- (13)цель → внутреннее состояние
- (14)путь к цели → (попытка *причина* результат)/(путь к цели *причина* путь к цели)
- (15)попытка → событие
- (16)результат → событие/эпизод
- (17)окончание → (событие (*и* эмфаза))/эмфаза/эпизод
- (18)эмфаза → состояние

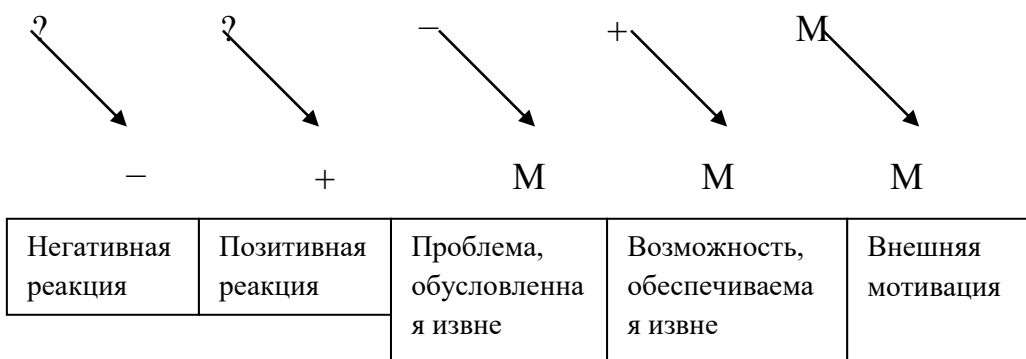
И, затем, причина — связки между составляющими сюжета, отражающие, соответственно, временные и причинные отношения.

(i) Постройте с помощью грамматики Мандлера и Джонсона структуру сюжета сказки «О курочке Рябе» по следующему тексту:

Жили-были дед да баба. И была у них курочка Ряба. Снесла раз курочка яичко, да не простое яичко, а золотое. Дед бил, бил — не разбил. Баба била, била — не разбила. Мышка пробежала, хвостиком махнула — яичко упало и

II. Аффективные сюжетные единицы, связывающие эмоциональные

состояния двух персонажей:

(i) Постройте с помощью формализма Ленерт структуру сюжета сказки «О курочке Рябе» по тексту, приведенному выше.

(ii) Постройте с помощью формализма Ленерт структуру сюжета сказок «Лиса и кувшин», «Лиса и журавль», «Лисичка-сестричка и серый волк», используя любые имеющиеся издания. Выделите часто повторяющиеся последовательности аффективных сюжетных единиц.

Комментарий к заданию. В формализме аффективных единиц смена эмоциональных состояний каждого персонажа изображается сверху вниз в виде столбцов. На каждый персонаж заводится особый столбец. Ментальные состояния нумеруются. См. пример представления сюжетной структуры рассказа «Дары Волхвов» выше.

Основная литература

1. Баранов А. Н. Категории искусственного интеллекта в лингвистической семантике. Фреймы и сценарии. М., 1987.
2. Городецкий Б. Ю. Компьютерная лингвистика: моделирование языкового общения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIV. Компьютерная лингвистика. М., 1989. С. 5-31.
3. Войсунский А. Е. Моделирование мышления // Речевое общение: проблемы и перспективы. М., 1983. С. 16-60.
4. Олкер Х. Р. Волшебные сказки, трагедии и способы изложение мировой истории // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 408-440.
5. Поспелов Д. А. Ситуационное управление. Теория и практика. М., 1986. С. 71-83; 99-106.
6. Субботин М. М. Гипертекст. Новая форма письменной коммуникации // ВИНТИ. Сер. Информатика. Т. 18. М., 1994.

Занятия 5. КОРПУСНАЯ ЛИНГВИСТИКА КАК РАЗДЕЛ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

План:

1. Классификация корпуса текстов
2. Типы корпусной разметки
3. История
4. Современное состояние
5. Проблемы
6. Веб как корпус
7. Проект Татозба
8. Открытый корпус русского языка

Ключевые слова: Корпусная лингвистика, специфика инструментария, токенизация, лемматизация, морфологический анализ.

Корпусная лингвистика — раздел языкознания, занимающийся разработкой, созданием и использованием текстовых корпусов. Термин введён в употребление в 1960-е годы в связи с развитием практики создания корпусов, которому начиная с 1980-х способствовало развитие вычислительной техники. В лингвистике, корпус (во множественном числе допустимы две формы: *ко́рпусы* и *корпуса́*) — подобранная и обработанная по определённым правилам совокупность текстов, используемых в качестве базы для исследования языка. Они используются для статистического анализа и проверки статистических гипотез, подтверждения лингвистических правил в данном языке.

Корпус может содержать тексты одного языка (одноязычные корпусы) или нескольких языков (многоязычные корпусы). Многоязычные корпусы, которые были созданы специально для сопоставительного сравнения, называют параллельными корпусами.

Чтобы сделать корпусы более полезными для лингвистических исследований, они подвергаются разметке (аннотации). Примером этого может быть морфологическая разметка, которая производится с помощью специальных программ автоматического морфологического анализа.

К некоторым корпусам применяются дальнейшие структурные уровни анализа. В частности, некоторые небольшие корпусы могут быть полностью синтаксически размечены. Такие корпусы обычно называют глубоко аннотированными или синтаксическими, а сама синтаксическая структура при этом является деревом зависимостей. Сложность обеспечения

целого корпуса разметкой подразумевает, что такие корпуса чаще всего меньше и содержат примерно от одного до трёх миллионов слов. Возможны и другие уровни лингвистического структурного анализа, включая аннотацию морфологии, семантики и прагматики.

Корпус — основное понятие и база данных корпусной лингвистики. Анализ и обработка разных типов корпусов являются предметом большинства работ в области компьютерной лингвистики, распознавания речи и машинного перевода, в которых корпуса часто применяются при создании скрытых марковских моделей для маркирования частей речи и других задач. Корпусы и частотные словари могут быть полезны в обучении иностранным языкам. Лингвистическим корпусом называют совокупность текстов, собранных в соответствии с определёнными принципами, размеченных по определённому стандарту и обеспеченных специализированной поисковой системой. Иногда корпусом («корпус первого порядка») называют просто любое собрание текстов, объединённых каким-то общим признаком (языком, жанром, автором, периодом создания текстов).

Целесообразность создания текстовых корпусов объясняется:

- представлением лингвистических данных в реальном контексте;
- достаточно большой представительностью данных (при большом объёме корпуса);
- возможностью многократного использования единожды созданного корпуса для решения различных лингвистических задач, таких, как например, реализация графематического и лексико-грамматического анализа текста и др.

Корпусная лингвистика сделала возможным:

1. Уточнить результаты и выводы, проведённых ранее исследований речи.
2. Произвести новые, более широкие и системные по охвату эмпирического речевого материала лингвистические исследования..

В центре внимания корпусной лингвистики оказалась языковая личность, т.е., её речевая деятельность, массовая коммуникация, проблема её описания.

Главная цель КЛ:

лингвистическое описание языковой системы (подход от конкретного изучения коммуникации людей), особый способ отражения речевого материала в корпусе текстов, который может использоваться в свою очередь другими лингвистическими дисциплинами.

Корпусная лингвистика имеет две черты, дающие основание претендовать на положение самостоятельной дисциплины:

1. Характер используемого словесного материала.
2. Специфика инструментария.

Таким образом, корпус текстов, с одной стороны, это исходный речевой материал для корпусной лингвистики и для других лингвистических дисциплин; с другой стороны, результат деятельности корпусной лингвистики.

"Отступления" корпусной лингвистики:

1. КЛ не отрицает ценности и необходимости речевых данных не представленных в корпусной форме; КЛ утверждает то, что из корпуса текстов невозможно извлечь все возможные лингвистические выводы, т.е., что корпус текстов не является самодостаточным.

Классификация корпуса текстов

По степени организации и структурированности

1. Электронный архив – это тексты на электронном носителе, но их форма представленная на машинном носителе не стандартизирована и не унифицирована.
2. Электронная библиотека – тексты здесь представлены однородным и стандартизированным образом.
3. Корпус текстов – форма стандартизирована и унифицирована, тексты предназначены для отражения части лингвистической реальности.
4. Субкорпус – это некоторая автономная часть корпуса.

По хронологическому признаку:

1. Синхронический;
2. Мониторный (отслеживает текущее состояние языка);
3. Диахронический.

По индексации:

1. Простой;
2. Аннотированный.

По языку:

1. Одноязычный;
2. Двуязычный;
3. Многоязычный.

По способу применения и использования корпуса:

1. Исследовательский;
2. Иллюстративный;
3. Параллельный.

По способу существования корпуса:

1. Динамический;
2. Статический.

Типы корпусной разметки

В настоящее время не существует общепризнанных стандартов представления лингвистической и других видов информации в текстах. Специальный международный проект Text Encoding Initiative (TEI) предназначен для того, чтобы разработать стандартизированные средства разметки. Для этого применяется уже общепризнанный международный язык разметки документов SGML или его подмножество XML. Типы разметки, которые может содержать корпус, можно условно подразделить на лингвистические и внешне лингвистические. К последним относятся:

- - разметка, отражающая особенности форматирования текста (заголовки, абзацы, отступы и т.д.);
- - разметка, касающаяся сведений об авторе и тексте. Причем сведения об авторе могут включать не только его имя, но также и возраст, пол, годы жизни и многое другое, а сведения о тексте обычно содержат, кроме названия, еще и язык, на котором он написан, год и место издания и т.д.

Наличие подобной информации позволяет значительно детализировать поиск в текстовых базах данных и, кроме того, предоставляет средства идентификации соответствующего документа.

Среди лингвистических типов разметки выделяются:

Морфологическая. В иностранных источниках употребляется термин *part-of-speech tagging*, дословно – частеречная разметка, в действительности она включает не только признак части речи, но и признаки грамматических категорий, свойственных данной части речи. Это основной тип разметки в текстах, он рассматривается как основа для дальнейших этапов анализа – синтаксического и семантического. Схема морфологической разметки предполагает наличие, во-первых, набора тэгов, во-вторых, описания того, что каждый из них означает и, в-третьих, правил присвоения тэгов единицам текста. Размер наборов тэгов, применяемых в разных корпусах, варьируется. Несомненно, чем больше набор тэгов, тем более детальный анализ текста осуществим с его помощью. Однако по мере увеличения объема корпусов наметилась тенденция к сокращению числа морфологических помет. Упрощенная система кодировки способствует избежанию лишних ошибок, непоследовательности, уходу от морфологической неоднозначности и, в конечном итоге, быстроте разметки больших массивов текста, содержащих миллионы слов;

Синтаксическая. Является результатом синтаксического анализа или парсинга (от англ. parsing). Чаще всего в его основе лежит грамматика структур непосредственно составляющих. Графически синтагматические отношения между членами предложения изображаются, как известно, в виде дерева, а в тексте они представлены парами из открывающейся и закрывающейся квадратных скобок, которые обрамляют различные синтаксические конструкции – именные, глагольные и предложные словосочетания, придаточные предложения. Рядом как с открывающейся, так и с закрывающейся скобкой ставятся метки (коды), описывающие заключенную в них конструкцию. Одни пары скобок вложены в другие, элементом высшего уровня является предложение, обозначаемое символом S. Тексты, получившие синтаксическую разметку, известны как treebanks. На синтаксическом уровне, как и на морфологическом, проявляется тенденция к меньшей детализации схем грамматической разметки в целях увеличения скорости и последовательности анализа текста. Метод, который возник в результате этой тенденции, получил название skeleton parsing;

Семантическая. Хотя для семантической, как и для других видов разметки, нет стандартной формы, чаще всего для ее представления используют код, состоящий из букв и цифр или только цифр, в котором первая буква или цифра обозначает общую семантическую категорию, в которую входит данное слово, а последующие символы – более узкие подкатегории, специализирующие его значение. В схемах семантической разметки предусмотрены те случаи, когда в качестве единицы смысла выступает не отдельное слово, а словосочетание. Все члены такого словосочетания получают один и тот же код, при этом для каждого из них дополнительно указываются его порядковый номер, а также общее число слов в идиоматическом выражении;

Анафорическая. Из всех видов референции наибольшую сложность для автоматической обработки текста представляет местоименная. Так, большинство систем машинного перевода обрабатывает текст по отдельным предложениям, отчего страдает связность выходного текста. Таким образом, эффективность таких систем гораздо повысилась бы, если бы правильно определялась референция местоимений-заместителей. В частности, этому и призвана способствовать анафорическая разметка. Как правило, антецедент, в роли которого обычно выступает именное словосочетание, берется в пронумерованные скобки, а рядом с местоимением-заместителем ставится особый знак, отсылающий к антецеденту с соответствующим номером;

Просодическая. В корпусах затранскрибированной звучащей речи применяются метки, описывающие ударение и интонацию. Просодической часто сопутствует так называемая дискурсная разметка, которая служит для обозначения пауз, хезитации, повторов, оговорок и т. д. Аннотирование корпусов осуществляется программными средствами. Во-первых, это экономичнее с точки зрения временных и трудовых затрат, чем если бы разметка проводилась вручную. Во-вторых, что более важно, это связано с поиском решений в области автоматической обработки текста. Тогда как для некоторых видов разметки, в частности анафорической, просодической, создание автоматических систем пока представляется очень сложным, и основная часть работы проводится вручную, то для морфологического и синтаксического анализа существуют различные программные средства, которые принято называть соответственно тэггеры (taggers) и парсеры (parsers). Большинство таких систем все же требует ручного постредактирования, так как в случаях морфологической омонимии и синтаксической неоднозначности программа предлагает несколько вариантов решения, из которых нужный выбирает исследователь. Между тем корпуса нового поколения включают десятки миллионов слов, поэтому выдвигается принцип разработки систем, которые бы исключали вмешательство человека, самостоятельно выполняя тот объем работы, который они могут выполнить. И даже ставится задача полностью автоматизировать процесс разметки потенциально не имеющего границ текста.

История - Первым большим компьютерным корпусом считается Брауновский корпус (БК, англ. Brown Corpus, BC), который был создан в 1960-е годы в Университете Брауна и содержал 500 фрагментов текстов по 2 тысячи слов в каждом, которые были опубликованы на английском языке в США в 1961 году. В результате он задал стандарт в 1 млн словоупотреблений для создания представительных корпусов на других языках. По модели близкой к БК в 1970-е годы был создан частотный словарь русского языка Засориной, построенный на основе корпуса текстов объёмом также в 1 миллион слов и включавший примерно в равной пропорции общественно-политические тексты, художественную литературу, научные и научно-популярные тексты из разных областей и драматургию. По аналогичной модели был построен и русский корпус, созданный в 1980-е годы в Университете Уппсалы, Швеция.

Размер в один миллион слов достаточен для лексикографического описания только самых частотных слов, поскольку слова и грамматические конструкции средней частоты встречаются по несколько раз на миллион

слов (со статистической точки зрения язык является большим набором редких событий). Так, каждое из таких обыденных слов, как англ. polite (вежливый) или англ. sunshine (солнечный свет) встречается в БК всего 7 раз, выражение англ. polite letter лишь один раз, а такие устойчивые выражения как англ. polite conversation, smile, request ни разу.

По этим причинам, а также в связи с ростом компьютерных мощностей, способных работать с большими объёмами текстов, в 1980-е годы в мире было предпринято несколько попыток создать корпуса большего размера. В Великобритании такими проектами были Банк Английского (Bank of English) в Бирмингемском Университете и Британский Национальный Корпус (British National Corpus, BNC).

Современное состояние

Наличие большого количества текстов в электронной форме существенно облегчило задачу создания

больших представительных корпусов размером в десятки и сотни миллионов слов, но не ликвидировало проблем: сбор тысяч текстов, снятие проблем с авторскими правами, приведение всех текстов в единую форму, балансировка корпуса по темам и жанрам отнимают много времени. Представительные корпуса существуют (или разрабатываются) для немецкого, польского, чешского, словенского, финского, новогреческого, армянского, китайского, японского, болгарского и других языков.

Национальный корпус русского языка, создаваемый при РАН, содержит на сегодняшний день более 500 млн словоупотреблений [2].

Наряду с представительными корпусами, которые охватывают большой набор жанров и функциональных стилей, в лингвистических исследованиях часто используются и оппортунистические коллекции текстов, например, газеты (часто Wall Street Journal и New York Times), новостные ленты (Рейтер), коллекции художественной литературы (Библиотека Мошкова или Проект Гутенберг).

Проблемы.

Проблема представительности

Корпус состоит из конечного числа текстов, но он призван адекватно отражать лексикограмматические феномены, типичные для всего объёма текстов в соответствующем языке (или подъязыке). Для представительности важен как размер, так и структура корпуса. Представительный размер зависит от задачи, поскольку он определяется тем, как много примеров может быть найдено для исследуемых феноменов. В связи с тем, что со статистической точки зрения язык содержит большое число относительно редких слов (Закон Ципфа), для исследования первых

пяти тысяч наиболее частотных слов (например, убыток, извиняться) требуется корпус размером около 10-20 миллионов словоупотреблений, в то время как для описания первых двадцати тысяч слов (незатейливый, сердцебиение, роиться) уже требуется корпус свыше ста миллионов словоупотреблений.

Проблема разметки

К первичной разметке текстов относятся этапы, обязательные для каждого корпуса:

- токенизация (разбиение на орфографические слова)
- лемматизация (приведение словоформ к словарной форме)
- морфологический анализ

Проблема представления результатов

В больших корпусах возникает проблема, которая ранее была неактуальной: поиск по запросу может выдавать сотни и даже тысячи результатов (контекстов употребления), которые просто физически невозможно просмотреть в ограниченное время. Для решения этой проблемы разрабатываются системы, позволяющие группировать результаты поиска и автоматически разбивать их на подмножества (кластеризация результатов поиска), либо выдающие наиболее устойчивые словосочетания (коллокации) со статистической оценкой их значимости.

Веб как корпус

Использование поисковых машин

В качестве корпуса может использоваться множество текстов, доступных в интернете (то есть миллиарды словоупотреблений для основных мировых языков). Для лингвистов самым распространенным способом работы с Интернетом остаётся составление запросов к поисковой машине и интерпретация результатов либо по числу найденных страниц, либо по первым возвращенным ссылкам. В английском языке такая методология получила название англ. Googleology, для русского более подходящим названием может стать Яндексология. Необходимо отметить, что такой подход годится для решения ограниченного класса задач, так как средства разметки текстов, используемые в вебе, не описывают ряд лингвистических особенностей текста (указание ударений, грамматических классов, границ словосочетаний и т. д.). Кроме того дело осложняется малой распространённостью семантической вёрстки.

На практике ограниченность такого подхода приводит к тому, что проверить, например, сочетаемость двух слов проще всего через запрос вида «слово1 слово2». По полученным результатам можно судить,

насколько распространено такое сочетание и в каких текстах оно чаще встречается. См. также статистика запросов.

Использование веб-страниц

Второй способ заключается в автоматическом извлечении большого количества страниц из Интернета и их дальнейшем использовании в качестве обычного корпуса, что дает возможность провести его разметку и использовать лингвистические параметры в запросах. Этот способ позволяет быстро создать представительный корпус для любого языка в достаточной степени представленного в Интернете, но его жанровое и тематическое разнообразие будет отражать интересы пользователей Интернета.

Всё большую популярность в научной среде получает использование Википедии — как корпуса текстов.

Проект Татозба

В 2006 году появился сайт Татозба (Tatoeba), позволяющий на свободной основе добавлять новые и изменять существующие предложения на различных языках, связанные между собой по смыслу. В его основу лёг лишь англо-японский корпус, а уже сейчас число языков превышает 80, а число предложений — 600000. Любой желающий может добавлять новые предложения и их переводы, а при необходимости — бесплатно скачать целиком или частично все языковые корпуса.

Открытый корпус русского языка

Интерфейс системы разметки Открытого корпуса русского языка.

Интерес представляет проект открытого корпуса русского языка, который не только использует опубликованные под свободными лицензиями тексты, но и позволяет любому желающему принять участие в лингвистической разметке корпуса. Такая форма краудсорсинга стала возможной благодаря разбиению задачи разметки на небольшие задания, с большинством из которых может справиться человек без специальной лингвистической подготовки. Корпус постоянно пополняется.

Основная литература

6. *Апресян Ю.Д.* Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966. С. 78-112.

7. *Герд А. С.* Предмет и основные направления прикладной лингвистики // Прикладное языкознание. СПб., 1996. С. 5-14.

8. *Городецкий Б. Ю.* Актуальные проблемы прикладной лингвистики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. М., 1983. С. 5—10, 12—17.

9. *Звегинцев В. А.* Теоретическая и прикладная лингвистика. М., 1968.

С. 22-35.

10. *Кибрик А. Е.* Прикладная лингвистика // Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992. С. 261-262.

Дополнительная литература

3. *Слама-Казаку Т.* Место прикладной лингвистики в системе наук: отношение ПЛ к «лингвистике» // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. М., 1983. С. 23-34.

4. *Якобсон Р.* Лингвистика в ее отношении к другим наукам // *Якобсон Р.* Избранные работы. М., 1985. С. 369-420.

Занятия 6. КОММУНИКАТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА. ЛИНГВОПРАГМАТИКА. ПСИХОЛИНГВИСТИКА.

План:

- 1. Коммуникативная лингвистика.**
- 2. Лингвопрагматика.**
- 3. Психолингвистика.**

Ключевые слова: *Высказывание, Дискурс, Речевой акт, Речевой жанр, Локутивный акт.*

1.1. КОММУНИКАТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Коммуникативная лингвистика – это направление в современной лингвистике, рассматривающее в качестве единицы коммуникации речевые акты (утверждение, просьба, вопрос и т. д.), коммуникативная значимость структурных элементов которых (слов, словосочетаний, предложений) проявляется в связном тексте (дискурсе). Используется для лингвистического обоснования современных методов обучения (коммуникативного и др.). Интерес методистов к этому направлению лингвистики означал известный пересмотр отношения к популярным в 50–60-е гг. структурному и трансформационно-генеративному направлениям в языкознании, не давшим ожидаемых результатов в повышении практического уровня владения неродным языком. Определяющими для методики считаются следующие идеи:

а) в качестве единицы коммуникации (и обучения) рассматриваются речевые акты;

б) в качестве единицы отбора речевых актов выступает речевая интенция говорящего, которая содержательно организует и регулирует речевое поведение;

в) овладение языком предполагает формирование у обучающегося коммуникативной компетенции, означающей способность правильно пользоваться языком в различных ситуациях общения;

г) формирование коммуникативной компетенции организуется в рамках тщательно отбираемых ситуаций общения, которые служат стимулом для возникновения речевого намерения и совершения речевых актов.

Осмысление сущности языка с точки зрения его главного предназначения предполагает знакомство с основами человеческой коммуникации. Суть коммуникативной природы речевой деятельности определяют два принципиально различающихся процесса: передача и прием сообщения.

Передача сообщения состоит в производстве или воспроизводстве текста. Эту работу выполняет говорящий, т.е. отправитель информации. Его задача — закодировать содержание мысли в определенном образом выстроенную последовательность звуковых (или графических) сигналов, текст. Текст представляет собой объединенную смысловой связью последовательность вербальных (словесных) знаков. Поскольку заключенная в нем информация предназначена для слушающего, то немаловажную роль в текстообразовании играет понимание (декодирование) сообщения на этапе его приема. Текст — это результат взаимодействия кодирования и декодирования, озвучивания и понимания сообщения. Понимание состоит в адекватном воспроизведении слушающим той информации, того сообщения, которые были закодированы говорящим (пишущим) в тексте. Информативность текста зависит от степени совпадения информации, передаваемой отправителем, и той информации, которая извлекается из текста получателем.

В качестве коммуникативных единиц речи выделяют высказывание, дискурс, речевой акт, речевой жанр, речевую (коммуникативную) стратегию и речевую (коммуникативную) тактику.

Высказывание — это основная единица речевого общения (равновеликая предложению), характеризующаяся относительной самостоятельностью, законченностью, возможностью актуального (тема-рематического) членения и включающая в себя коммуникативно-модальный аспект, интонацию (в устном варианте) и различные невербальные средства общения (В.Г. Гак, Л.Р. Львов).

Дискурс — речь, погруженная в жизнь (Арутюнова), вербализованная речемыслительная деятельность, включающая в себя не только лингвистические, но и экстралингвистические компоненты (Красных).

Речевой акт — основная единица коммуникации, функционально цельный ее фрагмент. Термин *речевой акт* употребляется в современном языкознании в нескольких значениях: а) как речевое действие (реализация речевой интенции говорящего), б) как тип речевого действия, в) как тип речевого акта (модель, образец однородной группы речевых актов с общими признаками). Речевой акт представляет собой трехуровневое образование: а) по отношению к используемым в речевом общении языковым средствам — это локутивный акт, б) по отношению к цели и условиям осуществления процесса общения — это иллокутивный акт, в) по отношению к результатам коммуникативного взаимодействия — это перлокутивный акт. Последовательность речевых актов образует дискурс, т.е. связный текст, отражающий некоторое событие «живой» действительности.

Речевой жанр — высказывание как продукт, следующий за речевым актом уровень абстрагирования речевой деятельности, устойчивый тематический, композиционный и стилистический тип построения текста (Федосюк).

+*Речевая тактика и речевая стратегия* — не только более крупные единицы, чем речевой акт и речевой жанр, но и представляют более высокий уровень абстрагирования текстообразовательного процесса. Хотя и та и другая единица — совокупность речевых актов (речевых действий), между собой они оказываются в родовидовом соотношении. Если речевая стратегия определяет основную задачу и генеральную интенцию общения (текста), то речевая тактика — способ решения одной из последовательно решаемых задач в рамках избранной речевой стратегии (Т.В. Матвеева). Итак, речевой акт, речевой жанр, речевая стратегия и речевая тактика находятся в иерархической и аспектной зависимости, представляя разные уровни абстрагирования речевой (текстовой) деятельности.

Теоретическим субстратом формирующейся методологии служит известная логико-философская доктрина речевых актов Джона Остина, Джона Серля, Зено Вендлера и др. Менее активно здесь используется теория речевой деятельности Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.А. Леонтьева, И.А. Зимней и др.

Лингвопрагматика

Это молодая лингвистическая дисциплина, сложилась только во второй половине 20 века. У нее нет четких контуров. Она тесно соприкасается с семантикой, стилистикой, риторикой, коммуникативным синтаксисом, с теорией дискурса, отчасти с психолингвистикой и социолингвистикой.

Круг проблем данной дисциплины не четкий. Всё же основной проблемой является следующее: изучает организацию высказывания в связи с целями высказывания, в связи с отношением говорящего к адресату и содержанию высказывания.

Чем занимается:

- теория речевых актов, изучает цели высказываний и типы речевых актов
- правила ведения разговора, особенности речевого этикета
- пресуппозиции и намеки на скрытый смысл, косвенные речевые акты
- вопросы дейксиса
- проблема фокуса высказывания (одну и ту же ситуацию можно рассмотреть с разных сторон. Пример: Петр всегда провожает свою жену. Муж Нины всегда провожает ее.)
- жанры, типы речевых произведений.

Теория речевых актов

Теорию речевых актов начали разрабатывать философы-логики, которые заинтересовались особенностями обиходной речи.

Лингвопрагматика и занимается в основном бытовой/обиходной речью.

Выяснилось, что в бытовой речи нарушена логика. Философов заинтересовало, какая логика руководит бытовыми высказываниями. Создатели теории: Остин (в 50ые годы прочитал ряд лекций в Гарварде на данную тему, потом в 60ые годы издал книгу «Слово как действие», это отражает утверждение, что слово часто является поступком) и Серль.

Теория речевых актов занимается высказываниями, которые состоят в произношении одного, реже большего количества предложений в ситуации непосредственного общения со слушателем. Таким образом, объект изучения сужен. Основной метод – интроспекция (наблюдения за самими собой).

По своим истокам это логико-философское направление, а по результатам – лингвистическое.

Остин и Серль интересуются целью/интенцией высказывания. До них интенцию отодвигали на второй план и учитывали другие параметры.

В любом речевом акте выделяют 3 ракурса рассмотрения:

- 1) Локутивный акт – создание высказывания в соответствии с нормами данного языка из единиц этого языка (изучает традиционная лингвистика)
- 2) Иллокутивный акт – выражение некоторого намерения, которое определенным образом манифестируется (зачем мы это сказали?)
- 3) перлокутивный акт – воздействие высказывания на слушателя.

Теория речевых актов занимается в основном иллокуцией. Перлокуцией лингвистика вообще не может заниматься, это предмет риторики и социальной психологии.

Четкого определения иллокуции дано не было. Главное, что здесь надо отметить, это то, что иллокуция – манифестация намерения в структуре высказывания. Главная же задача лингвистов – распознать намерение говорящего по структуре речевого акта.

Основные признаки иллокуции:

- целенаправленность/интенциональность (этим она отличается от локуции)
- кондициональность/традиционность (этим отличается от перлокуции)

Формально одно и то же высказывание может представлять собой разные иллокутивные акты. Например: Я поговорю с твоими родителями. Это может быть угроза или обещание.

У одного высказывания, с другой стороны, может быть несколько иллокутивных целей. Пример: взрослый спрашивает у ребенка «Как думаешь, кошечке приятно, что ты ее дергаешь за хвост?» Здесь цели: прекратить издевательство над кошкой, выразить упрек, иронию, просто задать вопрос.

Классификация речевых актов

Остин определял речевые акты, опираясь на глаголы говорения (хвастаться, жаловаться, ругать и т.д.). Эти глаголы соответствовали типам речевых актов. Это классификация нестрогая, не исчерпывающая и не универсальная (глаголы говорения могут отличаться в разных языках). В классификации Остина важным было противопоставление перформативов и констативов. Констатив описывает сложившееся положение вещей. Перформативы – слова, которые являются поступками/действиями.

Серль предложил классификацию попроще. У него 5 речевых актов:

1. Репрезентативы (приблизительно равно констативам). Цель: отразить положение вещей, зафиксировать мнение говорящего по сложившейся ситуации. Сюда относятся сообщения выводы. Репрезентативы могут сопровождаться дополнительными эмоциями (например, хвастовство, жалоба). Они могут быть истинными и ложными. Здесь действие предшествует речевому акту, слова отражают сложившуюся реальность.

2. Директивы – требования, приказы, мольбы, просьбы, команды, советы. Это попытки добиться, чтобы слушающий совершил некоторое действие. Слова предшествуют реальности.

3. Комиссивы – говорящий возлагает на себя некоторые обязательства (обещания, клятвы), сюда относятся сообщения о намерениях (I'll do it). Слова предопределяют действительность.

4. Экспрессивы выражают эмоциональное состояние говорящего (благодарность, извинение, сочувствие, поздравление). Серль полагал, что соотношение между высказыванием и окружающей средой здесь вообще отсутствует. Говорящий описывает свое внутреннее состояние, а не действительность.

5. Декларативы (приблизительно равны перформативам) – некоторое событие реализуется в результате сообщения о нем. Одновременно с высказыванием меняется действительность, но слова предшествуют событию.

Речевые акты могут быть прямыми и косвенными. В прямом речевом акте высказывание открыто манифестируется намерение. В косвенном речевом акте иллокутивное намерение открыто не манифестируется. Косвенные речевые акты распадаются на конвенциональные (Не могли бы вы дать мне соль? По форме это вопрос о возможностях говорящего, но по сути это просьба) и неконвенциональные.

Максимы речевого поведения

Этот вопрос начали разрабатывать логики.

Принципы кооперации Грайса.

Говорящие стремятся делать вклад в речевое общение согласно цели и направлению коммуникации.

1. Максима полноты информации/ количества. Говорящие должны сообщать адекватное количество информации.
2. Максима качества. Говори правду.
3. Максима релевантности. Не отклоняйся от темы. Высказывание должно соотноситься с контекстом беседы.
4. Максима манеры. Надо говорить кратко и ясно:
 - надо избегать непонятных выражений
 - избегать двусмысленных высказываний
 - быть кратким
 - быть организованным (речь должна быть логична)

Грайс считал, что если соблюдать эти правила, то коммуникация будет непрерывной и успешной.

Критики Грайса замечали, что речевое поведение не так разумно устроено. Максимы Грайса не подразумевали описание каждого конкретного дискурса, они описывают идеальную коммуникацию. Грайс считал, что эти требования знают все говорящие и на основе этих максим они интерпретируют чужое высказывание.

Например:

- 1) - Запишите следующий подзаголовок.

- Уже 14.25.

2) – У Смита кажется не девушки.

- В последнее время он часто ездит в Нью-Йорк.

Джозеф Лич обнаружил, что максимы Грайса часто нарушаются из-за соображений вежливости.

Максимы вежливости Лича

1) Максима такта (важна для просьбы, приказа)

А. желательно свести к минимуму упоминание о затрате и усилиях собеседника (Minimize cost to other)

Б. надо подчеркивать выгоду для собеседника (Maximize benefit to other)

2) Максимы великодушия (generosity maxim)

А. свести к минимуму упоминание о собственной выгоде (Minimize benefit to self)

Б. подчеркивать свои усилия и затраты (Maximize cost to self)

Пример: Could I borrow your electric drill? – более вежливое, чем Could you lend me your drill?

I wouldn't mind a cup of tea. – более вежливое, чем Could you give me a cup of tea?

3) Максима одобрения (важна для экспресивов и других высказываний)

А. своди к минимуму критику (Minimize dispraise of other)

Б. хвали других (Maximize praise of other)

4) Максима скромности

А. своди к минимуму хвалу себя (Minimize praise of self)

Б. критикуй себя (Maximize dispraise of self)

5) Максима согласия

А. своди к минимуму несогласие с собеседником (Minimize disagreement between self and other)

Б. подчеркивай согласие (Maximize agreement between self and other)

Пример: - Is it very large? –Oh, yes. It's large, rather large, anyway not very small.

6) Максима симпатии

А. выражай симпатию (Maximize the express of sympathy)

Б. выражай как можно меньше антипатии (Minimize the express of antipathy)

Лич считал нечетные пункты важнее четных, внутри пункт а важнее чем б.

Из-за вежливости появляется white lie, люди не договаривают всю информацию и т.д.

Еще одна теория вежливости была предложена Пенелопой Брайн и Стивенем Левенсоном. Книга "Universals of politeness". У них очень британский взгляд на мир. Они разрабатывали понятие положительной и

отрицательной вежливости. Они исходят из положения, что все говорящие руководствуются двумя чувствами в своей жизненной деятельности:

- желание «сохранить свою территорию», т.е. иметь возможность реализовывать беспрепятственно свои планы
- желание, чтобы их ценили, не потерять свое лицо

се речевые акты оцениваются с точки зрения, как они позволяют решить эти два желания. Речевой акт – невежливый, если он противоречит и тому и другому. У них очень подробная классификация. Так, просьба – невежливый речевой акт, косвенная просьба- более вежлива.

Психолингвистика

Психолингвистика возникла в середине XX века. Впервые о ней как о самостоятельной науке заговорили в 1953 г. на Международном семинаре по междисциплинарным связям, проходившем под патронажем известных американских ученых — психолога Ч. Осгуда и антрополога, этнографа Т. Сибеока. Ввиду того, что структурная лингвистика, обеспечив известное продвижение в области познания структуры и системы языка, не смогла объяснить работу живых механизмов функционирования языка в процессе естественной человеческой коммуникации, вскоре все более и более настойчиво стали обосновывать необходимость изучения так называемого человеческого фактора в языке, осмысления процессов говорения и понимания (восприятия) речи – основных компонентов категории «речевая деятельность», лежащей в основе современной отечественной психолингвистики.

Психологическое направление в европейской лингвистике XIX века (фон Гумбольдт, Штейнталь, Вундт, Потенбня, Бодуэн де Куртенэ) подготовило почву, без которой, собственно, возникновение психолингвистики в ее нынешнем виде было бы невозможным. У истоков психолингвистики стояли как отечественные и зарубежные лингвисты и психологи начала XX века. Яркими предшественниками отечественной психолингвистики были со стороны лингвистики Бахтин, Якубинский, Поливанов, со стороны психологии – Выготский и Леонтьев. Важная роль в создании концепции отечественной психолингвистики принадлежит петербургской школе, и, прежде всего, Щербе. Он выдвинул следующие положения 1) о приоритетном изучении процессов говорения и понимания (восприятия), 2) о важности исследования «отрицательного» языкового материала (детской речи и патологии речи), 3) о необходимости использования в языкознании экспериментальных методов.

В истории психолингвистики различают, по крайней мере, три направления: *ассоциативную, трансформационистскую и рече-деятельностную* психолингвистику.

Основателем **ассоциативной психолингвистики** является Ч. Осгуд. В качестве исходной концепции здесь используется необихевиоризм – учение, согласно которому поведение человека рассматривается как система реакций на стимулы внешней среды. В отечественной психолингвистике этому принципу речевого поведения противопоставляется принцип активности, когда человек действует не по схеме «стимул — реакция» а согласно выстроенной им же программе действий, по наиболее рациональному пути, ведущему к достижению цели.

Трансформационная психолингвистика создавалась школой Миллера—Хомского. Концепция Миллера-Хомского опиралась на теорию порождающей грамматики, согласно которой в основе языка лежит ограниченная система правил, задающая бесконечное число «правильных» предложений-высказываний. С помощью этой системы правил говорящий выстраивает «правильное» высказывание, а слушающий его декодирует (пытается его понять). Для осмысления процессов — говорения и понимания Н. Хомский вводит понятия «лингвистическая компетенция» — потенциальное знание языка и «языковая активность» — процесс реализации этой способности.

В процессах говорения и понимания ученый различает поверхностные и глубинные грамматические структуры. Глубинные структуры воспроизводятся или (чаще) трансформируются в поверхностные. Механизмы преобразования одних структур в другие получают у Дж. Миллера психологическую интерпретацию и рассматриваются как своеобразное проявление мышления. Психолингвистические исследования в других странах (ФРГ, Англии, Италии и др.), как правило, развивают идеи Миллера—Хомского. Поэтому зарубежная психолингвистика является преимущественно трансформационистской.

Зарубежная психолингвистика опиралась кроме того на традиции психологической школы Жана Пиаже во Франции. Согласно теории Ж. Пиаже, мышление ребенка в своем развитии преодолевает три стадии: сенсомоторную, до-операциональную и формально-операциональную. Речь ребенка развивается, по мнению Ж. Пиаже, под воздействием двух факторов: а) общения с другими членами этноязыкового коллектива и б) преобразования внешнего диалога во внутренний (эгоцентрическое общение с самим собой).

Психологический базис отечественной психолингвистики формировался главным образом на культурно-исторической психологии Выготского. Ее определяющие идеи воплотились в сфокусированном виде в двух основных положениях: а) речевая деятельность представляет собой совокупность мотива, цели и иерархической структуры речевого общения; б) в центре речевой деятельности находится человек как социальное существо, поскольку именно социум формирует и регулирует его речедетельностные процессы. Из-за того, что в центре внимания формирующейся науки оказалось речевое общение как деятельность, отечественная психолингвистика получила второе наименование — **«теория речевой деятельности»**.

Деятельность человека, согласно этой теории, опосредована общественно обусловленной системой 1) орудий труда и 2) «орудий» интеллектуального поведения (знаки). Причем вторые являются аналогом первых. Знаки как орудия интеллектуальной деятельности открывают перед человеком новые, более совершенные возможности общества, которые не в состоянии обеспечить ни безусловные, ни условные рефлексy. Знак, повторяя материальное орудие труда, ориентирован не вовне, а внутрь. Поэтому они выполняют функцию интериоризации (лат. *interio* «внутри»).

Для осуществления активной познавательной деятельности с отсутствующим предметом человеку необходим специфический посредник между реальным предметом и его идеальным аналогом (образом). Таким посредником выступает знак — некий «предмет», способный в мысли замещать соответствующий предмет. Специфика мыслительной деятельности как раз в том и состоит, что человек оперирует уже не реальными предметами, а их знаковыми заместителями. Знаки, при помощи которых осуществляется мышление, подразделяются на неязыковые и языковые. Но в любом случае мышление — знаковая форма деятельности. В связи с этим мышление может быть неязыковым и языковым. Языковое мышление — это деятельность с отсутствующими предметами, опирающаяся на языковые знаки, означающие которых случайны, и не имеют генетической и содержательной связи с мыслимыми предметами. Поэтому один и тот же предмет обозначается в разных языках знаками совершенно разными означающими. Проблема интериоризации, таким образом, — сфера пересечения психолингвистики и когнитивной лингвистики.

Основной метод психолингвистики — лингвистический эксперимент, в рамках которого разработаны разные методики: а) ассоциативного

эксперимента б) экспериментального шкалирования, в) вероятностного прогнозирования и г) индексирования текста.

Задачи метода лингвистического эксперимента и методика его применения зависят от цели исследования и уровневого статуса языковых единиц. Так, слова – основные номинативные единицы – в психолингвистике изучаются с точки зрения того, как они располагаются в нашем языковом сознании, по какому принципу структурируются (относительно друг друга), как в процессе порождения высказывания ведется их поиск и т.п. Чаще всего для ответов на поставленные вопросы используется лингвистический эксперимент, опирающийся на методику свободных ассоциаций. Методика проведения ассоциативного эксперимента сводится к тому, что испытуемому предъявляется список слов-стимулов, на каждое из которых он должен, не задумываясь, написать или высказать любое пришедшее на ум слово-реакцию.

Применительно к словообразованию лингвистический эксперимент обычно призван ответить на два вопроса: 1) как «рождаются» новые слова и 2) как «живет» производное слово в нашем языковом сознании? Для этого испытуемым (детям дошкольного возраста) предлагается ответить на ряд вопросов, предполагающих употребление производного слова.

В области грамматики психолингвистика разъясняет правила смысловой организации речевого высказывания (отношения между словоформами, виды грамматической связи между ними). Классический эксперимент в этой сфере языка был поставлен в свое время Л.В. Щербой. *Глокая куздра штеко будланула бокра и кудрячит бокренка.* Эксперимент показал, что предложенные грамматические формы 1) способны выражать грамматические значения 2) вступать между собой в грамматические связи и отношения; 3) языковое сознание человека при этом располагает синтаксическими моделями, схемами и образцами, где значимые позиции представлены грамматическими формами

Примером служит ставшая уже хрестоматийной фраза Н. Хомского: *Бесцветные зеленые идеи бешено спят.*

Материалом психолингвистических исследований является речь (высказывания, тексты) вообще, «ненормативные» виды речевого общения, детская речь, патология речи (афазии, угнетения одного из полушарий коры головного мозга, хезитации — колебания в речи говорящего и т.п.). Наиболее специфическим предметом изучения в этом ряду следует считать патологию речи, которая исследуется новой дисциплиной — нейролингвистикой (Лурия и его школа). Те же аспекты психолингвистики, которые связаны с лингвистическими механизмами познавательной

деятельности, в последнее десятилетие становятся предметом исследования когнитивной лингвистики.

+В целом современная психолингвистика позволяет устранить некоторые традиционно «белые пятна» языкознания: представить лексикон как динамическую функциональную систему, моделировать процессы опознавания слов (производных, многозначных, неологизмов, метафор и фразеологических единиц), процессы речепроизводства и понимания речи (текста), решать проблемы билингвизма, описывать стратегии овладения и пользования языком.

Занятия 7. ГЕНДЕРНАЯ ЛИНГВИСТИКА. НЕЙРОЛИНГВИСТИКА КАК НАУКА.

План:

- 1. Гендерная лингвистика.**
- 2. Нейролингвистика как наука.**

Гендерная лингвистика (лингвистическая гендерология) — научное направление в составе междисциплинарных гендерных исследований, при помощи лингвистического понятийного аппарата изучающее гендер (социокультурный пол, понимаемый как конвенциональный конструкт, относительно автономный от биологического пола).

В 1922 г. О. Есперсен посвятил целую главу фундаментального труда о происхождении и развитии языка особенностям женской языковой компетенции. Он обращает внимание на то, что женщины употребляют иную, нежели мужчины, лексику, более склонны к эвфемизмам и менее к ругательствам. По Есперсену, женщины консервативны в употреблении языка, что иллюстрируется на примере сообществ эмигрантов и иных изолированных групп, где сохраняется родной язык и одновременно усваивается новый. При этом женщины чаще остаются монолингвальными, а мужчины быстрее усваивают новый язык. Однако не учитывалось, что изучение иностранного языка мужчинами было продиктовано необходимостью работать и объясняться на новом языке. У пребывающих в домашней, более замкнутой, среде женщин такой необходимости не возникало.

Хотя Есперсен наиболее полно для своего времени интерпретировал вопрос о влиянии гендерного фактора, его воззрения в последующий период подвергались критике в связи с тем, что свои выводы он сделал,

основываясь лишь на личных наблюдениях, многие из которых не были достаточно обоснованы.

В целом первый период изучения гендерного фактора в языке характеризуется двумя особенностями: а) исследования носили нерегулярный характер и находились на периферии лингвистики; б) в ходе описания особенностей мужской и женской языковой компетенции сформировалась концепция "дефицитности" "женского" языка по отношению к "мужскому". Нормой признавался "мужской" язык, а отклонением от нормы – "женский".

Более интенсивные и систематические гендерные исследования начались в 60-е годы нашего века. Стимулом для них послужило развитие социолингвистики, предоставившей в распоряжение ученых обширный статистический материал о функционировании языка в группах людей, объединенных по признаку профессии, пола, возраста, городского или сельского образа жизни. Так, квантитативные исследования показали, что пол носителей языка определенным образом влияет на языковую компетенцию. В частности, было установлено, что женщинам свойственно употребление более престижных вариантов произношения.

В конце 60-х - начале 70-х годов гендерные исследования в языке получили мощнейший импульс, благодаря так называемому Новому женскому движению в США и Германии, в результате чего в языкознании возникло своеобразное направление, названное феминистской лингвистикой (ФЛ), или феминистской критикой языка. основополагающей стала работа Р. Лакофф, обосновавшая андроцентричность языка и ущербность образа женщины в картине мира, воспроизводимой в языке. К специфике феминистской критики языка можно отнести ее ярко выраженный полемический характер, привлечение к лингвистическому описанию результатов всего спектра наук о человеке (психологии, социологии, этнографии, антропологии, истории), а также ряд успешных попыток влиять на языковую политику.

В ФЛ просматриваются два направления: **первое** относится к исследованию языка с целью выявления "асимметрий в системе языка, направленных против женщин". Эти асимметрии получили название языкового сексизма (*sprachlicher Sexismus*). Речь идет о патриархальных стереотипах, зафиксированных в языке и навязывающих его носителям определенную картину мира, в которой женщинам отводится второстепенная роль и приписываются в основном негативные качества.

С конца 60-х годов XX века в языкознании (главным образом в США и Германии) возникает направление, названное феминистской критикой языка, или феминистской лингвистикой.

Феминистская лингвистика подвергла критике язык за его андроцентричность, т. е. ориентированность не на человека вообще, а на мужчину. Язык был обвинен в дискриминации по признаку пола, которой подвергаются женщины. Дискриминация выражается в преобладании мужских форм в языке, вторичности и объектности женщин, совпадении во многих языках понятий "человек" и "мужчина", преобладании в обозначениях женщин негативных оценок. В основе рассуждений лежала гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа: язык структурирует и направляет мышление, поэтому сознание человека в значительной мере определяется особенностями языка. Феминистская лингвистика предложила многочисленные рекомендации по реформированию языка.

Вторым направлением ФЛ стало исследование гендерных особенностей коммуникации в однополых и смешанных группах. Эти исследования характеризуются широким охватом: анализируются самые разные аспекты ведения аргументативных диалогов – телевизионные ток-шоу, диалоги врачей и пациентов, речевое общение в семье.

Сегодня можно говорить о существовании собственно гендерных исследований, изучающих оба пола, точнее – процесс социального конструирования различий между полами. Гендер считается институционализированным и ритуализованным социокультурным конструктом – одним из параметров социальной идентичности индивида. Общественные институты (армия, школа) поддерживают различия, придают им статус нормы и интерпретируют как природно обусловленные. Общественные ритуалы также создают гендерную асимметрию – в одежде, повседневном обиходе и символике. Гендер как продукт культуры отражает представления народа о женственности и мужественности, зафиксированные в фольклоре, сказках, традициях и языке. В коллективном сознании присутствуют гендерные стереотипы – упрощенные и заостренные представления о свойствах и качествах лиц иного пола.

В самом общем плане исследование гендера в языкознании касается двух проблем.

1. Язык и отражение в нем пола. Цель такого подхода состоит в описании и объяснении того, как манифестируется в языке наличие людей равного пола (исследуются в первую очередь номинативная система, лексикон, синтаксис, категория рода), какие оценки приписываются

мужчинам и женщинам и в каких семантических областях они наиболее заметно выражены.

2. Речевое и в целом коммуникативное поведение мужчин и женщин, где выделяются типичные стратегии и тактики, гендерно специфический выбор единиц лексикона, способы достижения успеха в коммуникации, предпочтения в выборе лексики, синтаксических конструкций – то есть специфика мужского и женского говорения.

При изучении речевого и в целом коммуникативного поведения гендер рассматривается как один из параметров, при помощи которого в общении конструируется социальная идентичность говорящего. Как правило, он взаимодействует с другими параметрами: статусом, возрастом, социальной группой. Одной из наиболее известных работ в этой области стал труд Деборы Таннен "Ты меня просто не понимаешь. Женщины и мужчины в диалоге". Автор анализирует коммуникативные неудачи в общении лиц разного пола и объясняет их разными требованиями, предъявляемыми обществом к мужчинам и женщинам, а также спецификой социализации в детском и подростковом возрасте, когда общение происходит преимущественно в однополых группах. Под воздействием этих факторов у мужчин и женщин вырабатываются разные мотивы поведения, разные стратегии и тактики общения. Речевое поведение мужчин, как правило, нацелено на достижение и сохранение независимости и высокого статуса. От женщин общество ожидает неконфликтности, уступчивости, эмоциональности. Эти различия ведут, согласно концепции Д. Таннен, к различиям в целях общения и в интерпретации высказываний. Одни и те же высказывания могут интерпретироваться с позиции статуса или с позиции поддержания взаимосвязи, солидарности и помощи.

Произнося одни и те же фразы, мужчины и женщины могут руководствоваться разными мотивами и по-разному интерпретировать слова собеседника. Например, оказание помощи можно истолковать как проявление солидарности и укрепление взаимосвязи. Но можно увидеть в помощи и намек на то, что помогающий (-щая) демонстрирует свое превосходство и пытается доминировать в отношениях. Кроме того, в каждой культуре существуют традиции и ритуалы общения, не одинаковые для мужчин и женщин. Так, во время застолья слово чаще предоставляется мужчинам. В этой связи Д. Таннен говорит о гендерлекте – социально и культурно обусловленных особенностях общения мужчин и женщин. Теория гендерлекта не нашла общей поддержки в лингвистике, но модель, разработанная Д. Таннен, обладает объяснительной силой, о чем

свидетельствует высокая популярность труда, он переведен более чем на 30 языков и постоянно переиздается.

Большой интерес представляет исследование гендера в профессиональной коммуникации. Так, в результате длительной работы немецких лингвистов по исследованию гендерной специфики профессионального общения установлено, что мужчины и женщины обнаруживают тенденции к разным стилям ведения полемики. Мужчины реже соглашаются с критикой, чаще прибегают к иронии, ссылкам на авторитеты, используют меньше речевых средств, выражающих неуверенность, и в результате производят впечатление более компетентных и уверенных в себе и своей правоте специалистов.

Возникновение гендерных исследований в отечественной лингвистике датируется обычно серединой девяностых годов XX века. Именно в этот период в российской научной литературе появился термин гендер, и отечественному читателю стали доступны зарубежные теоретические труды по гендерной проблематике. Отечественное языкознание не игнорировало проблему пола, а рассматривало ее (еще до возникновения термина гендер) в рамках других лингвистических дисциплин. Эти исследования не были системными, не претендовали на статус научного направления и не были связаны с теорией социального конструктивизма, но отечественные ученые внесли свой вклад в разработку проблематики, позднее обнимаемой гендерными исследованиями.

С определенной долей условности можно подразделить "догендерные" исследования на следующие направления.

1. Психолингвистические и социолингвистические исследования, изучающие особенности письменных и устных текстов, порожденных мужчинами и женщинами, влияние половозрастных особенностей говорящего на процесс вербальной коммуникации, гендерную специфику восприятия речи, воздействие фактора пола на поведение. Изучалось общение в семьях московской интеллигенции.

1) Типическая черта построения текста, свойственная женщинам – включение в ход разговора тематики, которую порождает обстановка речи, действия, которые производят говорящие.

2) Мужчины переключаются тяжелее, увлекаясь обсуждаемой темой, не реагируют на реплики, с ней не связанные.

3) Женщины чаще ссылаются на личный опыт и приводят примеры конкретных случаев из опыта ближайшего окружения.

4) В мужской речи отмечаются также терминологичность, стремление к точности номинаций, более сильное влияние фактора "профессия"

(считается, что мужчины больше говорят о работе), большая, по сравнению с женской, тенденция к использованию экспрессивных, особенно стилистически сниженных средств, намеренное огрубление речи.

5) К типичным чертам женской речи авторы относят гиперболизированную экспрессивность (жутко обидно) и более частое использование междометий типа ой!

6) Ассоциативные поля в мужской и женской речи соотнесены с разными фрагментами картины мира: спорт, охота, профессиональная, военная сфера (для мужчин) и природа, животные, окружающий обыденный мир (для женщин).

7) У женщин заметна тенденция к интенсификации, прежде всего положительной оценки. Мужчины более выражено используют, отрицательную оценку, включают стилистически сниженную бранную лексику.

В качестве главного вывода авторы указывают на отсутствие резких "непроходимых" границ между мужской и женской речью в русском языке. Отмеченные ими особенности мужской и женской речи определяются как тенденции употребления.

Характерной чертой советской, а затем российской лингвистической гендерологии можно назвать практическую направленность исследования мужской и женской речи: большое количество трудов связано с потребностями криминалистической экспертизы. Они сосредоточены на диагностике и установлении идентификационных признаков мужской и женской речи. Наиболее значима для этого вида исследований разработка методик установления имитации речи лица противоположного пола. Выясняется, каким образом можно установить сам факт имитации, какие признаки текста позволяют установить фальсификацию. Так, Т. В. Гомон выделяет комплекс поверхностных и глубинных признаков мужской и женской речи. К **поверхностным** относится компетентное описание фрагментов действительности, где традиционно главенствуют женщины (приготовление пищи, ориентация в проблемах моды, воспитания, домашнего хозяйства) или мужчины (ремонт техники, знание спортивных команд). Такие признаки могут быть относительно легко сфальсифицированы.

Общим же **глубинным** признаком имитации автор считает "наличие в тексте, составленном от лица женщины (мужчины), характеристик, в большей мере отражающих психолингвистические навыки мужской (женской) письменной речи". К ним автор относит:

Мужская письменная речь:

- 1) использование армейского и тюремного жаргона;
- 2) частое употребление вводных слов, особенно имеющих значение констатации: очевидно, несомненно, конечно;
- 3) употребление большого количества абстрактных существительных;
- 4) употребление при передаче эмоционального состояния или оценку предмета или явления слов с наименьшей эмоциональной индексацией;
- 5) однообразие лексических приемов при передаче эмоций;
- 6) сочетания официально и эмоционально маркированной лексики при обращении к родным и близким людям;
- 7) использование газетно-публицистических клише;
- 8) употребление нецензурных слов как вводных и однообразие используемых нецензурных слов, преобладание нецензурных конструкций, обозначающих действия и процессы, а также преобладание глаголов активного залога и переходных;
- 9) несоответствие знаков препинания эмоциональному накалу речи.

Женская письменная речь:

- 1) наличие множества вводных слов, определений, обстоятельств, местоименных подлежащих и дополнений, а также модальных конструкций, выражающих различную степень неуверенности, предположительности, неопределенности (может быть, по-видимому, по-моему);
- 2) склонность к употреблению "престижных", стилистически повышенных форм, клише, книжной лексики;
- 3) использование коннотативно нейтральных слов и выражений, эвфемизмов (нецензурно выражался вместо матерился; в нетрезвом виде вместо пьяный);
- 4) высокочастотным является также использование конструкций "наречие + наречие" (очень хорошо), простых и сложносочиненных предложений, синтаксических оборотов с двойным отрицанием;
- 5) частое использование знаков пунктуации, высокая эмоциональная окраска речи в целом.

Изучение наименований лиц женского и мужского пола, категории рода и связанных с ней проблем референции.

Лексикон естественного языка, его номинативная система является одним из важнейших объектов гендерных исследований. Наиболее часто цитируется труд Н. А. Янко-Триницкой, в котором отмечается, что в досоветское время предпочтительны были номинации лица с учетом пола (крестьянин / крестьянка), а после революции общественный дискурс постепенно перешел к преимущественному употреблению форм мужского

рода по отношению к лицу любого пола. Проблему пола и его отражения в языке рассматривает М. А. Кронгауз; категорию рода и вопрос ее соотношенности с категорией пола системно освещает А. М. Шахмайкин.

В этих и других работах приводятся данные об именах существительных, обозначающих лиц мужского и женского пола, рассматриваются их происхождение: и время возникновения в системе языка в связи с явлениями синонимии и дублетности, процессы метафоризации во взаимосвязи с категорией рода, влияние экстралингвистических факторов на развитие системы наименований лиц женского пола, история развития таких наименований, функции категории рода.

С середины девяностых годов XX века в отечественной гуманитарной науке начинается бурное развитие собственно гендерных исследований. В современной отечественной науке наблюдается большое разнообразие методологических установок в изучении гендера, восходящее к различному пониманию сущности в дискуссиях сторонников био - и социодетерминистского подходов.

Первоначально систематизировались концепции зарубежных ученых, обсуждались возможности применения ряда зарубежных методов и методик на материале русского языка, собирался и обобщался материал отечественных исследований, относящихся к гендерной проблематике. Сегодня в российском языкознании сложилось собственное, несколько отличное от западных течений, научное направление по изучению гендерных аспектов языка и коммуникации – лингвистическая гендерология, или гендерная лингвистика.

Значительную сложность представляет то обстоятельство, что традиционно гендерные стереотипы оказывают воздействие на сознание исследователя, в ряде случаев влияя на интерпретацию данных. Например, стандартное представление о том, что женщины более эмоциональны, чем мужчины, приводит к тому, что одни и те же формы речевого поведения у мужчин интерпретируются как нейтральные, а у женщин – как эмоциональные. Примеры такого рода можно продолжить.

Все лингвистические исследования гендера взаимообусловлены и взаимодополняемы, тем не менее, можно выделить несколько основных направлений развития лингвистической гендерологии в российском языкознании:

- 1) социо- и психолингвистическое;
- 2) лингвокультурологическое;
- 3) коммуникативно-дискурсивное.

В рамках **социо- и психолингвистического** направления продолжают интенсивные исследования русского языкового сознания, письменных и устных текстов, в том числе в прикладном аспекте.

В рамках **лингвокультурологического** направления ведутся работы по изучению специфики русских стереотипов фемининности и маскулинности и их функционирования в языке, исследования особенностей отражения русским языком культурных концептов "мужественность" и "женственность" и гендерной метафоры (под которой понимается

перенесение всей совокупности свойств, приписываемых культурой мужественности или женственности, на предметы и явления, с полом не связанные), межкультурной коммуникации, а также сопоставительные исследования на материале русского и других языков.

Существенный вклад в разработку лингвокультурологического направления и методологии гендерных исследований внесла сложившаяся в Московском государственном лингвистическом университете научная школа, ученые которой впервые выдвинули и верифицировали ряд гипотез, позволивших переосмыслить ранние положения гендерной теории, что стало возможным благодаря изучению русского и некоторых других языков. Лингвокультурологические исследования последних лет демонстрируют, что российскую лингвистику гендер интересует в плане более широкого исследования ментальности, этнокультурной специфики.

В рамках **коммуникативно-дискурсивного** направления ведется изучение лингвистического конструирования гендера в коммуникативном взаимодействии индивидов в различных видах дискурса, речевого поведения мужчин и женщин с позиций теорий социальной идентичности, коммуникативной адаптации и интеракционизма. Множественность и изменчивость концептов мужественности и женственности делает возможным манипуляцию этими понятиями в дискурсах массовой коммуникации, например в рекламном, политическом. Исследования российского рекламного дискурса выявляют гендерные стереотипы, которые используются как инструмент передачи информации об объекте рекламирования и о социальной действительности. Анализ российской рекламы призывает, что, несмотря на попытки нейтрализации гендерного фактора, в современном рекламном дискурсе происходит конструирование образа не только рекламных персонажей, но и самого объекта рекламирования, в соответствии с традиционными представлениями о социальной роли мужчин и женщин.

Авторы приходят к единому мнению, что различия в моделях мужского/женского речевого поведения проявляются нерегулярно и гендер не является определяющим фактором коммуникации. В то же время в определенных ситуациях речевого общения влияние гендера проявляется в предпочтении одних приемов речевого поведения и блокировании других.

Занятия 8. МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ.

План:

1. Межкультурная коммуникация: традиции и инновации.

2. Лингвокультурология.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

Глубинные мотивы и установки людей и их исторически сложившихся объединений были и остаются существенно разными. У каждого из них своя правда, свои представления о справедливости и способах достижения общественно значимых целей. Есть только два вида отношений к «чужой» правде, к иному мироощущению – понять или подавить. Первый вид отношений наименее прост и одновременно наиболее ценен в мире, где сосуществование стало императивом. Он предполагает наличие у субъектов ментального взаимодействия терпимости, сочувствия, доброжелательности, альтруизма.

Прежде всего, речь идет о том, чтобы *научиться жить вместе*, развивая знания о других, их истории, традициях и образе мышления. Это можно осуществить только через достижение осознания растущей взаимозависимости, через совместный анализ рисков и вызовов, ожидающих нас в будущем, а также через совместные проекты и поиск разумных, мирных решений неизбежных конфликтов.

Всё это рассматривается в рамках межкультурной коммуникации, вопросы которой стали особенно актуальными в связи с процессами современного общества и практическими потребностями людей самых разных культур, профессий, социальных институтов. Глобализация и интернационализация экономики и сферы услуг, развитие туризма и бизнеса, образовательная интеграция, многочисленные миграционные

процессы и возникающие на этом фоне проблемы непонимания и недопонимания, ошибки в общении, культурные недоразумения пробудили интерес исследователей к вопросам межкультурной коммуникации и привели к утверждению новой дисциплины научно–прикладного направления во второй половине XX века.

В настоящее время рассмотрение феномена «межкультурной коммуникации» традиционно, а сам термин, как правило, понимается в одном из 3 смыслов: как научное направление в сфере гуманитарных наук; как университетский курс; как непосредственный процесс общения между представителями разных культур. Рассматривая термин в третьем из перечисленных значений, важно отметить, что любая коммуникация, межличностная или межкультурная есть взаимодействие двух частных миров [Гейхман, 2003]. Это показывает дихотомию – общественный и личностный характер, индивидуум и группа, разделяемое и неразделяемое – и характеризует человеческое взаимодействие. Межкультурная коммуникация понимается нами через культурные вариации в восприятии социальных явлений и предметов. Это прямое напоминание, что коммуникация даже среди тех, кто разделяет базовые культурные паттерны, существенно окрашена личностным восприятием. То, что каждый человек воспринимает (внутрилично), влияет (воздействует) на то, что происходит между ним и другим (межлично). А так как нет двух похожих людей на свете, то все акты человеческой коммуникации являются в некоторой степени межкультурными в широком смысле этого слова.

И действительно, у человека в современном мире нет альтернативы, кроме как общаться межкультурно; люди связаны между собой и на них мгновенно обрушивается

поток информации, на фоне и по причине которой возникает взаимодействие с Другим как представителем другой культуры (т.е. на основе межкультурного взаимодействия). При таком взаимодействии двух людей проявляются четыре уровня того и другого субъекта:

- 1) каждый из них является носителем общечеловеческого сознания;
- 2) каждый из них является носителем культурных ценностей, созданных народом, к которому он принадлежит;
- 3) каждый из них является представителем определенной системы мировоззренческих ценностей той или иной религиозной конфессии или организации;

4) каждый из них является представителем социальной и/или профессиональной группы.

При всем этом каждый из вступающих во взаимодействие есть неповторимая человеческая индивидуальность, определяемая полом, возрастом, характером, темпераментом и другими особенностями человека, через которые все эти культурные уровни и проявляются.

Данная многоаспектная сущность способности к межкультурному взаимодействию может рассматриваться как интегральная характеристика человека, связанная с его индивидуальным жизненным опытом, которая заключается в овладении им различных уровней культуры – интернациональной, национальной, социальной, профессиональной. В конкретной ситуации взаимодействия каждый человек проявляет свою индивидуально обусловленную культурную сущность. Каждый социальный мир – это культурная область, границы которой определяются не территорией и не формальным членством в группе, а пределами эффективных коммуникаций. Каждый человек уникален, незаменим и неповторим.

Подтверждает приведенный тезис метафора Питера Хартли, который сравнивает коммуникацию двух личностей с танцем, в котором партнеры координируют свои движения, вырабатывая общее понимание относительно того, куда они движутся. При этом существуют определенные правила и навыки, однако имеются также и определенные свобода и гибкость

– танцоры могут оставлять свой собственный стиль в своих движениях [Hartley, 2001, с. 18].

Таким образом, получается, что, с одной стороны, на результат межкультурной коммуникации влияют миры взаимодействующих личностей, а с другой, – среда, которая задает правила и ограничения, а также создает каналы, благодаря которым взаимодействие становится возможным. Данное наблюдение привело нас к выводу о выделении межкультурной коммуникации в реальной и виртуальной реальности, в традиционном (первичном) и инновационном (Интернет) аспекте.

Интернет и современные информационные возможности создают совершенно уникальное пространство для бизнеса и личных контактов, которое не только способствует расширению географии коммуникации, но и видоизменяет ее сущность, внося свои поправки в устоявшиеся представления о человеческом взаимодействии. Опираясь на привычное,

традиционное, реальное общение, Интернет предлагает средства для его виртуального воплощения, стирающие границы стран и временные пояса, открывающие такие двери, о существовании которых мало кто мог подумать ранее. Что же происходит в это время с культурными границами и барьерами? Как изменилась межкультурная коммуникация под влиянием виртуального пространства?

Для ответа на эти вопросы проанализирует этимологию слова «виртуальный», которое оказалось на самом деле не таким простым и однозначным, каким может показаться на первый взгляд.

В основном под виртуальным понимается нечто нереальное, эфемерное, мнимое. Однако этимологический словарь Д. Харпера (<http://www.etymonline.com>) фиксирует английское «virtual» как образовавшееся от латинского «virtus» (ср. англ. «virtue»), что означало «превосходное качество, эффективность, добродетель, мужество». Далее с 1650х

«virtual» употреблялось в значении «существующий как сущность или факт, но не названный» («being something in essence or fact, though not in name»). И только в 1959 отмечается начало употребления данного слова в компьютерном смысле как «не

существующий физически, но созданный благодаря программному обеспечению» («not physically existing but made to appear by software»). Не правда ли любопытные смысловые трансформации?

А ведь во многих аспектах виртуальное действительно можно назвать эффективным и иногда добродетельным даже в настоящее время. Стоит только подумать о тех возможностях, которые с максимальными удобствами и минимальными затратами становятся доступными, благодаря технологиям и Интернету. Мгновенное распространение самой необходимой информации и активизация широких масс людей для общего благого дела – можно вспомнить бесконечное множество конкретных примеров, иллюстрирующих добродетельность и эффективность виртуального. А наталкивают на подобные мысли именно лингвистические выводы, которые превращают далекие друг от друга понятия в чуть ли не тождественно равные. Не замыкает ли значение слова «виртуальный» круг своего жизненного цикла, возвращаясь к своим семантическим корням?

Применительно к коммуникации виртуальное также нельзя рассматривать однозначно. С одной стороны, имеет место быть замаскированность всего, что связано с общением в Интернете. Аватарки,

ники, особые формы Интернет дискурса и Интернет коммуникации (связанные с такими средствами, как, например, блог, чат, мессенджер) позволяют идентифицировать себя с воображаемым, придуманным персонажем, имеющим мало общего с реальной личностью. С другой стороны, телеконференции и видеосвязь выступают почти совершенными аналогами реальной межличностной коммуникации. При этом два воплощения виртуального сосуществуют, являясь сторонами одной медали, дают право выбора (какими средствами и с какой целью пользоваться) и предупреждают о возможных заблуждениях и психологических барьерах, которые могут возникнуть между коммуникантами в силу определенной опосредованности общения.

Сравнивая реальную и виртуальную коммуникацию, отмечаем, что классически в традиционном понимании в коммуникации важны ее вербальная и невербальная составляющие. Хотя речь и является универсальным средством общения, она дополняется, а иногда и заменяется другим видом коммуникации, в которой репрезентированы другие знаковые системы: оптико-кинетические, пара- и экстралингвистические, пространственно-временные – жестикуляция, пантомимка, кинесика, проксемика, зрительный контакт [Лабунская, 1989].

При этом, учитывая тот факт, что общение двух людей, хотя бы один из которых говорит на иностранном языке, есть общение не только межъязыковое, но и межкультурное, поскольку коммуниканты являются представителями разных лингвокультурных сообществ, нельзя не обратить внимания на трудности понимания и формирования умений соответствия именно невербальным культурным компонентам. Известно большое число примеров межкультурных неудач, именно по причине культурного несовпадения невербального кода общения или его несоответствия речевому сообщению.

Что касается виртуального общения, то здесь выделяем три варианта оценки соотношения эквивалентов вербального и невербального. Если рассматривать устно-письменные формы коммуникации, то невербальные культурные барьеры автоматически снимаются: становится исключительно важным знание языка, понимание функционирования предложенной формы общения (будь то электронное письмо бизнес партнеру, чат на вебинаре или комментарии к фото друга в фейсбуке), а также владение системой эмодиконов. «Смайлики» по своему назначению выполняют функцию невербальных компонентов коммуникации, однако их число сильно ограничено, и они являются едиными для всех культур, что делает

их употребление нейтральным, подчиненным общим нормам Интернет коммуникации.

Второй вариант сравнения проводим с технологиями смешанного типа, примером которых служат вебинары, представляющиеся нам одной из уникальных возможностей межкультурной коммуникации, когда представители разных стран и культур могут услышать сообщение и задать вопросы докладчику в реальном времени. Смешанными мы назвали подобные технологии по причине комбинации устно-письменной Интернет коммуникации и видеосвязи, максимально похожей на реальное межличностное взаимодействие. Так, на вебинаре слушатели печатают свои сообщения в чате, а докладчик выступает по видеосвязи, одновременно имея возможность показа презентации к докладу и опроса слушателей при помощи встроенных тестирующих средств. Такая форма взаимодействия, с одной стороны, обладает всеми перечисленными свойствами из первого описанного варианта сравнения, а с другой, – оставляет место для трудностей реального мира. Поскольку докладчик выступает в режиме реального времени, чаще всего является представителем другой культуры и говорит на чужом языке, то это может способствовать недопониманию его слушателями, которые, однако, могут задавать вопросы в стандартном Интернет жанре чата.

Третий вариант сопоставления наблюдаем в случае, когда виртуальное максимально приближено к реальному общению, когда технологии становятся нейтральными посредниками, делающими возможной коммуникацию в принципе. Так получается в случае с видеоконференциями и видео–переговорами. Здесь, на наш взгляд, различия между виртуальным и реальным практически стираются. Во многих случаях можно наблюдать тенденцию к упрощению (так как видео не всегда позволяет следить за тонким невербальным поведением), но в основном такое общение видится нам скорее как реальное, опосредованное технологиями, нежели как целиком виртуальное. Однако если вернуться к этимологии виртуального, то, возможно, таким оно и должно быть? Реальным, эффективным и добродетельным?

«Эффективный», или «имеющий эффект» – данные определения вполне оправдано считать синонимичными «виртуальному» в современном информационном обществе, поскольку виртуальное способно обладать абсолютно реальными последствиями и приводит к ним. Суть данного явления заключается не только в психологических или информационных эффектах, но также и в эффектах материального мира, объектах и вещах.

Проиллюстрируем: можно поехать в магазин (несколько магазинов) и выбрать нужный товар, купить его за бумажные деньги и привезти домой. А можно, не выходя из дома, найти желаемую вещь в Интернет-магазине, заплатить за нее виртуальными деньгами, и курьер доставит ее в удобное для Вас место и время. Вопрос – одинаково ли эффективны два пути, приводящие к одному результату, приобретению материальной вещи? Мы полагаем, что нет. Виртуальный путь современного мира в данной ситуации дает лучший эффект: он экономит деньги, усилия и предоставляет возможности, которых у Вас может и не оказаться в реальном мире (например, заказать товар в другом городе или другой стране без их личного посещения).

Подобное происходит и с межкультурной коммуникацией, которая оперирует не вещественными эффектами, а абстрактными конструктами. И всё же результат остается реальным (что наводит на мысль о не такой уж и мнимости и эфемерности виртуального мира), но способы получения желаемого различны (однако виртуальный способ, как правило, более эффективен). Разобраться в сущности данного явления непросто, особенно принимая во внимание сложность феномена межкультурной коммуникации, переведенного в виртуальный мир. Тем не менее, подобные противоречия, плохо поддающиеся осмыслению, являются причиной психологических трансформаций, что позволяет определить виртуальную коммуникацию как важный компонент психики человека в информационном мире.

Виртуальная коммуникация, с одной стороны, – это коммуникация без присутствия живого человека, но с человеком, обозначенным знаками и символами. С другой стороны, она является фундаментом анализа больших объемов данных и выступает основной деятельностью цифрового пользователя, человека, обладающего способностями к многозадачности, к постоянной работе с электронными источниками, меняющимися подходы к потреблению информации, человека, умеющего быстро переключаться между различными информационными потоками.

Виртуальное коммуникативное пространство, в свою очередь, характеризуется интерактивностью, которое обретает в наши дни особое значение, связанное именно с высоким уровнем развития техники. Термин «интерактивный» используется довольно часто в контексте описания контактов человека и новых информационных систем –

«интерактивное голосование на телевидении», «интерактивные компьютерные игры» и т.п. Очевидно, что здесь подчеркивается возможность человека не пассивно воспринимать ту или иную информацию, а участвовать в ее формировании, в принятии тех или иных решений.

Интерактивное, эффективное, виртуальное приводит к тому, что подобные формы взаимодействия в Интернете ведут к обесцениванию живой, традиционной коммуникации, которая преобразуется в виртуальное общение, более доступное и удобное, требующее меньше времени и сил для организации. Одновременно сущность виртуальной коммуникации способствует появлению новых знаковых систем, в том числе, и особого языка виртуального мира. Этот язык беднее и проще, поскольку служит для передачи информации в насыщенной данными, многофункциональной среде виртуального пространства. Именно поэтому речевые формы Интернет дискурса называют устно- письменными: несмотря на визуально текстовую форму, такую речь характеризует высокий уровень имплицитности, ситуативность и неполнота.

Скорость современного мира запускает закон обратной пропорциональности в следующем контексте: чем больше информации необходимо передать, чем быстрее это надо сделать и чем с большим количеством людей за отрезок времени необходимо совершить коммуникацию, тем беднее средства, с помощью которых эта коммуникация осуществляется, тем больше страдает традиционный язык национальной культуры.

Более глубокий анализ позволяет говорить об изменении языковой личности как совокупности способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются степенью структурно- языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определенной целевой направленностью [Караулов 1989]. Формирование нового, информационного общества, оказывается тесно взаимосвязанным с изменением формы и содержания языка, а следовательно, и мышления, которое, приспособившись к постоянному информационному перенасыщению, становится клиповым.

Проблемы клипового мышления людей нового когнитивного склада кроются в противоречиях между: «мозаичной» и целостной картинами мира; восприятием разрозненных смысловых фрагментов и длительной

линейной последовательности; высокой скоростью обработки небольших порций информации и глубиной проработки деталей; способностями к многозадачности и концентрации внимания. Клиповость влияет на: восприятие окружающего мира, способность к анализу информации, систему морально-этических ценностей, а значит, прежде всего, на культуру индивида [Ставцева 2012].

Если сиюминутное взаимодействие в информационном обществе зависит от скорости обработки данных и передачи информации, что и обеспечивает клиповое мышление, то языковые трансформации, разрушающие связь с культурой через язык, намного более существенны и важны, будучи одновременно менее заметными для самого человека.

В настоящее время трудно однозначно оценить происходящие изменения, несомненно одно: виртуальное и реальное не противоположны, они взаимодополняют друг друга, характеризуются взаимным влиянием, трансформируют процессы коммуникации и связь личности со своей и чужими культурами. Именно информационный период развития общества ставит вопрос о сохранении культурной идентичности в ошеломляющих темпах глобального движения данных.

Лингвокультурология.

Язык не только связан с культурой: он растет из нее и выражает ее. Язык одновременно является и орудием создания, развития, хранения (в виде текстов) культуры, и ее частью. На основе этой идеи на рубеже тысячелетий возникает новая наука – лингвокультурология.

Лингвокультурология – это наука, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке. Вместе с тем не следует акцентировать внимание на «стыковом» характере новой науки, ибо это не простое «сложение» возможностей двух контактирующих наук, а именно разработка нового научного направления, способного преодолеть ограниченность «узковедомственного» изучения фактов и тем самым обеспечить новое их видение и объяснение.

Поэтому это не временный союз лингвистики и культурологии, а интердисциплинарная отрасль науки, самостоятельная по своим целям, задачам, методам и объекту исследования.

Итак, как специальная область науки лингвокультурология возникла в 90-е годы XX в. Представляется рациональным выделить два периода в развитии лингвокультурологии: первый период – предпосылок развития науки – труды Гумбольдта, Потебни, Сепира и др. и второй период –

оформления лингвокультурологии как самостоятельной области исследований.

В лингвокультурологии к сегодняшнему дню оформилось несколько направлений.

1. Лингвокультурология отдельной социальной группы, этноса в какой-то яркий в культурном отношении период
2. Диахроническая лингвокультурология
3. Сравнительная лингвокультурология
4. Сопоставительная лингвокультурология.
5. Лингвокультурная лексикография

В самом конце XX в. в Москве сложились четыре лингвокультурологические школы.

1. Школа лингвокультурологии Ю. С. Степанова, которая по методологии близка концепции Э. Бенвениста, целью ее является описание констант культуры в их диахроническом аспекте.

2. Школа Н.Д.Арутюновой исследует универсальные термины культуры, извлекаемые из текстов разных времен и народов.

3. Школа В. Н. Телия, Московская школа лингвокультурологического анализа фразеологизмов, В. Н.Телия и ее учениками исследуются языковые сущности с позиции рефлексии носителя живого языка.

4. Школа лингвокультурологии, созданная в Российском университете дружбы народов Воробьевым, Шаклеиным и др., развивающими концепцию Верещагина и Костомарова.

Итак, лингвокультурология – гуманитарная дисциплина, изучающая воплощенную в живой национальный язык и проявляющуюся в языковых процессах материальную и духовную культуру (Опарина). Она позволяет установить и объяснить, каким образом осуществляется одна из фундаментальных функций языка – быть орудием создания, развития, хранения и трансляции культуры. Ее цель – изучение способов, которыми язык воплощает в своих единицах, хранит и транслирует культуру.

Сегодня уже нельзя работать в лингвистике, делая вид, будто лингвокультурологии не существует. Ее игнорирование нарушает этос научного сообщества, где одной из базовых посылок является требование преемственности (даже если оно идет в виде аргументированного отрицания). Нельзя не видеть, что есть многие вещи в жизни и поведении нации, которые объясняются культурными факторами. Например, обязательное присутствие отчества у русского человека – это особый почет и уважение, которые ему оказывают соплеменники. Русские говорят: по имени называют, по отчеству – величают.

Методы лингвокультурологии – это совокупность аналитических приемов, операций и процедур, используемых при анализе взаимосвязи языка и культуры.

В лингвокультурологии можно использовать лингвистические, а также культурологические и социологические методы – методику контент-анализа, фреймовый анализ, нарративный анализ, восходящий к В. Проппу, методы полевой этнографии (описание, классификация, метод пережитков и др.), открытые интервью, применяемые в психологии и социологии и т. д.

Объектом лингвокультурологии является исследование взаимодействия языка, который есть транслятор культурной информации, культуры с ее установками и предпочтениями и человека, который создает эту культуру, пользуясь языком. Объект размещается на «стыке» нескольких фундаментальных наук – лингвистики и культурологии, этнографии и психолингвистики.

Предметом исследования этой науки являются единицы языка, которые приобрели символическое, эталонное, образно-метафорическое значение в культуре и которые обобщают результаты собственно человеческого сознания – зафиксированные в мифах, легендах, ритуалах, обрядах, фольклорных и религиозных и т.д.

Существует две концепции менталингвистики в целом и лингвокультурологии в частности «вербалистская» и «авербалистская». Сторонники первой убеждены, что «мышление <...> всегда протекает в вербальных формах, даже если оно достигает высокого уровня абстракции». Все, что вербализуется знаками естественного языка, поскольку фильтруется речемышлением и отбирается сознанием, оказывается культурно значимым. Это позволяет некоторым ученым рассматривать все четыре феномена – язык, мышление, сознание и культуру – как разные ипостаси единой лингвоментальной сущности.

Диаметрально противоположную позицию авербальности мышления занимают те авторы, которые доказывают, что мысль присутствует в сознании говорящего до того, как начнется процесс вербализации, и воплощается она в особом знаковом материале, отличном от словесного языка (Седов). Дискуссия между «вербалистами» и «авербалистами» продолжается уже в рамках лингвокультурологии.

Согласно вербалистской концепции, существует единая картина мира, и говорить о наличии еще и языковой картины мира бессмысленно. Напротив, с точки зрения авербалистов, понятие «языковая картина мира» является для лингвокультурологии базовым.

Со стороны вербалистов теория языковой картины мира подвергается острой критике за ее идейное сближение с гипотезой Сепира–Уорфа, согласно которой мир в целом воспринимается человеком сквозь призму родного языка.

Дополнительно:

Лингвокультурология как специальная область науки породила немало продуктивных в современной лингвистике понятий.

Наиболее важные понятия – это те, с помощью которых может быть представлена культурная информация в языковых единицах: культурные семы, культурный фон, культурные концепты и культурные коннотации.

Культурные семы – более мелкие и более универсальные, чем слово, семантические единицы, семантические признаки.

Культурный фон – характеристика номинативных единиц (слов и фразеологизмов), обозначающих явления социальной жизни и исторические события.

Культурные концепты – имена абстрактных понятий, поэтому культурная информация здесь прикрепляется к сигнификату, т.е. понятийному ядру.

Культурное наследование – передача культурных ценностей, информации, значимой для культуры.

Культурные традиции – совокупность наиболее ценных элементов социального и культурного наследия.

Культурный процесс – взаимодействие элементов, принадлежащих к системе культурных явлений.

Культурное пространство – форма существования культуры в сознании ее представителей.

Ментальность – это мирозерцание в категориях и формах родного языка, которые соединяют в себе интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях.

Менталитет – категория, которая отражает внутреннюю организацию и дифференциацию ментальности, склад ума, склад души народа. Культурная традиция – интегральное явление, выражающее социально стереотипизированный групповой опыт, который аккумулируется и воспроизводится в обществе.

Культурный фонд – это комплекс знаний, некоторый кругозор в области национальной и мировой культуры, которыми обладает типичный представитель той или иной культуры.

Язык культуры – знаковая сущность, точнее, система знаков и их отношений, посредством которой устанавливается координация ценностно-

смысловых форм и организуются существующие или вновь возникающие представления, образы, понятия и другие смысловые конструкции.

Установки культуры – это своего рода идеалы, в соответствии с которыми личность квалифицируется как «достойная/недостойная».

Субкультура – второстепенная, подчиненная культурная система (например, молодежная субкультура и т. п.).

Лингвокультурема – термин, введенный В. В. Воробьевым. Это комплексная межуровневая единица, которая представляет собой диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного или предметного) содержания.

Важное место в лингвокультурологии отводится изучению прецедентных имен и ключевых концептов культуры. Прецедентными именами называются индивидуальные имена, связанные с широко известными текстами (Обломов, Тарас Бульба), с ситуациями, которые известны большинству представителей данной нации (Иван Сусанин, дед Талаш).

Проблема соотношения языка и культуры – междисциплинарная проблема, решение которой возможно только усилиями нескольких наук – от философии и социологии до этнолингвистики и лингвокультурологии. Поэтому лингвокультурология – интердисциплинарная наука.

Литература

Гейхман, Л.К. Интерактивное обучение общению (общепедагогический подход) Дис. ... д-ра пед. наук. – Екатеринбург, 2003. – 426 с.

1. Караулов, Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. – М: Наука, 1989. – С. 3-8
2. Лабунская, В.А. Экспрессия человека: общение и межличностное познание. – Ростов н/Д: Феникс, 1999. – 608 с.
3. Ставцева, И.В. Синергетический подход в педагогической работе с клиповым мышлением учащихся // VIII sběrné nádobě obsahují materiály mezinárodní vědecko- praktická konference «Moderní vymoženosti vědy» po sekcích «Pedagogika». Díl 14. – Praha: Publishing House «Education and Science» s.r.o. – С.13-16
4. Hartley, P. Interpersonal Communication. Second edition. – Routledge, 1999. – 254 p.

V. БАНК КЕЙСОВ

КЕЙС 1

Общая схема научного исследования

Основные понятия: Цель и задачи исследования. Объект и предмет исследования.

Процесс исследования. Вид презентации результатов исследования.

Вопросы для самостоятельной подготовки и самопроверки

1. Чем отличается и что общего в объекте и предмете педагогического исследования?
2. Каким образом определить новизну собственного педагогического исследования?
3. Как определить валидность результатов исследования?

КЕЙС 2

Представьте на обсуждение в группе проект методологического аппарата предполагаемого авторского педагогического исследования.

КЕЙС 3

Выясните, насколько актуальной является цель, определенная Вами для исследования? Докажите ее актуальность в 3-5 тезисах.

КЕЙС 4

Почему процессы наблюдения и беседы многие исследователи рассматривают как искусство?

Разработайте алгоритм организации теоретических исследований в образовательных учреждениях. Выделите на получившейся блок-схеме места, которые отражают моменты наиболее вероятных рисков. и на каком основании? Результаты Ваших умозаключений оформите в таблицу.

КЕЙС 5

Разработайте индивидуальную траекторию подготовки себя к проведению научного исследования на основании наличных способностей данному виду деятельности.

КЕЙС 6

Научное изучение как основная форма научной работы

Основные понятия: Принципы научного изучения. Противоречивость процесса исследования. Подходы к педагогическому исследованию. Исследовательские способности.

1. Каким образом в исследовательской деятельности могут быть реализованы

изученные Вами основные принципы научного изучения?

2. Какие существуют источники зарождения каждого их изученных Вами принципов исследовательской деятельности?

3. Какими ресурсами в части исследовательской деятельности обладают сегодня деятельностный и индивидуальный подходы?

4. Можно и надо ли развивать собственную исследовательскую увлечённость?

5. Какие, на Ваш взгляд, существуют факторы, препятствующие педагогическим исследованиям?

КЕЙС 7

Каким образом в практике исследовательской деятельности реализуются принципы исследовательской деятельности и требования к ее организации? Результаты Ваших умозаключений оформите в таблицу.

Принципы и требования Примеры реализации в практике

Объективности

Доказательности

КЕЙС 8

Какие источники идей и противоречий для педагогических исследований Вы считаете наиболее приемлемыми и неприемлемыми для проявления Вами собственной исследовательской увлеченности? Составьте таблицу, в которой будут отражены способы индивидуальной работы над этим вопросом.

КЕЙС 9

Какие педагогические исследования Вы считаете необходимыми продолжать в Вашей собственной педагогической деятельности, а какие – на затрагивать,

VI. ГЛОССАРИЙ

Англицизмы	слова и выражения, заимствованные непосредственно из английского языка.
Безэквивалентная лексика	лексические единицы, которые не имеют переводческих эквивалентов в языке перевода.
Варваризмы	иноязычные слова и выражения, не до конца освоенные заимствующим языком.
Восточнославянские слова	лексические единицы, проникшие в русский язык из восточнославянского языка в VI-XIV вв.
Галлицизмы	слова и выражения, заимствованные из французского языка или образованные по модели французских слов и выражений.
Германизмы	слова или выражения, заимствованные каким-либо языком из германских языков (чаще всего из немецкого), или оборот речи, построенный по образцу этих языков (главным образом немецкого)
Гибриды	слова, образованные присоединением к иностранному корню русского суффикса, приставки и окончания.
Грецизм	слово, выражение или конструкция, заимствованные из греческого языка и воспринимаемые как чужеродный элемент.
Жаргонизмы	слова, появившиеся вследствие искажения каких-либо звуков.
Заимствование	элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т.п.), перенесенный из одного языка в другой в результате контактов языковых, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой.
Иноязычные вкрапления	слова и обороты, которые сохраняют иностранный облик, то есть иностранное

	написание и произношение.
Интернационализмы	общеупотребительные слова, известные не только в русском, но и в других европейских языках.
Иноязычные вкрапления	слова и обороты, представляющие собой своеобразные клише, идиоматические выражения, обычно передаваемые графическими и фонетическими средствами языка-источника.
Интернациональные слова	слова, образованные в основном из греч. и лат. элементов и широко распространённые в языках мира.
Интерференция	взаимное влияние различных уровней языка (фонетического, грамматического, лексического) при реализации речевого высказывания на различных языках и диалектах.
Калька	слова иноязычного происхождения, употребляемые с сохранением их фонетического и графического облика.
Композиты	слова, состоящие из слов.
Культура	исторически сложившиеся особенности материальной и духовной жизни общества (народа). Искусственная среда, созданная и создаваемая человеком в процессе его жизнедеятельности и взаимодействия с природой, другими людьми, с уже созданными культурными предметами и ценностными ориентациями.
Лексикология	раздел языкознания, занимающийся изучением словарного состава языка, единицей которого является слово.
Лексическое значение слова	содержание слова, т.е. устанавливаемая нашим мышлением соотнесенность между звуковым комплексом и предметом или явлением действительности, которые обозначены этим

	комплексом звуков. Носителем лексического значения является основа слова
Общеславянские слова	лексические единицы, унаследованные русским языком из общеславянского языка, который распался к V-VI вв. н.э.
Полногласие	наличие в определённых словах сочетаний - оро-, -оло-, -ере-, -ело- между согласными.
Семантика	раздел <u>лингвистики</u> (в частности, <u>семиотики</u>), изучающий смысловое <u>значение единиц языка</u> .
Реалии	это слова и словосочетания, называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому, которые являются носителями национального и исторического колорита, и не имеют, как правило, точных соответствий (эквивалентов) в других языках.
Полонизм	слово или выражение, заимствованное из польского языка или составленное по его образцу.
Лексика	1. Словарный состав языка. 2. Совокупность слов, связанных со сферой их использования.
Лексикография	раздел лексикологии, занимающийся составлением словарей и их изучением.
Ориентализмы	(восточные заимствования, восточные слова, восточные лексические элементы) – это слова, заимствованные в русский язык из языков восточных или через их посредство; т.е. слова, имеющие в своей истории восточный этап.
Латинизмы	слова, заимствованные из латинского языка.
Лексема	словарная единица, рассматриваемая во всей совокупности своих соотносительных и взаимосвязанных друг с другом форм и значений; слово как структурный элемент языка.

VII. ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

I. Труды Президента Республики Узбекистан

1. Мирзиёев Ш.М. Вместе с нашим смелым и благородным народом мы построим наше великое будущее. - Т .: «Узбекистан», 2017. - 488 с.
2. Мирзиёев Ш.М. Мы решительно продолжим наш путь национального развития и поднимем его на новый уровень. Том 1 - Т .: «Узбекистан», 2017. - 592 с.
3. Мирзиёев Ш.М. Согласие нашего народа - это высшая ценность, которую мы придаем нашей деятельности. Том 2 Т .: «Узбекистан», 2018. - 507 с.
4. Мирзиёев Ш.М. Работа нации с великими намерениями также будет велика, ее жизнь будет яркой, а ее будущее будет процветающим. Том 3.– Т .: «Узбекистан», 2019. - 400 с.
5. Мирзиёев Ш.М. От национального возрождения к национальному подъему. Том 4.– Т .: «Узбекистан», 2020. - 400 с.

II. Нормативно-правовые документы

1. Конституция Республики Узбекистан. - Т .: Узбекистан, 2018.
2. Закон Республики Узбекистан «Об образовании» № 237-637 от 23 сентября 2020 года.
3. Постановление Президента Республики Узбекистан от 10 декабря 2012 г. № ПП-1875 «О мерах по дальнейшему совершенствованию системы изучения иностранных языков».
4. Указ Президента Республики Узбекистан от 12 июня 2015 года № ПФ-4732 «О мерах по дальнейшему совершенствованию системы переподготовки и повышения квалификации руководителей и преподавателей высших учебных заведений».
5. Указ Президента Республики Узбекистан от 7 февраля 2017 года № 4947 «О Стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан».
6. Постановление Президента Республики Узбекистан от 20 апреля 2017 года № ПП-2909 «О мерах по дальнейшему развитию системы высшего образования».
7. Указ Президента Республики Узбекистан от 21 сентября 2018 года № ПФ-5544 «Об утверждении Стратегии инновационного развития Республики Узбекистан на 2019-2021 годы».

8. Указ Президента Республики Узбекистан № ПФ-5729 от 27 мая 2019 года «О мерах по дальнейшему совершенствованию системы противодействия коррупции в Республике Узбекистан».

9. Постановление Президента Республики Узбекистан от 17 июня 2019 года № ПП-4358 «О мерах по кардинальному совершенствованию системы подготовки высококвалифицированных кадров и развитию их научного потенциала в Национальном университете Узбекистана имени Мирзо Улугбека в 2019-2023 годах».

10. Указ Президента Республики Узбекистан от 27 августа 2019 года № ПФ-5789 «О внедрении системы непрерывного обучения руководителей и преподавателей высших учебных заведений».

11. Указ Президента Республики Узбекистан № ПФ-5847 от 8 октября 2019 года «Об утверждении Концепции развития системы высшего образования Республики Узбекистан до 2030 года».

12. Указ Президента Республики Узбекистан от 29 октября 2020 года № ПФ-6097 «Об утверждении Концепции развития науки до 2030 года».

13. Послание Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева Олий Мажлису от 25 января 2020 года.

14. Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан от 23 сентября 2019 года № 797 «О дополнительных мерах по дальнейшему совершенствованию системы повышения квалификации руководителей и преподавателей высших учебных заведений».

III. Основная литература

1. Амирова Т.А. и др. Очерки по истории лингвистики. – М.: Восточная литература, 1975.

2. Кондрашов Н.А. История лингвистических учений. – М.: Просвещение, 1979. Даниленко, В. П. История русского языкознания. курс лекций : учебное пособие / В. П. Даниленко. – М.: Флинта : Наука, 2009. – 318с.

3. Десяева, Н. Д. Стилистика современного русского языка : учебное пособие / Н. Д. Десяева, С. А. Арефьева. – М.: Академия, 2008. – 270с.

4. Даниленко, В. П. История русского языкознания. курс лекций : учебное пособие / В. П. Даниленко. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 318с.

IV. Дополнительная литература

1. Юдина Н. В. Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс? : монография / Н. В. Юдина. – М. : Гнозис, 2010. – 292, [1] с.
2. Штрекер, Н. Ю. Современный русский язык. Историческое комментирование : учебное пособие / Н. Ю. Штрекер. – М. : Academia, 2005. – 238, [1] с. (Высшее профессиональное образование. Педагогические специальности)
3. Касаткин, Л. Л. Современный русский язык. Фонетика : учебное пособие / Л. Л. Касаткин. – М. : Academia, 2006. - 250,[1] с.(Учебное пособие) (Высшее профессиональное образование. Филология)
4. Костомаров, В. Г. Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики / В. Г. Костомаров. – М. : Гардарики, 2005. – 287 с.

V. Интернет-ресурсы

1. www.I-U.ru
2. www.wikipedia.org.ru
3. <http://courier.com.ru>
4. <http://www.1september.ru>
5. www.academy.uz
6. <http://ziyonet.uz/ru/library>
7. <http://natlib.uz/>
8. <http://ek.nuu.uz/>